СОДЕРЖАНИЕ:

БОЛЬШЕВИК

№ 16 № 16

1 СЕНТЯБРЯ

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Просим читателя исправить след. важнейшие опечатки:

Стр. 75-я, 3 абзац сверху (2-я строка) напечатано:.. статью „Капитализм в с[ельском] хозяйстве" (о книге К[аутск]ого и о статье г. Б[улгако]ва),— следует читать: ...статью „Капитализм в с[ельском] хозяйстве (о книге К[аутск]ого и о статье г. Б[улгако]ва)"...

Стр. 78-я, примеч. 8-е стоит:... „напечатана в „Научном Обозрении", № 1, за 1894...—следует: ...напечатана в „Научном Обозрении" № 1 за 1899 г.

Стр. 80-я, примеч. 14-е—напечатано:... Bernstein, E. Die „Voraussetzungen... и т. д.—следует:... Bernstein, E. „Die Voraussetzungen... и т. д.

Стр.	Строка.		Напечатано:	Следует:
87	14—15	снизу	„может быть включено в мировоззрение"	„может соответствовать мировоззрению"
87	4	„	„и эмпиризма"	„и «ползучего эмпиризма»"
88	1	„	„отражение формы"	„отражение форм"
89	2	сверху	„законы природы"	„законы бытия"
90	25	„	„(= марксизм)"	„(= марксизма)"
90	11	снизу	„связь"	„связи"
96	22	сверху	„сознательно - имманетным"	„сознательно -имманентной"
96	примечание		„Сборник «Диалектический материализм и механистическое естествознание»"	„Сборник «Механистическое естествознание и диалектический материализм»"

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«П Р А В Д А»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 1 СЕНТЯБРЯ 16

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 44106. Тираж 40.000 экз.
Типография из-ва «Правда» и «Беднота», Москва, Серебрянич. наб., д. 23/а.

Г. Зиновьев.

Ленинизм и диалектика[1]).

В 1912 г. вышла в 4-х томах переписка Маркса с Энгельсом, обнимающая почти целых 40 лет. Эта переписка основателей коммунизма позволила Ленину особенно близко заглянуть в идейную лабораторию марксизма. Нам живо вспоминается, с какой «жадностью» набросился Ленин на детальнейшее изучение этих 4 томов переписки, посвященной самым разнообразнейшим вопросам теории и практики марксизма. Ленин не только сам изучил каждую строчку этих 4-х томов, но и побудил к этому всех т.т., живших тогда вместе с ним (это было в Кракове).

В неоконченной статье, написанной Лениным в 1913 г. или в начале 1914 г. (см. дополн. том соч. В. И. Ленина) Ленин подвел итог этой необ'ятной, глубоко содержательной переписке творцов научного социализма в следующих словах:

«Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет диалектика. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с оснований ее, к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса—вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот что они вносят наиболее существенного и наиболее нового, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли».

В значительной мере то же самое можно было бы сказать о работе самого Ленина.

«У Маркса нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинил, сфантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественно-исторический процесс, рождение нового общества из старого, переходную форму от второго к первому. (Курсив наш. *Г. З.*). Он берет практический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практический урок. Он «учится» у коммуны, как все великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта великих движений угнетенного класса [2]).

---

[1]) Настоящая статья представляет собою последнюю главу из выходящей на-днях книги «Ленинизм. Коренные вопросы ленинизма».

[2]) Ленин. Собр. соч., том XIV, ч. 2, стр. 335, «Государство и революция».

Разве эту ленинскую характеристику Маркса мы не могли бы с полным правом применить к самому Ленину и ленинизму?

Ленин умел быть активнейшим, страстным, «бешеным» (любимое словечко Ленина) участником событий и в то же время умел тут же, как бы отходя в сторонку, совершенно об'ективно наблюдать, оценивать и обобщать эти же события с философским спокойствием, с критерием марксистской диалектики, с об'ективностью естествоиспытателя. Ленин умел с величайшей страстностью драться за ту или иную, казалось бы, частность или деталь, и в то же время он, как никто, обозревал весь путь в целом, по каким-то неуловимым, ему одному ведомым, симптомам улавливал пульс грядущих событий, ясно видел окончание того или другого этапа в общественном развитии и наступление нового этапа в такой момент, когда события были еще «теплыми», незавершенными. Как опытный химик, производя хорошо известный ему анализ, умеет наблюдать все изменения в реторте, заранее зная окончательный результат, так Ленин умел наблюдать происходящие в общественной жизни и революционной борьбе «перерастания» (одно из самых любимых словечек Ленина) и в то же время почти всегда безошибочно предугадывать окончательный исход данной полосы развития в данной обстановке времени и места.

«Вся теория Маркса —писал Ленин—есть применение теории развития, ее наиболее последовательных, полных, продуманных и богатых содержанием форм к современному капитализму. Естественно, что для Маркса стал вопрос о применении этой теории и к предстоящему краху капитализма и к будущему развитию будущего коммунизма.

«На основании каких же данных можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?

«На основании того, что он происходит из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действия такой общественной силы, которая рождена капитализмом.

«У Маркса нет и тени попытки сочинять утопию, по пустому гадать насчет того, что знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется» [1].

Или в другом месте:

«Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического мировоззрения... На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать... об'ективно неизбежную диалектику человеческой истории» [1].

[1] Собр. соч., том XIV, ч. 2, стр. 365–366.

Вникая в каждое слово этих характеристик Маркса, данных Лениным, мы, ученики Ленина, имеем полное право сказать: de te fabula narratur—о тебе сказка сия сказывается, к тебе, к твоему учению (т.-е. к ленинизму) эта характеристика могла бы быть применена с полным основанием.

Во всех своих важнейших работах, во многих неопубликованных заметках, в свое время писанных только для «себя», Ленин десятки раз возвращается к вопросу о диалектике. Чем глубже и пристальнее мы можем теперь заглянуть в идейную лабораторию ленинизма—в том числе в неопубликованные еще работы и записки Ленина,—тем яснее становится, какой громадный интерес Ленин всегда проявлял к диалектике.

* * *

Уже в «Что такое друзья народа» мы встречаем следующее определение:

«...Диалектическим методом—в противоположность метафизическому—Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим об'ективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития... Поэтому Маркс заботился об одном: показать точным научным исследованием необходимость данных порядков общественных отношений, констатируя со всей возможной полнотой те факты, которые служат для него исходными и опорными пунктами. Для этой цели совершенно достаточно, если он, доказывая необходимость настоящего строя, доказывает вместе с тем и необходимость другого строя, который неизбежно должен вырасти из предыдущего,—все равно, верят ли люди в это или не верят, сознают ли они это или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерения людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения».

Чисто философские определения диалектики у Ленина необычайно глубоки и вместе с тем просты—они «свежи», они

[1] В. И. Ленин. «Маркс, Энгельс, марксизм», изд. Института Ленина, 1925 г., стр. 29—31.

«пахнут» землей, жизнью, революцией. В нашу задачу, разумеется, не входит привести здесь все, что Ленин писал о диалектике. Но кое-что мы приведем.

«Диалектика есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности,—при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга,—почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую [1]).

«Sie (вещи) sind, aber die Wahrheit dieses Seins ist ihr Ende» [2]).

«Остроумно и умно. Понятия, обычно кажущиеся мертвыми, Гегель анализирует и показывает, что в них есть движение. Конечный? значит, двигающийся к концу! Нечто?—Значит не то, что другое. Бытие вообще?—значит такая неопределенность, что бытие=небытию. Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей,—вот в чем суть. Эта гибкость, примененная суб'ективно=эклектике и софистике. Гибкость, примененная об'ективно, т.-е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира» [3]).

«Диалектика Маркса, будучи последним словом научно-эволюционного метода, запрещает именно изолированное, т.-е. одностороннее и уродливо-искаженное рассмотрение предмета [4]).

«Марксова диалектика требует конкретного анализа каждой особой исторической ситуации [5]).

«Наше учение—говорил Энгельс про себя и про своего знаменитого друга —не догма, а руководство для действия». В этом классическом положении с замечательной силой и выразительностью подчеркнута та сторона марксизма, которая сплошь и рядом упускается из виду. А упуская ее из виду, мы делаем марксизм односторонним, уродливым, мертвым, мы вынимаем из него его душу живу, мы подрываем его коренные теоретические основания—диалектику, учение о всестороннем и полном противоречии в историческом развитии; мы подрываем его связи с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории» [6]).

[1]) В. И. Ленин. Из «Конспекта «науки логики» Гегеля». Журн. «Под знаменем марксизма», № 1–2, январь—февраль 1925 г. Москва, стр. 22.

[2]) „Они суть, но истина этого бытия есть их конец".

[3]) Там же, стр. 23.

[4]) Собр. соч., том XIII, стр. 160.

[5]) Собр. соч., том XIII, стр. 160.

[6]) Собр. соч., том XI, ч. 2, стр. 138. «О некоторых особенностях исторического развития марксизма».

«Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть суть (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики»...

«Всякое общее есть частичка (или сторона, или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д., и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.» [1]).

Там же находим следующую замечательную оценку Марксова «Капитала»:

«У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся отношение буржуазного товарного общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия (resp. зародыши всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества, в Σ [2]) его основных частей, от его начала до его конца» [3]).

Как это сказано просто и гениально глубоко!

* * *

Пока дело идет о чисто философских проблемах, Плеханов понимает диалектику не хуже Ленина. Как просветитель, как писатель, как пропагандист, как популяризатор философских взглядов Маркса, Плеханов силен. Академическое изложение диалектического метода Плеханов дает нам блестящее. Но свести все эти вопросы с академического неба на грешную землю, применить диалектику к революционной борьбе, к движению масс, к общественному развитию, к освободительной борьбе рабочего класса—в этой области Плеханов оказался совершенно бессилен. А Ленин именно в этой области выступил настоящим гигантом.

Мы сумели «протащить» социализм в повседневную жизнь,—сказал в одной из своих речей Ленин. То же самое Ленин мог бы сказать о диалектике—ленинизм сумел «протащить» диалектику в повседневную жизнь, в повседневную борьбу масс.

Особенно гениальное применение диалектика, в руках Ленина, нашла себе в области выработки теории и тактики пролетарской революции.

[1]) См. отрывок Ленина «К вопросу о диалектике», напечат. в журнале «Под знаменем марксизма» № 5–6, 1925 г., стр. 14–15.

[2]) Греческая буква «сигма», употребляемая в математике для обозначения суммы.

[3]) Там же, стр. 15.

«Куда растет» данное явление или данная группа явлений—эта постановка вопроса крайне характерна для ленинизма. Важно не только то, что представляет собой данный факт или данная группа фактов в данный момент; важно прежде всего знать, куда растут эти явления.

Слово «перерастание» одно из самых употребительных и глубоких в словаре ленинизма.

Перерастание капитализма, основанного на свободной конкуренции, в монополистический капитализм; перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую; перерастание социализма в коммунизм; перерастание империалистской войны в гражданскую; перерастание всеобщей стачки в вооруженное восстание; перерастание оппортунизма в социал-шовинизм. Или, с другой стороны—возьмите «Медленное перерастание крепостнических—помещичьих хозяйств в юнкерски-буржуазные хозяйства»[1])—одна из возможностей «прусского» типа развития крестьянской России, которую допускал Ленин после 1905 года. Или «исторический перелом от буржуазной к пролетарской демократии». «Перерастание». «вползание» или ломка первой, рождение второй»[2]). И так далее и тому подобное. Каждая из этих формул полна глубочайшего содержания, каждая из них—образец применения революционной диалектики.

Перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую есть одна из важнейших проблем ленинизма. То, что сказано в этой области Лениным, освещает, как могучим прожектором, исторический путь великой освободительной борьбы пролетариата. Учение Ленина, именно в этой области, бросило особенно богатый сноп особенно ярких лучей на труднейшие, до сих пор неосвещенные проблемы мирового освободительного движения. Без того, чтобы понять отношение ленинизма к диалектике, совершенно невозможно понять такие важнейшие главы учения ленинизма, как глава о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

«Революции—писал Ленин—никогда не рождаются готовыми, не выходят из головы Юпитера, не вспыхивают сразу. Им предшествует всегда процесс брожений, кризисов, движений, возмущений, начала революции, при чем это начало не всегда развивается до конца (напр., если слаб революционный класс)[3]).

Однако, глубоко ошибся бы тот, кто на основании сказанного о ленинском подходе к «перерастанию», стал бы сводить

---

[1]) Собр. соч., т. IX, стр. 597—598.

[2]) Ленинский сборник, т. III, стр. 516.

[3]) Неоконченная ст. «Оппортунизм и крах II Интернационала» (дополнительный том).

всю диалектику Ленина к эволюционизму. Диалектика подразумевает такое «развитие», в котором количество путем скачка может превратиться в качество; такое развитие, когда медленно накопившиеся молекулярные «количественные» изменения дают «внезапно» полное «качественное» превращение.

«Перерастание» капитализма в социализм никогда не мыслилось Лениным «эволюционистски», как это свойственно ревизионистам, критикам Маркса. «Скачок», в виде вооруженного восстания, революции, наоборот, не только подразумевался, но и предуказывался, был предметом наибольшего внимания и подготовки. Диалектика Ленина революционна.

* * *

В первых спорах о характере русской революции, еще до генеральной репетиции 1905 года, Ленин и Плеханов одинаково защищали ту мысль, что первая революция в России будет буржуазной революцией. В спорах против народников и анархистов Плеханов и Ленин в те времена стояли по одну сторону баррикады. Пока дело шло только об этом, Плеханов был силен. Он превосходно фехтовал против народнических предрассудков, с величайшим литературным блеском он защищал марксистский тезис о неизбежном буржуазном характере первой русской революции.

Но когда русский рабочий класс стал переходить из приготовительного класса в первый, когда надо было конкретизировать тактику российского пролетариата в предстоящей буржуазной революции, Плеханов сперва оказался просто беспомощным, как ребенок, а потом скатился к позиции либеральной буржуазии. Когда в конкретной исторической обстановке возник вопрос о том, какая же именно буржуазная революция предстоит в России, какую роль сыграет в ней крестьянство, каково будет соотношение между победой буржуазно-демократической революции и началом революции социалистической, какие звенья протянутся между рабочим классом крестьянской России и промышленным пролетариатом капиталистической Европы; когда конкретно возник вопрос о руководящей роли пролетариата в крестьянской стране,—тогда во весь рост поднялся именно Ленин, который один только сумел указать дорогу российскому и мировому пролетариату.

«На этой экономической основе революция в России неизбежно является, разумеется, буржуазной революцией. Это положение марксизма совершенно непреоборимо. Его никогда нельзя забывать. Его всегда необходимо применять ко всем экономическим и политическим вопросам русской революции.

«Но его надо уметь применять. Конкретный анализ положений и интересов различных классов должен служить для определе-

ния точного значения этой истины в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их, т.-е. стремление искать ответа на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом...» [1]).

Еще ярче, еще богаче содержанием стала революционная диалектика ленинизма в эпоху первой всемирной империалистической войны, когда па очередь исторического дня с особенной повелительностью стали международные проблемы. Совершенно новые, небывало сложные и трудные проблемы Ленин осветил с непревзойденным мастерством. Как глина «слушается» искусного скульптора, так сложнейшие проблемы революционного развития «слушались» искусных рук революционного диалектика Ленина.

Что может быть яснее и глубже, и содержательнее, и диалектичнее следующего небольшого отрывка, писанного по свежим следам первых великих потрясений империалистической войны в 1915 году.

«Социалистическая революция в Европе не может быть ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней—без такого участия невозможна массовая борьба, невозможна никакая революция— и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но об'ективно они будут нападать на капитал, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту об'ективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне-раздробленной массовой борьбы, сможет об'единить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелко-буржуазных шлаков» [2]).

Учение Ленина о том, что победа мировой революции складывается из движения: 1) пролетариата, 2) крестьянства и 3) угнетенных народов—в частности его учение о роли колоний и полуколоний в освободительном движении,—становится теперь достоянием широчайших народных масс.

После событий лета 1925 года в Китае теория ленинизма в этой своей части особенно наглядно облекается плотью и кровью.

[1]) Собр. соч., т. III, стр. 10.

[2]) Ленин. «Итоги дискуссии о самоопределении». Собр. соч., т. XIII стр. 431.

В известном смысле можно сказать, что китайские события 1925 г. являются триумфом ленинизма. Но какая гениальная прозорливость нужна была, чтобы уже в 1915 году—за 10 лет до китайских событий—так ясно, так просто и трезво, так гениально конкретно изобразить предстоящий ход социалистической революции в Европе и Азии, как это сделано в приведенном только-что отрывке.

«Политика, писал Ленин, более похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще более на высшую математику, чем на низшую. В действительности все старые формы социалистического движения наполнились новым содержанием; перед цифрами появился теперь новый знак «минус», а наши мудрецы упрямо продолжали и продолжают уверять себя и других, что минус 3 больше минус 2» [1]).

В сфере этой «высшей математики» Ленин чувствовал себя, как дома. Еще в споре с меньшевиками по поводу революции 1905 года Ленин писал:

«Чтобы оценить революцию действительно по-марксистски, с точки зрения диалектического материализма, надо оценить ее, как борьбу живых общественных сил, поставленных в такие-то об'ективные условия, действующих так-то и применяющих с большим или меньшим успехом такие-то формы борьбы. На почве такого анализа и, разумеется, лишь на этой почве, вполне уместна, мало того, необходима для марксиста и оценка т а к т и ч е с к о й стороны борьбы, технических вопросов ее» [2]).

И вот правильная оценка борьбы этих живых общественных сил и позволила ленинизму совершить то великое, что он совершил.

Правильное применение «высшей математики» (т.-е. революционной диалектики) к учету развития живых общественных сил, в частности, помогло ленинизму дать такую верную оценку крестьянства, как «живого диалектического противоречия» (см. «Аграрная программа русской социал-демократии»), так мастерски развить идею перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

«Демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство» [3]).

Мы уже видели, что не только для меньшевиков, но, увы, также для некоторых коммунистов ленинский взгляд на соот-

[1]) «Детская болезнь левизны». Собр. соч., т. XVII, стр. 187—188.

[2]) «К оценке русской революции». Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 77.

[3]) «Государство и революция». Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 330.

ношение буржуазно-демократической и социалистической революции до сих пор остается книгой за семью печатями.

В предыдущих главах мы видели, что первоисточником злоключений тех, кто еще недавно выступал со смешной претензией идейно «перевооружить» большевизм, является именно непонимание этой важнейшей стороны ленинизма.

«Первая (буржуазно-демократическая революция) перерастает во вторую (социалистическую революцию); вторая мимоходом решает вопросы первой, вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерасти в первую. Советский строй есть именно одно из наглядных подтверждений или проявлений этого перерастания одной революции в другую» [1]).

Как много бесплодных попыток «ревизовать» ленинизм было бы с'экономлено, если бы охотники до ревизий вдумались в эти слова Ленина!

* * *

Слова о «звене», за которое необходимо ухватиться, чтобы удержать всю цепь, стали ныне широким достоянием мыслящих рабочих. Эти слова также являются образцом применения революционной диалектики.

«Настоящий интерес эпохи больших скачков состоит в том, что обилие обломков старого, накопляемых иногда быстрее, чем количество зародышей (не всегда сразу видных) нового, требует уменья выделить самое существенное в линии или цепи развития. Бывают исторические моменты, когда для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков, т.-е. взорвать побольше старых учреждений; бывают моменты, когда взорвано достаточно, и на очередь становится «прозаическая» (для мелкобуржуазного революционера «скучная») работа расчистки почвы от обломков; бывают моменты, когда заботливый уход за зародышами нового, растущими из-под обломков на плохо еще очищенной от щебня почве, всего важнее.

«Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунизма вообще. Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, при чем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты, не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной цепи» [2]).

Столь же глубоки следующие слова из «Великого почина».

[1]) Собр. соч., том XVIII, ч. 1, стр. 365—366.

[2]) Из доклада «Очередные задачи Сов. власти». Собр. соч., т. XV, стр. 222—223.

«Когда новое только-что родилось, старое всегда остается в течение некоторого времени сильнее его, это всегда бывает так и в природе, и в общественной жизни. Издевательство над слабостью ростков нового, дешевенький интеллигентский скептицизм и тому подобное—все это, в сущности, приемы классовой борьбы буржуазии против пролетариата, защита капитализма против социализма. Мы должны тщательно изучать ростки нового, внимательнейшим образом относиться к ним, всячески помогать их росту и ухаживать за этими слабыми ростками. Неизбежно, что некоторые из них погибнут. Нельзя ручаться, что именно «коммунистические субботники» (Ленин о них писал тогда) сыграют особо важную роль. Не в этом дело. Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные. Если японский ученый, чтобы помочь людям победить сифилис, имел терпение испробовать 605 препаратов, пока он выработал 606-й, удовлетворяющий известным требованиям препарат, то у тех, которые хотят решить задачу более трудную—победить капитализм, должно хватить настойчивости испробовать сотни тысяч приемов, способов и средств борьбы для выработки наиболее выгодных из них» [1]).

Умение видеть явления со всех их сторон; умение выделить основную тенденцию из всей массы фактов; умение в сложнейшем переплете найти главное; умение с неслыханной силой концентрироваться на главном, избегая в то же время какой бы то ни было однобокости; умение «разлагать» сложнейшие явления на их составные части; умение невооруженным взглядом видеть молекулярную работу всех противоборствующих сил; умение угадывать зарождающуюся новую ситуацию уже in statu nascendi (в момент ее зарождения)—вот какова суть ленинской диалектики.

«Действительная жизнь, действительная история включает в себя эти различные тенденции, подобно тому, как жизнь и развитие в природе включает в себя и медленную эволюцию, и быстрые скачки, перерывы постепенности» [2]).

Среди самых острых политических споров текущего дня, в самой страстной актуально-политической полемике, Ленин умеет «вдруг» отвлечься в сторону самых общих вопросов диалектики.

В разгаре полемики против меньшевиков по организационным вопросам, в насыщенной текущими политическими злобами дня брошюре «Шаг вперед, два шага назад» Ленин «вдруг» удаляется в область диалектики.

«Нельзя ничего понять в нашей борьбе, если не изучить конкретно обстановку каждого сражения; изучив это, мы ясно

[1]) «Великий почин». Собр. соч., т. XVI, стр. 253—254.

[2]) Собр. соч., том XI, ч. 2, стр. 135—136.

увидим, что развитие действительно идет диалектическим путем. Путем противоречий меньшинство становится большинством, большинство—меньшинством; каждая сторона переходит от обороны к нападению и от нападения к обороне; исходный пункт идейной борьбы «отрицается»..., затем начинается «отрицание отрицания»... Случайная ошибка по § 1 (Устава партии) выросла в систему оппортунистических взглядов по организационному вопросу. Связь этого явления с основным делением нашей партии на революционное и оппортунистическое крыло выступает перед всеми все более и облее наглядно. Одним словом, не только овес растет по Гегелю, но и русские социал-демократы воюют между собой тоже по Гегелю» [1]).

И чтобы попасть Плеханову [2]) не в бровь, а в глаз—Плеханову, который всегда кичился своим умением применять диалектику, но который запутался в сетях оппортунизма, как только дело дошло до крупнейших проблем русской революции,—Ленин там же пишет:

«Великую Гегелевскую диалектику, которую перенял, поставив ее на ноги, марксизм, никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, переметывающихся с революционного на оппортунистическое крыло партии, с вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса. Истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна... И еще не следует смешивать эту великую гегелевскую диалектику с той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой: mettere la coda dove non va il capo (просунуть хвост, где голова не лезет) [3]).

Или взять другой пример: в начале 1918 г. Ленин пишет тезисы о роспуске учредительного собрания. Тема, казалось бы, далеко не философская. Политическая атмосфера накалена до последней степени. На улице идет стрельба. И вот в разгаре актуально-политической аргументации, Ленин «вдруг» сворачивает к диалектике, и вы читаете изумительные по ясности и глубине общие замечания о диалектическом превращении буржуазно-демократической революции в социалистическую и т. п.

---

[1]) Собр. соч., т. V, стр. 479—480.

[2]) Ср. предисловие Ленина ко 2-му изданию «Развития капитализма». Здесь Ленин подробнее анализирует ошибочность плехановского метода.

[3]) Собр. соч., т. V, стр. 480.

Или в жаркой дискуссии «О роли и задачах профсоюзов» Ленин с актуально-боевых тем «вдруг» сворачивает на диалектику, и мы получаем несколько классических страниц, прекрасных, неувядаемых, ясных, как сам Ленин, на тему о диалектическом методе. Вспомним замечательные по глубине и ясности страницы о «стакане». Политика ленинизма строится на научных основаниях. Каждая экскурсия Ленина в область диалектики, в область естествознания и т. п. всегда обогащает политическую линию ленинизма, делает ее глубже по содержанию, шире, разностороннее.

Вспоминаются резолюции по «текущему моменту», которые писались Лениным (и Большевистским Центром под руководством Ленина), начиная с 1905 г. до 1917 г. Какие это были, в сущности говоря, образцы и шедевры революционной диалектики! Давая всесторонний анализ т е к у щ е г о м о м е н т а, ленинизм на деле тут же улавливал общие контуры г р я д у щ е г о м о м е н т а [1]).

Меньшевизм любил подсмеиваться над этой «страстью» большевиков к «текущему моменту». Оппортунизм на то и оппортунизм, чтобы жить «со дня на день», чтобы чуждаться «фантазий», чтобы чураться больших революционных перспектив. А ленинизм на то и ленинизм, чтобы из сложного комплекса явлений сегодняшнего дня уметь выбрать главное, уметь уяснить себе и другим, к у д а и д е т р а з в и т и е, «к у д а р а с т е т» сегодняшняя ситуация, каким г р я д у щ и м моментом сменится т е к у щ и й момент.

Угловатость, упростительство, вульгаризаторство,—враги, с которыми Ленин не перестает воевать. И особенно беспощаден он к ним, когда они появляются в среде большевиков, когда упростительство преподносится под видом ленинизма.

«Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость» [2]) Ленин бичует и в чисто философской области. Тем более Ленин беспощаден к ним, когда дело идет о живой политике, о проблемах, связанных с борьбой масс.

«Превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, п е р е х о д ы, п е р е л и в ы (курсив наш. *Г. З.*), взаимную связь противоположностей»—вот что учит распознавать Ле-

---

[1]) Кроме образцов 1905—1914 г.г., мы могли бы привести образцы 1917 г. Достаточно напомнить тезисы 4 апреля 1917 г. и «Задачи пролетариата в нашей революции» (проект платформы пролетарской партии) от 10 апреля 1917 г. А брошюра «Детская болезнь левизны»—разве не является она образцом применения диалектики к вопросам тактики, притом применительно к самой разнообразной обстановке в различных странах?

[2]) См. фрагмент Ленина «К вопросу о диалектике», «Под знаменем марксизма» № 5—6, 1925 г., стр. 18.

нин [1]). И ничто так не чуждо ленинизму, как угловатость, «деревянность», которая «мертва, бедна, суха» [2]).

«История вообще, история революции в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов» [3]).

Перефразируя эти слова Ленина, мы могли бы сказать, что и ленинизм богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем думают даже иные из тех, кто, причисляя себя к сторонникам ленинизма, увы, далеко не понимает того, что Ленин называл «переходами, переливами».

Именно потому, что ленинизм так богат содержанием, так всесторонен, диалектичен, велик,—он овладеет, раньше или позже, всем миром. Задача жизни всех нас, учеников Ленина, всей нашей партии, всего Коминтерна—сделать все возможное, чтобы это произошло раньше.

---

[1]) Там же, стр. 16.
[2]) Там же, стр. 15.
[3]) Собр. соч., том XVII, стр. 181.

Л. Кауфман.

Производительность труда и заработная плата в промышленности.

Истекший 1923—24 год отмечен стремительным под'емом промышленности. Значительное против предшествовавшего года увеличение общей суммы валовой продукции сопровождалось количественным ростом рабочей силы и дальнейшим под'емом производительности труда. Сопоставление основных показателей за ряд лет—с момента новой экономической политики и начавшегося вслед за этим оздоровления промышленности—дает достаточно наглядную картину восстановительного процесса.

1921—22 год—второй год новой экономической политики и 1-й год промышленного под'ема. Промышленность делает резкий скачок вверх. Сумма валовой выработки с 17,5% довоенной в 1920—21 г. возрастает до 26,5% в 1921—22 г., дав за год прирост в 51,5%. Рост этот протекал в условиях сокращения рабочих—на 19% в среднем за год—и обусловливался значительным приростом производительности в первую голову. И в самом деле: выработка на одного рабочего в год с 31,5% довоенной в 1920—21 г. поднялась до 55,5% в 1921—22 г., т.-е. прирост производительности за год дал 81%.

Следующий 1922—23 г. вызвал дальнейший рост валовой выработки и продукции на одного рабочего, при параллельном росте числа рабочих (на 17%). Однако, прирост продукции на одного рабочего за год оказался более замедленным, чем в предшествующем году, дав всего лишь 12% увеличения (62,1% выработки 1913 г.); общая же сумма валовой продукции, благодаря увеличению количества рабочих, дала более значительный процент годового прироста—на 30,5% (34,7% продукции 1913 г.).

1923—24 г. сопровождался приростом рабочей силы за год на 10%, увеличением валовой продукции на 32% и выработки на одного рабочего в среднем за год на 18,2%, что по отношению к 1913 г. составляет: 63,5%—численность рабочих, 45,7%—валовая продукция, 72,3% выработка на одного рабочего. При сопоставлении же с 1920—21 г., принятым за 100, увеличение на 109,1%—численность, 239,7%—валовая продукция и 261,6%—выработка на одного рабочего.

Таким образом, динамика промышленного производства показывает из года в год интенсивный рост, при чем последний 1923—24 хозяйственный год, как указывалось выше, прошел под знаком дальнейшего крупного под'ема и продукции и производительности.

И совершенно бесспорно, что, если в общей сумме факторов, способствовавших повышению производительности в 1923—24 г., рост интенсивности, трудонапряженности рабочего занимал зна-

чительное место, то все же, в основном, повышение продуктивности труда следует отнести, главным образом, за счет многочисленных факторов организационно-технического порядка и, в первую очередь, за счет широко проведенной дальнейшей концентрации производства, позволившей сосредоточить работу промышленности на наиболее производительных и экономически наиболее рентабельных предприятиях. К числу этих факторов относится также увеличение нагрузки предприятий, устранение многочисленных недочетов и перебоев, отрицательно отражавшихся на работе промышленности, вызывавших простой и понижавших производительность труда. Сюда же следует отнести, в частности обеспечение промышленности сырьем, значительно улучшившееся по сравнению с предшествующим годом, улучшение качества сырья и ряд технических мероприятий, произведенных в 1924 г. и оказавших влияние на рост производства еще в истекшем 1923—24 г.

Сама по себе проблема концентрации производства заслуживает того, чтобы на ней остановиться особо. Здесь же необходимо отметить лишь, что она представляет собой одно из проявлений планового начала в руководстве народно-хозяйственной жизнью страны и отражает особенность хозяйственной структуры советских республик, структуры, позволяющей построить стройную, рациональную и экономную с народно-хозяйственной точки зрения сеть производственных организмов. Помещаемая ниже таблица чрезвычайно наглядно характеризует этот происходящий в плановом порядке процесс концентрации производств по однородной группе предприятий [1].

Время, к котор. относятся данные.	Среднее число действующ. завед.	Среднее списочн. число рабочих.	Средняя стоимость выраб. на 1 завед. в довоен. рубл.
I квартал 1922/23 г.	2.441	413	114.112
II „ „	2.470	441	119.328
III „ „	2.362	460	122.287
IV „ „	2.152	505	133.632
I „ 1923/24 г.	2.291	517	148.073
II „ „	2.261	524	163.275
III „ „	2.119	556	174.237
IV „ „	1.974	641	203.805

В 1-м квартале 1922—23 г., т.-е. до концентрации, на 1 рабочего приходилось в среднем 277 довоенных рублей выработки, в последнем же квартале 1923—24 г.—319 руб., т.-е. благодаря сосредоточению производства в предприятиях с лучшим оборудованием и более высокой техникой и из'ятию из производства предприятий технически и экономически нерентабельных достигнуто увеличение нагрузки и рост выработки на одного рабочего по довоенным ценам на 15%. Фактором, способствовавшим под'ему производительности, явилось также качественное улучшение рабочего состава, подбор квалифицированной рабочей силы и увеличение ее за счет неквалифицированных рабочих, в частности же—относительно более высокий прирост мужской рабочей силы по сравнению с женской (в среднем за год увеличение рабочих на 11,7%, работниц на 1,6%).

Нижепомещаемая таблица дает возможность проследить по кварталам рост продукции по довоенным ценам на одного рабочего за годы 1922—23 и 1923—24 (абсолютно и в процентах в отношении 1913 г., принятого за 100). Она свидетельствует о систематическом повышении кривой производительности. Параллельно приведены данные о заработной плате за тот же период. 1923—24 г. был годом снижении промышленных цен, сжатия «ножниц», в результате предшествовавших ему непомерного роста цен на продукцию промышленности и кризиса сбыта. Организованными мероприятиями советской власти и партии и твердой

Динамика годовой продукции и заработная плата одного рабочего в 1922—23 и 1923—24 г.г. [1]).

Время, к которому относятся данные.	Продукция 1 рабочего по довоен. ценам. В руб.	Продукция 1 рабочего по довоен. ценам. В %% к 1913 г.	Зарплата 1 рабочего в бюдж. руб. Абс.	Зарплата 1 рабочего в бюдж. руб. В %% к 1913 г.	% зарплаты к продукции.	В %% к 1913 г.
1913 г.	541	100	72,8	100	13,5	100
Всего 1913 г. . .	2.163	100	291	100	13,5	100
1922—23 г.						
I квартал	341	63	30,0	41	8,8	65,1
II „	330	61	36,6	50	11,1	82,2
III „	321	59,3	36,4	50	11,3	83,7
IV „	322	59,5	37,4	51	11,6	85,9
За весь год .	1.314	60,7	140,4	48	10,7	79,2
1923—24 г.						
I квартал	361	67	42,7	59	11,8	87,4
II „	377	69,5	47,8	66	12,7	94,1
III „	380	70,8	47,9	66	12,6	93,3
IV „	396	73,2	53,7	74	13,6	100,7
За весь год .	1.514	70	192,1	66	12,7	94,1

[1]) См. сборник «Промышленность в СССР в 1924 г.», стр. XLIX.

[1]) Эта и все последующие таблицы, где нет особых указаний,—по данным Статбюро Госплана.

политикой цен кризис 1922—23 г. и первых месяцев 1923—24 г. был преодолен. Цены на продукты массового потребления были приведены в соответствие с покупательной способностью крестьянства, благодаря чему промышленной продукции обеспечен был сбыт и созданы условия для дальнейшего развертывания производства. Проблема сжатия цен, как длительное мероприятие, неизбежно упиралась, однако, в проблему себестоимости и необходимость понижения издержек производства, а, следовательно, и в вопрос о доле заработной платы в продукции. Однако, в течение всего 1923—24 г. наблюдался дальнейший рост заработной платы: и номинальной — в червонном исчислении, и реальной — в бюджетных рублях,—сопровождавшийся, правда, ростом валовой продукции и приростом выработки на одного рабочего, но в темпе, значительно более замедленном. В силу этого и доля заработной платы в стоимости продукции продолжала возрастать, приблизившись в IV квартале 1923—24 г. к норме 1913 г. (13,6% от стоимости продукции в 23—24 г. и 13,5% в 1913 г.).

II.

Ограничившись этой общей характеристикой промышленного развития за истекшие годы, перейдем непосредственно к рассмотрению данных о продукции, заработной плате и производительности за текущий хозяйственный год.

Сравнительные данные о всей продукции крупной промышленности за 1-е полугодие 1924—25 г. и за соответственный период 1923—24 г. в довоенных ценах показывают следующее:

Динамика продукции крупной промышленности СССР за 1924—25 г. [1]

№№ по порядку.	Месяцы и кварталы.	Среднее месячное число рабочих. В тысячах. 23/24	24/25	В 24/25 г. в % к соотв. месяцу предыдущ. года.	Продукция в довоенных ценах. Абсолютно в милл. руб. 23/24	24/25	В % к октябрю соответ. года. 23/24	24·25	В 24/25 г. в % к соотв. месяцу предыдущ. года.
		1	2	3	4	5	6	7	8
	За месяц.								
1	Октябрь	1.162	1.321	113,7	120 8	175,6	100,0	100,0	145,4
2	Ноябрь	1.193	1 341	112,4	115,4	166,6	95,5	94,9	141,4
3	Декабрь	1 196	1.345	112,5	113,8	183,6	94,2	104,6	161,3
4	Январь	1.192	1.355	113,7	119,0	191,1	98,5	108,8	160 5
5	Февраль	1 191	1.372	115,2	126,1	196,7	104,4	112,0	156,0
6	Март	1.190	1.393	117,1	123,3	201,0)	102,1	114,4	163 0
7	Апрель	1.178	1.398	118,7	120,6	(201,0)	99,8	114,4	166,7
	За квартал.								
	I. Октябрь—декабрь	1.184	1.336	112,8	350,0	525,8	100,0	100,0	150,2
	II. Январь—март	1.191	1.373	115,3	368,4	588,8	105,3	112,0	159,8
	За полугодие.								
	Октябрь—март	1.187	1.354	114,1	718,4	1.114,6	—	—	155,2

[1]) Данные охватывают лишь крупную промышленность, учитываемую статистикой ВСНХ (до 75—80% всей цензовой промышленности).

Динамика промышленного производства за первую половину 1924—25 г. показывает систематическое возрастание, при чем темп этого возрастания, как по валовой продукции, так и по выработке на 1 рабочего (см. ниже), значительно более высокий, чем за тот же период 1923—24 г., и свидетельствует о дальнейшем под'еме производительности за истекшее полугодие. В самом деле. Численный состав рабочей силы дает прирост по сравнению с 1-м полугодием 1923—24 г. в среднем 14%. Между тем сумма валовой продукции, исчисленной по довоенным ценам, показывает увеличение на 55,2%, т.-е. темп роста более интенсивный, чем за первое полугодие 1923—24 г., давшее увеличение по сравнению с 1922—23 г. валовой продукции на 25%; рабочей силы—на 13,5%.

Следует отметить, однако, что промышленная кон'юнктура первых месяцев 1923—24 г., в отличие от 1924—25 г., еще отражала заминку в сбыте, вызванную расхождением цен на промышленные и сельско-хозяйственные изделия, а это, в свою очередь, отражалось на интенсивности под'ема промышленности. Вся же остальная часть 1923—24 г. и первая половина 1924—25 г. протекали в условиях систематического понижения цен на промышленную продукцию и повышения индекса сельско-хозяйственных товаров. Если в октябре 1923 г. индекс промышленных изделий составлял 252,5 (общий индекс=100), то, постепенно понижаясь из месяца в месяц, в сентябре 1924 г. он равен был 199,6, т.-е. стоимость промышленных товаров понизилась за год на 21%. Отношение промышленного индекса к сельско-хозяйственному за тот же год, благодаря параллельному росту цен на сельско-хозяйственную продукцию, показывает значительно более резкое понижение: в октябре 1923 г.—2,89, в сентябре 24 г.—1,42, т.-е. стоимость промышленной продукции в отношении сельско-хозяйственных товаров показывает на исходе 1923—24 хозяйственного года понижение больше, чем на 50%. Движение индекса в течение 1924—25 г. обнаруживает дальнейшее понижение уровня промышленных цен и рост сельско-хозяйственных. Это явствует из следующей таблицы:

Индекс цен на сельско-хозяйственные и промышленные товары за первое полугодие 1924—25 г.

(Индекс Госплана).

Время, к которому относятся данные.	Общий индекс = 100. Индекс сел.-хоз. товаров.	Индекс промышл. товаров.	Отношение промышл. индекса к сел.-хозяйств. («ножницы»).
1. Октябрь 1924 г.	135,9	198,4	146
2. Ноябрь „	140,4	196,2	140
3. Декабрь „	150,0	191,7	130
4. Январь 1925 г.	156 6	193,1	123
5. Февраль „	169,0	191,4	113
6. Март „	186,3	190,4	102
7. Апрель „	201,2	190,8	95

С точки зрения политики цен мы наблюдаем, таким образом, в течение истекшего периода 1924—25 г. дальнейшее системати-

ческое и неуклонное проведение основной директивы XIII Парт. С'езда, отмечавшей необходимость и дальнейшем:

«в гораздо большей степени согласовывать политику цен с главнейшим крестьянским рынком и темп развития промышленности согласовывать строже, чем до сих пор, с общим ходом расширения емкости крестьянского рынка».

Истекшее полугодие отмечено, как результат политики цен и роста покупательной способности крестьянства, благоприятными условиями для реализации промышленных изделий и дальнейшим значительным под'емом промышленного производства. Этот под'ем дает разную степень интенсивности для различных отраслей промышленности: по выплавке чугуна и мартена и по прокату металла—наибольшую, значительно меньшую—по текстилю и понижение—по топливу. Металлообрабатывающая промышленность в прошлые годы шла в хвосте восстановительного процесса. В 1923—24 г. ее продукция выросла вдвое против предшествующего года. Первое полугодие текущего года свидетельствует о продолжающемся усиленном росте. Текстильная промышленность возрождалась за истекшие годы с наибольшей быстротой. Ее развитие происходило в условиях непрерывно возраставшего спроса на продукты широкого потребления. Однако, темп этого развития из года в год ослабевает, упираясь в пределы, которые ставит техническое состояние производства, его оборудования. 23—24 г. дал в среднем по текстилю прирост против 1922—23 г. на 31,3%, в текущем же году—заметное ослабление роста. Что касается топлива, то уменьшение добычи его об'ясняется наличием значительных запасов в результате перепроизводства топлива в прошлом году. Производство этих отраслей в текущем году характеризуется данными приведенными на стр. 23.

Обнаруживая по отдельным отраслям, как это видно из таблицы, различную интенсивность роста, промышленность в целом дала за первое полугодие 1924—25 г. увеличение валовой продукции на 54,7%, о чем сообщалось выше.

III.

Перейдем к анализу производительности труда. Мерилом таковой, наиболее верно отражающим действительную продуктивность труда и ее колебания, могли бы служить данные **чистой продукции**, т.-е. валовой выработки за вычетом перенесенной на товар ценности как потребленного в производстве сырья, топлива и прочих вспомогательных материалов, так и амортизируемой части оборудования. В этом случае мы имели бы наиболее верное отражение **действительно созданной в данном производстве ценности**, а, **следовательно**, и **наиболее верную динамику производительности**. Однако, обычным методом измерения производительности является валовая выработка на 1 рабочего. На дефекты этого метода неоднократно указывалось в печати [1]). Все же, при отсутствии

[1]) По этому поводу: С. Г. Струмилин, «Производительность труда в 1922—23 г.», в сборн. «Политика и практика зар. платы». За последнее время—В. А. Базаров, «Производительность труда фабр. и зав. рабочих», «Народное хозяйство СССР за 1923--24 год».

Производство главнейших отраслей Союзной промышленности в 1924—25 г.

Месяцы	Топливо. Камен. уголь. В милл. пуд.	Топливо. Камен. уголь. В %% к 23/24 г.	Топливо. Нефть. В милл. пуд.	Топливо. Нефть. В %% к 23/24 г.	Металл. Чугун. В милл. пуд.	Металл. Чугун. В %% к 23/24 г.	Металл. Мартен. В милл. пуд.	Металл. Мартен. В %% к 23/24 г.	Металл. Прокатка. В милл. пуд.	Металл. Прокатка. В %% к 23/24 г.	Текстильные изделия. Хлопч.-бум. изделия. В тысяч. пуд.	Текстильные изделия. Хлопч.-бум. изделия. В %% к 23/24 г.	Текстильные изделия. Льняная пряжа. В тысяч. пуд.	Текстильные изделия. Льняная пряжа. В %% к 23/24 г.	Текстильные изделия. Шерстяная пряжа. В тысяч. пуд.	Текстильные изделия. Шерстяная пряжа. В %% к 23/24 г.
1. Октябрь	91,3	125,9	35,4	126,0	4,2	160,2	7,5	147,9	5,2	130,6	848,0	174,7	258,4	115,4	141,6	140,4
2. Ноябрь	76,0	100,7	33,9	121,4	4,3	147,8	7,0	136,0	5,0	149,3	726,5	161,0	214,1	108,8	124,3	122,9
3. Декабрь	80,4	110,8	31,5	106,1	5,0	175,1	7,9	170,0	5,5	180,7	817,5	189,1	227,6	126,7	139,0	143,3
4. Январь	78,4	104,6	31,6	105,0	5,2	178,4	8,5	190,4	5,8	214,7	850,9	174,8	244,4	127,4	140,0	141,0
5. Февраль	82,3	107,4	30,8	111,3	5,1	175,8	8,0	181,6	6,1	200,1	871,6	167,2	249,7	115,6	140,8	130,6
6. Март	83,0	112,2	35,0	119,2	6,2	179,8	9,2	187,6	6,2	187,4	898,9	181,7	253,7	131,2	140,2	147,1
За полугодие	491,4	110,2	198,2	114,7	30,0	170,0	48,1	168,6	33,8	175,0	5.013,4	174,6	1.447,9	120,5	825,9	137,3

иных показателей («индекс производительности труда», предлагаемый тов. Струмилиным и более чутко отражающий действительную динамику производительности, мы здесь, в виду его некоторой сложности, опускаем), мы воспользуемся данными валовой выработки на 1 рабочего, дающими в общем достаточно полное представление о производительности и ее динамике.

В нижеследующей таблице дана средняя выработка 1 рабочего за 1 день работы по кварталам и полугодиям за 1922—23, 1923—24 и первую половину 1924—25 г.

Средняя выработка на 1 человеко-день в 1922—23, 1923—24 и за 1-ю половину 1924—25 г. [1]).

Кварталы.	Выработка в довоенных ценах.			В %% к 1-му кварталу 22/23 г.
	По добывающей.	По обрабатывающей.	По всей промышленности.	
1 квартал 22/23 г.	1.31	3 72	3.29	100
2 " "	1.43	3 97	3.48	105.8
3 " "	1 35	4 05	3.52	106.9
4 " "	1.37	4.22	3.61	109,7
1 квартал 23/24 г.	1.78	4.15	3.71	112,8
2 " "	1.89	4.35	3.92	119.1
3 " "	1.79	4.78	4.25	129,2
4 " "	1.91	4.92	4.37	135,9
1 квартал 24/25 г.	—	—	5.30	161,1
2 " "	—	—	6.10	185,1
1-е полугодие 22/23 г.	1.37	3.84	3.39	100
2-е " "	1.36	4.14	3.56	105,0
1-е " 23/24 г.	1.84	4.25	3.81	112,5
2-е " "	1.85	4.84	4.32	127,4
1-е " 24/25 г.	—	—	5.70	168,5

Эти цифры убеждают нас в том, что истекшее полугодие в смысле индивидуальной производительности рабочих шагнуло значительно дальше и 1922—23 и 1923—24 г.г. По отношению к 1-му полугодию 1922—23 года прирост в среднем за 6 месяцев—68,5%. Если же присмотреться к темпу роста из полугодия в полугодие, то тогда наибольшее возрастание за прошлый период дает 2-я половина 1923—24 г.—на 14% по сравнению с первой, и дальнейший значительный под'ем производительности показывает 1-я половина наст. года—на 32,5% по сравнению с предшествующим полугодием.

На факторы, обусловившие рост валовой продукции и выработки на 1 рабочего в 1924—25 г., мы указывали выше. Крупные достижения в деле под'ема производительности—налицо. С этой стороны кампанию по поднятию производительности труда, охва-

[1]) Данные эти опубликованы в ежегоднике ВСНХ „Промышленность СССР в 1924 г.", в статье Л. Б. Кафенгауза, стр. XXXIII.

тывающую как мероприятия организационно-административного и технического порядка, так и проблему повышения интенсивности труда на предприятиях, кампанию эту можно считать успешной, давшей крупные положительные результаты.

Несколько иную динамику дают показатели движения заработной платы. Поквартальные данные реальной дневной зарплаты за ряд лет говорят о ее почти безостановочном возрастании. В течение 1923—24 г. заработная плата от квартала к кварталу возрастала: 1-й квартал—на 12%; 2-й—на 9%; 3-й—почти стационарен; 4-й—на 6%. Однако, при продолжавшемся, в общем, дальнейшем росте темп этого роста заметно замедлился. 1924—25 год показывает в 1-м квартале рост на 4%, во 2-м—стационарность. 1-я половина 1923—24 г. по сравнению с первой половиной 1922—23 г. отмечает увеличение на 32%; тот же период 1924—25 г. по сравнению с 1923—24 г.—17%. Общее движение реальной заработной платы за истекшие $2^1/_2$ года характеризуют следующие поквартальные данные:

Реальная заработная плата рабочих крупной промышленности за 1922—23, 1923—24 и 1924—25 г.г. [1]).

Кварталы.	Зарплата месячная в усл. моск. руб.	Зарплата дневная.	
		В условн. моск. коп.	В %%.
1922—23 г.			
1-й квартал	13,57	59,6	100
2-й "	16,54	72,9	122,3
3-й "	16,46	76,5	128,5
4-й "	16,95	74,9	125,5
1923—24 г.			
1-й квартал	19,33	83,7	140,5
2-й "	20,39	91,0	152,8
3-й "	20,42	92,9	155,7
4-й "	22,87	98,3	165
1924—25 г.			
1-й квартал	24,01	102,8	172,5
2-й "	23,10	103,0	173,0
1-е полугодие 22/23 г.	15,06	66,3	100
2-е " 22/23 "	16,70	75,7	114
1-е полугодие 23/24 г.	19,86	87,4	132
2-е " 23/24 "	21,65	95,6	144
1-е полугодие 24/25 г.	23,56	102,9	155

Замедление роста реальной заработной платы на исходе 1923—24 и в течение первого полугодия текущего года вызвано не-

[1]) Данные Ц. Б. Статистики Труда; охватывают крупную промышленность с числом рабочих 250 чел. и выше.

которым задержанием ее на достигнутом уровне, вследствие того, что в предшествующий период интенсивность под'ема зарплаты обгоняла темп роста производительности. Следствием этого неравномерного под'ема было увеличение доли зарплаты в себестоимости и удорожание производства, в свою очередь отражавшееся на цене товара. Динамика роста зарплаты и производительности по полугодиям такова:

	Выработка 1 раб. в %%	Зарплата в %%
1-е полугодие 22/23 г.	100	100
2-е " 22/23 "	105	114
1-е полугодие 23/24 г.	112,5	132
2-е " 23/24 "	127,4	144
1-е полугодие 24/25 г.	168,5	155

Таким образом, лишь последнее полугодие знаменует собой известный перелом, выражающийся в некотором преобладании прироста производительности над ростом зарплаты. В результате об'единенных усилий партии, профсоюзов и хозяйственных органов—с одной стороны, и благодаря общей благоприятной промышленной кон'юнктуре—с другой, диспропорция в заработной плате и производительности была преодолена и достигнуто равновесие обоих этих факторов, являющееся предпосылкой здорового развития промышленного производства и условием равномерного под'ема и производительности и зарплаты—в дальнейшем.

О том, как возрастала в 1924—25 г. производительность и оплата труда по месяцам, позволяют судить следующие данные:

Динамика выработки и заработной платы на 1 человеко-день за первое полугодие 1924—25 г.

Время, к которому относятся данные.	Валовая продукция в рублях.		Зарплата в коп.		Валовая продукция в %% к октябрю.		Заработная плата в %% к октябрю.	
	По довоен. ценам.	В червон. рублях.	В условн. моск. коп.	В червон. коп.	По довоен. ценам.	В червон. рублях.	В условн. моск. коп.	В червон. коп.
1. Октябрь	6.02	10.11	102,4	169,2	100,0	100	100,0	100,0
2. Ноябрь	6.50	10.64	104,5	175,8	108,0	105,2	102,0	103,7
8. Декабрь	6.81	11.11	101,4	170,9	113,1	109,9	99,0	101,0
4. Январь	7.11	11.53	102,9	175,2	118,1	114,0	100,5	103,5
5. Февраль	7.49	11.90	103,2	180,8	124,4	117,7	101,0	107,0
6. Март	7.68	12.12	102,9	186,1	127,6	119,9	100,5	110,0
7. Апрель	7.87	12.31	102,6	187,5	130,7	121,8	100,0	110,1

Выработка на 1 рабочего показывает прогрессивное возрастание как в довоенных ценах, так и в червонных рублях. Апрель этого года дает против октября увеличение на 30,7%, по довоенным ценам, и несколько ниже—на 21,8%—в червонном выражении, вследствие снижения цен на промышленные товары.

Заработная плата—реальная—пребывает, в общем, на том же уровне, что и в начале года, иначе говоря—стационарна. Небольшое повышение наблюдается в номинальной заработной плате (в черв. исчислении)—на 10,1% против октября, соответствующее некоторому повышению бюджетного индекса [1]).

Выше было указано, что достигнутое равновесие создало условия для дальнейшего равномерного под'ема заработной платы. И сейчас практика движения зарплаты во втором полугодии текущего года убеждает нас в том, что по ряду основных отраслей, давших наиболее значительный под'ем производительности, происходит постепенное дальнейшее повышение заработной платы. Это, в первую голову, касается текстильщиков, горнорабочих и металлистов. Перезаключение коллективных договоров, начатое в июле, дает по этим отраслям увеличение заработной платы, благодаря повышению тарифной сетки, закреплению норм выработки, а где была систематическая недовыработка не по вине рабочих—снижению этих норм, пересмотру расценок по сдельным работам и т. д. В общем, во втором полугодии можно ожидать прирост заработной платы текстилей, горнорабочих и металлистов в среднем на 10—15% против первого полугодия, и тогда это составит примерно, в червонных рублях:

	1-е полугодие в среднем за месяц.	2-е полугодие в среднем за месяц (ориентировочно).
По текстильной промышленности	34,4	38
" металлической "	45,8	51
" горной "	35	41

В среднем же по основной промышленности за весь 1924—25 г., варьируясь, конечно, по отдельным отраслям, месячная заработная плата составит, таким образом, с учетом повышения 2-го полугодия, примерно 41—42 черв. руб., что дает увеличение против 1923—24 г. на 17—19% и составит около 92—93% заработной платы 1913 г.

Что касается производительности рабочих, то основная, наиболее крупная промышленность, при том же темпе роста во 2-м полугодии, что и в 1-м, даст увеличение выработки на 1 рабочего в среднем за год около 40% против 1923—24 г. [2]).

---

1) Стоимость бюджетного набора по СССР: в октябре 24 г. 15 р. 06 к., в марте 25 г. — 16 р. 23 к., — повышение за полгода на 8%, в связи с ростом цен на входящие в состав бюджетного набора продукты сельского хозяйства.

2) В этом случае динамика производительности труда в %% к 1912 г. по главнейшим отраслям представится в следующем виде (исчисления В. А. Базарова):

	1923/24 г.	1924/25 г.
Хлопчато-бумажн. промышлен.	58	70
Шерстяная промышлен.	70	82
Льняная "	71	90
Чугун	32	49
Мартен	45	76
Прокатка металлов	38	62
Каменный уголь	63	80
Нефть	54	53

По численному составу та же основная промышленность показывает во 2-м полугодии увеличение против 1-го около 20% и в среднем за весь 1924—25 г., по сравнению с 1923—24 г.,—также процентов около 20.

На основании всего вышесказанного можно сделать следующие заключения:

Расширение производства происходило и происходит поныне за счет использования наличных производительных сил. В отдельных отраслях это использование достигает уже предела, за которым неизбежно встает во всем об'еме задача повышения технической базы, переустройства, как основное условие успешного роста в обстановке расширяющейся емкости рынка и растущих потребностей как в области широкого массового потребления, так и потребления производственного.

Выше мы имели возможность обстоятельно рассмотреть динамику промышленного производства. Эти данные в достаточной мере показательны. Они свидетельствуют о неустанном под'еме и производительности рабочих и всего производства в целом. Но они же с несомненностью убеждают и в том, что темп этого под'ема из года в год ослабевает. Это с особенной остротой сказывается в отраслях, производящих продукты массового потребления. Возрождение этих отраслей началось с переходом к нэпу и протекало все эти годы с наибольшей интенсивностью. Сейчас они стоят перед полным использованием и своего оборудования, и наличной квалифицированной рабочей силы. Производство этих отраслей, в силу возрастающего спроса, нередко уже теперь оказывается недостаточным и удовлетворить потребностей страны не может. Такова отрасль текстильная, и в особенности—хлопчато-бумажное производство. Так же обстоит дело и в бумажной, и в крахмально-паточной, и в ряде других отраслей.

В иных условиях находится индустрия, обслуживающая производственные потребности, в первую голову—потребности самой же промышленности. Таковы металлургическая, металлообрабатывающая, электротехническая и химическая (основная) отрасли. Возрождение их началось позднее легкой промышленности. Восстановительный процесс затронул их во вторую очередь. И сейчас тяжелая промышленность переживает полосу оживленного под'ема, превосходящего по темпу под'ем остальных отраслей легкой промышленности.

Но развитие отраслей, изготовляющих орудия и средства производства, теснейшим образом связано с темпом развертывания легкой промышленности. А между тем именно здесь, как это и отмечают утвержденные Цугпромом тезисы к ориентировочному плану на 1925 г.,

> «...рост промышленности по подавляющему большинству отраслей упирается в состояние основного капитала—технического оборудования» [1]).

Острота, с которой стоит сейчас вопрос технического переоборудования, определяется, помимо увеличения количества продукции, также и актуальнейшей в данный момент задачей *удешевления себестоимости производства и ка-*

[1]) Тезисы к ориентировочному производственному и финансовому плану на 1925 г., утвержденные Правлением Цугпрома. См. «Эконом. Жизнь» № 178.

чественным улучшением продукта. Некоторые достижения во всех этих областях, благодаря концентрации производства, загрузке, ряду технических и организационных улучшений, успехам в области рационализации и стандартизации,—сделаны уже в текущем году. Предстоящий хозяйственный год, как это отмечается и упомянутыми выше тезисами, намечает прирост продукции в ценах 1924—25 г. на 47,9% при одновременном снижении себестоимости и улучшении качества продукции. Это будет сопровождаться дополнительным использованием наличного оборудования (на 17%), ростом рабочей силы (на 13,3%), увеличением выработки на 1 рабочего (на 18,4%).

Выше мы установили прирост выработки на 1-го рабочего в среднем по всей промышленности за первое полугодие 1924—25 года на 32,5%; в среднем за год исчисляется примерно столько же. Следовательно, и 1925—26 г. даст значительное снижение темпа роста производительности рабочего.

Неотложность мероприятий по расширению производства путем его переоборудования явствует отсюда сама собой. В вопрос производительности упирается и задача массового производства, и удешевление себестоимости. Доля заработной платы в цене продукта составляет и в настоящем году, несмотря на значительный рост производительности рабочего и относительно замедленный рост зарплаты, высокий процент. В 1913 г. издержки на зарплату составляли 15,3% от стоимости продукта.

В 1924—25 г. доля ее в стоимости продукции 1-го рабочего по месяцам такова:

Октябрь	24 г.	16,7 %
Ноябрь	„	16,5 „
Декабрь	„	15,4 „
Январь	25	15,2 „
Февраль	„	15,2 „
Март	„	15,4 „
Апрель	„	15,2 „

С начислениями же на заработную плату (соц. страхование, культнужды и т. д.) она и в этом году будет выше довоенной нормы.

Понижение издержек на рабочую силу, а следовательно, и удешевление производства, возможно лишь в результате повышения производительной силы труда, а это последнее—снова и снова—переносит вопрос в плоскость коренных мероприятий по техническому переустройству всего производственного аппарата.

Сюда же со всей актуальностью примыкает и задача воспроизводства квалифицированной рабочей силы, подготовки новых кадров «красного угля», так как ни нынешний масштаб подготовки новых рабочих кадров, ни ввоз квалифицированных рабочих из-за границы потребностей развертывающейся промышленности в рабочей силе удовлетворить не смогут и вопроса в корне не разрешат.

В. Богушевский.

К вопросу об относительном аграрном перенаселении.

Целый ряд недавних решений партии, относящихся к вопросам нашей политики в деревне (см. прения и резолюции XIV партконференции), и экономические мероприятия, утвержденные III С'ездом Советов СССР, имеющие целью укрепление крестьянского хозяйства, исходят, как известно, из признания наличия у нас относительного аграрного перенаселения, притом в значительных и угрожающих даже размерах. Налоговые льготы кустарям и необходимость особого внимания к развитию промысловой кооперации мотивировались, как известно, именно наличием аграрного перенаселения. То же следует сказать и об облегчении правил найма сельско-хозяйственных рабочих.

Казалось бы, следовательно, вопрос достаточно ясен и никаких принципиальных разногласий вызвать не может. Тем не менее, мы можем отметить в литературе ряд выступлений, которые либо вовсе не желают признавать наличия аграрного перенаселения, либо, признавая его с целой массой оговорок, считают этот факт чуть ли не спасительным для нас.

Если бы вопрос этот имел только отвлеченно-теоретический интерес, то можно было бы еще промолчать, но дело-то в том, что вопрос слишком тесно связан с экономической политикой партии и совласти по отношению к деревне, что в зависимости от того или иного решения этого вопроса, эта экономическая политика принимает то или другое взаимно-противоположные направления. При этом изменение направления может оказаться настолько важным, настолько решающим, что, вместо оборота лицом к деревне, мы можем оказаться к ней спиной.

Вот почему мы считаем необходимым отметить появление статьи т. Хрящевой в майском номере «Экономического Обозрения» и ст. т. П. Попова, помещенной в дискуссионном порядке в № 9—10 «Большевика», и постараться вскрыть ошибки в их рассуждениях об относительном аграрном перенаселении.

Начнем со статьи т. Хрящевой.

Тов. Хрящева начинает с перечня тех об'ективных условий, которые нужно иметь в виду при постановке вопроса о перенаселении. Это: 1) происшедшее 8 лет тому назад перераспределение земель пропорционально населению; 2) факт производственной неосвоенности земель, поступивших в пользование крестьян в период 1918—1921 г.г.; 3) недостаточное развитие нашей крупной промышленности и, следовательно, недостаточную емкость промышленного рынка по отношению к запасу рабочих рук в деревне в период нэпа; 4) продолжающийся под'ем сельского

хозяйства, выражающийся в ежегодном увеличении его производства и его рессурсов».

«Все это,—заключает т. Хрящева,—такие условия, которые отнюдь не говорят об аграрной перенаселенности».

Прежде всего бросается в глаза третье условие—неспособность промышленности поглотить «запас рабочих рук в деревне». Каким образом тов. Хрящева может считать это условие мешающим говорить об аграрном перенаселении? А что означает ее «запас рабочих рук в деревне», так и остающийся, очевидно, запасом, коль скоро промышленность не может его проглотить? Или, наконец, что же понимает т. Хрящева под аграрной перенаселенностью, если она считает, что медленное развитие городской промышленности, а значит и медленный отлив рабочей силы деревни в город, уменьшает аграрное перенаселение?

Прежде чем ответить на эти недоумения, обратимся, однако, к другим «об'ективным условиям»:

Первое, конечно, не подлежит спору, но вот второе—факт неосвоенности земель—требует некоторого комментария, умаляющего, смеем думать, его силу. На самом деле. Говоря об аграрной перенаселенности в настоящее время, мы прежде всего вспоминаем район Центрально-Промышленный, или шире — значительную часть потребляющей полосы. И как раз в этом районе ни в коем случае нельзя отметить неосвоенности земель: посевная площадь в потребляющей полосе, как известно, довольно значительно превысила уже довоенную посевную площадь. Почти то же относится и к Украине, несмотря на то, что там крестьяне получили значительно большую, чем в РСФСР дополнительную прирезку земли, т. е. «освоить», значит, было труднее.

Если мы обратимся теперь к четвертому условию т. Хрящевой—ежегодное увеличение производства сельского хозяйства и его рессурсов,—то, признавая относительное значение этого условия для постепенного сокращения аграрного перенаселения, мы ни в коем случае не можем считать, что рост сельского хозяйства уже привел к его уничтожению, что увеличение рессурсов сельского хозяйства уже «не позволяет говорить о перенаселении». Тов. Хрящева тут забегает слишком сильно вперед, и уж совершенно неубедительной становится ее аргументация, когда она прибегает к сравнению с 1920—21 годами:

«Период 1920—21 годов... давал гораздо больше поводов говорить о перенаселении деревни. В тот период и промысловая деятельность населения была ничтожной, и все же относительное перенаселение деревни не имело места (так ли? *В. Б.*), и никто его не замечал». (Что же, однако, было: не имело оно места, или имело, но не замечали его? *В. Б.*).

Никто не будет спорить против того, что рост сельского хозяйства должен со временем постепенно привести к уничтожению перенаселения, но, что он уже сейчас привел к этому—неверно!

Дальнейшее изложение т. Хрящевой не оставляет уже сомнений в том, что под аграрным перенаселением она понимает не что иное, нежели то, что под этим термином обычно разумеется. Повидимому, по ее мнению, аграрное перенаселение это совокупность тех крестьянских хозяйств, которые выселяются из деревни, которые заняты промыслами, в частности—отхожими.

скрытого аграрного перенаселения: она совершенно не хочет знать, в то время, как оно именно и составляет гвоздь вопроса: те рабочие силы деревни, которые не находят себе применения в деревне, которым вместе с тем некуда выселиться и не для чего выселяться, так как нет надежды найти работу, которые с радостью пошли бы в отход, да некуда наняться!

Тов. Хрящева сама себя бьет, когда старательно доказывает, как мало выселяющихся из деревни хозяйств, и не замечает, что просто обходит основную проблему, заявляя, что «...число работников, занятых отхожими промыслами, остается неизменным и может измениться в зависимости от кон'юнктуры в промышленности и сельском хозяйстве, а поэтому-де, нечего об этом и говорить.

В том-то и дело, что кон'юнктура, т.-е. прежде всего—количество рабочих, которое промышленность и сельское хозяйство ежегодно могут поглотить, имеет прямое и непосредственное отношение к вопросу об аграрном перенаселении. Лучше не говорить о перенаселении совсем, если заранее решиться отвлечься от кон'юнктуры.

Еще более бьет себя тов. Хрящева таблицей, приводимой ею на стр. 16 и показывающей, что рост работников в деревне почти достиг цифры 1922 года в то время, как число уходящих из деревни работников (отхожих) еще на 8% ниже 1922 года. Во-первых, мы в праве спросить, почему это именно 1922 год берется т. Хрящевой за исходный; не считает ли она этот год годом блестящей кон'юнктуры или годом недостатка рабочей силы в деревне? Во-вторых, как не понять, что эти 8% как раз и свидетельствуют, что людям деться некуда, что, по-ученому, в деревне аграрное перенаселение, а по-простому, по-мужицкому, они—собак гоняют и птичек ловят.

Последним козырем т. Хрящевой являются данные, говорящие о том, что число десятин посева, приходящихся на одного своего работника, растет с 1920 года к 1924 году с 1,3 дес. до 1,7 в потребляющем районе, с 2 до 3,6 дес. в производящем (не пострадавшем от неурожая) и с 4,4 до 4,5 дес.—в пострадавшем от неурожая районе. Не говоря уже о незначительности роста, обусловленного, повидимому, полностью или главным образом возвращением к нормальным довоенным площадям посева, самый факт роста может свидетельствовать лишь о том, что дальнейшее увеличение аграрного перенаселения приостановилось, что, может быть, идет процесс его уменьшения, но ни в коем случае из этого факта нельзя заключить, что аграрного перенаселения нет.

Вывод, к которому приходит на основании своих ошибочных суждений т. Хрящева—следующий (стр. 17):

«Непрерывно растущее сельско-хозяйственное производство *при данной технике* его (курсив мой. *В. Б.*) способно еще ряд лет удерживать население на месте, на земле; в отливе нуждаются лишь пролетаризованные слои, которые получаются не в порядке прямого аграрного перенаселения, а в порядке экономической дифференциации. Слои пролетарского крестьянства малочисленны (40% безлошадных! *В. Б.*) и при известном отношении к новым формам земледелия (общественным, кооперативным) могут найти почву приложения своих сил также в земледелии».

Таким образом, все обстоит благополучно, беспокоиться нечего. Если и есть пролетаризованные крестьяне, то в с.-х. коммуне они найдут себе спасение. Даже земледельческая техника может оставаться прежней, и об интенсификации сельского хозяйства говорить совершенно не обязательно. Население удержится на земле все равно.

Весь вопрос, однако, заключается, по нашему мнению, в том, чтобы выяснить, что это значит: «сельское хозяйство способно удерживать население на земле». При крепостном праве крестьянство, например, тоже удерживалось на земле. Большая разница, удерживается ли крестьянство на земле потому, что она прокармливает его, или потому, что деваться некуда. Мы охотно согласимся с т. Хрящевой, если она имеет в виду, что в настоящий момент громадные массы крестьянства постольку удерживаются на земле, поскольку у них другого выхода нет. Но это-то как раз и есть картина относительного перенаселения, чего, впрочем, не хочет знать т. Хрящева, с величавым спокойствием замечающая несколькими строками выше:

«Что касается излишка труда в отдельных группах хозяйств, то таковой, конечно, имеется, как имелся он всегда. В этом случае делу поможет лишь развитие промышленности».

Итак, очевидно, излишек труда в отдельных группах хозяйств это не резервная армия, не аграрное перенаселение. Впрочем, тов. Хрящева, пожалуй могла бы оказаться правой, если бы избыток труда в одних группах (в отдельных, как она осторожно выражается) покрывался недостатком труда в других. Но ведь она сама же в июньском номере «Экономического Обозрения» и в статье о наемном труде в сельском хозяйстве констатирует крайне незначительное развитие этого труда.

С другой стороны, отметим тут же, тов. Хрящева, как видно из ее вывода, принципиально стоит на той точке зрения, что ни интенсификация сельского хозяйства, ни его техническое переустройство не сыграют никакой роли: «поможет лишь развитие промышленности».

Заметив это, перейдем к статье т. Попова.

Тов. Попов начинает свою статью с критики взглядов буржуазных экономистов-профессоров Бруцкуса и Лубны-Герцыка. Один из них говорит, что земельный переворот (октябрьский) ничего не дал крестьянству, что для решения вопроса об аграрном перенаселении необходимо создание условий, благоприятствующих мобилизации земли (мечты о повторении столыпинской политики), и восстановление частной земельной собственности. Другой «развивает чисто мальтузианские взгляды и разрешение аграрного кризиса видит в применении непосредственных мер организации рождаемости со стороны самого населения».

В своей критике этих буржуазных ученых тов. Попов, конечно, совершенно прав, поскольку он возражает против утверждения о том, что Октябрьская революция ничего не дала крестьянству и против выдвигаемых ими методов изжития аграрного перенаселения. Кроме того, тов. Попов прекрасно знает, что следует разуметь под аграрным перенаселением и в ошибки тов. Хрящевой поэтому не впадает. Он прямо как бы против тов. Хрящевой доказывает, что «перенаселение надо измерять не площадью земли на одну душу, а суммой *всех* ресурсов, которые

население получает от всех видов заработка—и от земледелия, и промыслов».

Тем не менее, поставив в конце статьи вопрос, имеем ли мы какие-либо данные тревожиться, что в настоящее время в какой-либо степени (sic) существует опасность перенаселения, тов. Попов для отрицательного ответа на этот вопрос прибегает исключительно к цифрам роста населения по различным районам СССР, показывающим, что до сих пор в большинстве районов население не достигло цифры 1914 года, и заключает:

«Таким образом, современное состояние численности сельского населения не вызывает и не может вызывать тревог, даже если исходить из абсолютного количества населения; если же прибавить сюда то, что получилось в результате социальной революции, то-есть, что население всех районов получило до 40 миллионов всей помещичьей земли, в том числе до 10 миллионов носевной площади, которая находилась раньше в исключительной эксплоатации частно-владельческих хозяйств, что население вс выплачиваст 300—350 милл. руб. золотом ежегодно (арендной платы. *В. Б.*), то острота земельных отношений в центре и некоторых районах Украины, и отчасти черноземной промышленной области, снята с очереди на ближайшее время».

Тов. Попов совершенно правильно отмечает благоприятные моменты, но едва ли он вправе упустить совершенно из виду те, которые действуют, и действуют решающим образом, в противоположном направлении. Сошлемся на самого же т. Попова, который в брошюре «Сельское хозяйство союза республик»[1]) дает следующие цифры:

В 1913 г. доходы с внеземледельческих промыслов достигли	1.800	милл.	руб.	зол.
В том числе поступило от города и промышленности	700	»	»	»
В 1922—23 г. общая промысловость равнялась . . .	600	»	»	»
В том числе оплачиваемая городом и промышленностью	220	»	»	»

«Таким образом, в общем в три раза сократился доход от промыслов...» или иначе: недобор выразился в сумме 1.200 м. р. зол.

Вот эта-то цифра и является на наш взгляд действительно решающей и в корне подсекающей оптимизм т. Попова, выразившийся в приведенной выше цитате.

Мы пройдем мимо той невероятной теоретической путаницы в которую впадает тов. Попов в связи со своими рассуждениями о пользе того обстоятельства, что город не успевает поглощать освободившиеся рабочие руки деревни, принуждая их тем самым оставаться в сельском хозяйстве (стр. 87; ср. соответствующие рассуждения т. Хрящевой), и обратимся к наиболее важному пункту т. Попова, требующему самого решительного отпора.

Страхуя себя от законных обвинений, тов. Попов на ряду с высказанным в приведенной цитате определенным отрицанием аграрного перенаселения делает ряд оговорок, в которых уже аграрное перенаселение не отрицается, но зато трактуется как чуть ли не благо для развития производительных сил страны. Ведь так просто «доказать» это. Достаточно привести цитату из

[1]) Попов, «Сельское хозяйство союза республик». Библиотека «Экономической Жизни» 1924 г. Стр. 40.

Маркса о том, что «избыточное население... составляет необходимую принадлежность капиталистического хозяйства, без которой оно не могло бы ни существовать, ни развиваться» и заявить, что в условиях советского строя избыточное население играет ту же роль для государственного капитализма. Для еще большей убедительности можно привести еще обширную цитату из Ленина, в которой говорится о том, что без наличия резервной армии не могли бы быть построены железные дороги, развиться промышленность (особенно строительная), земледелие наших окраин и т. д. и т. п.

Но, тов. Попов, все это слишком общеизвестно, чтобы нуждаться в доказательствах при помощи столь тяжелой артиллерии. Любой совпартшколец давно знает все это.

Весь вопрос в степени, и эту сторону дела вы сами признаете, повидимому, когда говорите, что «в известной степени сгущенность, населения в определенных районах должна быть, чтобы развивалась промышленность» и т. д. Весь вопрос, значит, в том, не слишком ли высока степень сгущенности у нас сейчас, нет ли в этом какой-либо опасности.

Здесь прежде всего мы должны подчеркнуть недопустимость того механического перенесения капиталистической идеологии и методов капиталистического хозяйствования на советскую систему, которое допускает тов. Попов. Мы не можем рассматривать «мужика», избыточное население деревни только как «средство», необходимое возрождающейся и развивающейся промышленности, потому что такой взгляд не только вреден, но и явно неверен в его применении к нашему хозяйственному порядку.

Избыточное население деревни, выбрасывавшее на рынок труда дешевые рабочие руки, облегчавшее капиталисту борьбу за общее понижение заработной платы, было тем злом капиталистического хозяйства, которое мы, конечно, ни в коей мере не можем оправдывать в советской системе хозяйства.

По мнению т. Попова, выше нами приведенному, опасности нет решительно никакой, пугаться нечего. Мы считаем, однако, такое спокойствие необоснованным и, пожалуй, слишком напоминающим спокойствие или равнодушие к страданиям десятков тысяч голодавших рабочих, проявленное однажды английским парламентом, запретившим эмиграцию оставшимся без работы рабочим на том основании, что неоткуда капиталистам будет взять рабочие руки в тот момент, когда начнется период под'ема и расширения промышленности.

Мы считаем, что это «спокойствие» не только идет в разрез с общепринятой партийной линией, но и создает величайшую угрозу для дела союза рабочих и крестьян. Этот взгляд рассматривает крестьянство как какое-то топливо для промышленности. Это—взгляд, имеющий несомненное родство с взглядом на крестьянство как на «колонию», нашедшим себе уже достаточно авторитетную оценку.

Смешно было бы отрицать значение наличия кадров свободных рабочих рук для развития промышленности. Никто этого и не отрицает. Но нельзя становиться на точку зрения наиболее хищного капитализма.

Приведем только одну справку, которая может дать некоторое представление о той степени сгущенности, о которой только и следует, как мы видели, говорить.

Тов. Попов замечает (стр. 94): «В остальных районах, особенно в Поволжьи, Юго-Востоке, то-есть там, где не было избыточности населения и до войны, также нет места никаким тревогам...»

Возьмем для примера Сталинградскую губернию. В журнале «На новых путях» № 6 приведены в статье т. Соловьева основные результаты разработки данных обложения по сельско-хозяйственному налогу. Автор делит все хозяйства на пять групп.

В первой группе—беспосевные—автор в 20.000 хозяйств, относимых к этой группе, насчитывает 25.000 работников, о которых говорит, что ни наемные работы в сельском хозяйстве, ни внеземледельческие заработки не поглощают этой рабочей силы целиком. Во второй группе (с посевом до 4-х десятин) из 220.034 ч. в рабочем возрасте—169.470 чел. являются **избыточными** рабочими. В третьей группе (4—10 десятин) наличный избыток рабочих рук автор определяет в 140.692 чел. при общем числе едоков в рабочем возрасте в 202.300.

Надо заметить, что всем этим трем группам хозяйств не хватает средств на поддержание своего хозяйства.

Даже в четвертой группе (от 10 до 25 десятин) автор насчитывает до 30.000 человек избыточной рабочей силы (при 61.354 едоках в рабочем возрасте). И лишь в пятой группе с посевом более 25 десятин наблюдается недостаток своей рабочей силы в среднем в 59,7 рабочих дней на 1 хозяйство, который, по мнению автора, все же может быть покрыт своими силами (2—3 подростка 12—17 лет, которые в семье из 7 человек, очевидно, найдутся, могут дать 78 рабочих денщин).

Далее автор приводит следующую таблицу о степени использования в хозяйстве наличной рабочей силы:

Группы.	Число едоков в рабоч. возрасте.	Число наличн. денщин в хозяйстве (по 78 д. на 1 работн.).	Число потребн. денщин.	Избыток (+) или недостаток (—) наличн. денщин в хозяйстве.
I. Беспосевн.	1,3	—	—	—
II. С посевом до 4-х дес. . .	1,9	148	28	+80
III. » » » 4—10 » . .	2,4	187	47	+75
IV. » » » 10—25 » . .	3,1	240	118	+54
V. » » » св. 25 » . .	3,4	265	325	—22

Конечно, эти данные не отвечают на вопрос об использовании рабочей силы вне земледелия, но при общем отмеченном выше упадке внеземледельческих промыслов, при сравнительно медленном отвлечении рабочей силы в города [1]), картина степени перенаселенности оказывается чрезвычайно внушительной.

Здесь, кстати сказать, уместно вспомнить «излишек труда в отдельных группах», о котором так невозмутимо говорит тов. Хрящева.

[1]) Тов. Андреев в докладе у железнодорожников давал цифру 400 тыс. новых рабочих, вовлеченных в промышленность за этот год. Однако, не все 400 тысяч пришли из деревни.

Тот подход к вопросу о перенаселении, который отмечен нами в статье т. Попова, находится в прямом противоречии с основным заветом, данным нам Лениным: «начать надо с крестьянина». Это—основная директива. О том же противоречии этой, данной Лениным директиве говорит и то, что и тов. Хрящева, и т. Попов, первая—совершенно второй—более осторожно, менее определенно—не придают значения интенсификации сельского хозяйства, как наиболее действительному средству изжития относительного аграрного перенаселения. Тов. Хрящева, как мы видели, просто заявляет, что только развитие промышленности может уничтожить избыток свободной рабочей силы в деревне; тов. Попов говорит об этом более туманно. Вот его общий вывод, в котором об интенсификации сельского хозяйства даже не упоминается, но зато налицо «страховка» в виде «других отраслей народного хозяйства». По мнению т. Попова, меры к устранению опасности перенаселения должны итти: «...только в порядке развития промышленности, в порядке развития торговли, в порядке развития других отраслей народного хозяйства, на основе государственного капитализма, в порядке проведения мероприятий по перенаселению, колонизации, мелиорации, сочетающейся с планом развития госпромышленности, т.-е. в порядке проведения мер, имеющих целью развитие производительных сил».

Формула почти что безупречная и чрезвычайно гибкая, но все-таки крестьянское хозяйство отодвинуто слишком сильно на задворки.

Для того, чтобы скрытая неправильная точка зрения тов. Попова выступила вполне ясно, мы приведем параллельно следующую выдержку из резолюции XIV партконференции о кооперации.

«Несмотря на быстрое развитие производительных сил города, а также деревни, оно, однако, оказалось недостаточным для использования всего избыточного населения деревни (Вниманию тов. Хрящевой. *В. Б.*). Поэтому необходимо найти производительное применение для значительных масс рабочих рук, имеющихся в деревне. Это может быть достигнуто интенсификацией сельского хозяйства, дальнейшим ростом промышленности, развитием кустарных и отхожих промыслов, облегчением условий применения наемного труда в сельском хозяйстве и краткосрочной арендой земли, а также организацией переселения и широкой производственной помощью маломощным крестьянским хозяйствам».

Мы не будем комментировать эту выдержку, каждое слово которой бьет и т. Хрящеву, и т. Попова. Отметим только, что интенсификация сельского хозяйства поставлена здесь, как видит читатель, на первое место.

И естественно! Интенсификацию сельского хозяйства мы безусловно должны признать главным путем изживания перенаселения. Это важно не только потому, что обеспечивает верное направление политики партии по отношению к деревне и сохранение союза пролетариата с крестьянством («начать надо с крестьянства»), но и потому, что в самом деле только таким путем и можно достигнуть достаточно быстрых реальных результатов.

В сравнительно недавнем прошлом мы имеем аналогичный до известной степени пример. Столыпинская политика, как известно, угрожала созданием тяжелого относительного перенаселе-

ния, которое должно было выразиться в ухудшении положения неквалифицированных (преимущественно) рабочих в городе и сельско-хозяйственных рабочих в деревне. Ведь промышленность за время с 1909 по 1913 год (находившаяся, как и сейчас, в периоде большого под'ема) сумела поглотить лишь 500 тысяч рабочих (правда, только в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции); переселение, охватившее с 1906 по 1914 год 500 т. домохозяев также не могло играть слишком большой роли, так как за то же время обратный поток переселенцев дошел до 500 тысяч человек (процент возвращавшихся обратно в годы 1909—10—11 составлял соответственно — 13,3; 36,3 и, наконец, 64,3 [1]). Между тем одно только число продавших свои наделы крестьянских хозяйств за время с 1910 г. до начала войны составляет более миллиона, не менее 2—2½ миллионов работников. Сюда надо прибавить естественный ежегодный прирост населения и заметить, что далеко не все переселявшиеся (не более ⅔ их) продавали свои наделы.

И, однако, опасения не оправдались. Наоборот, заработная плата, начиная с 1910 года, стала подниматься с 236 рублей в 1909 до 264 руб. в 1913 году, и особенно быстро именно в производствах, применяющих наименее квалифицированную рабочую силу. Например, в производстве вкусовых и пищевых продуктов она росла следующим образом: 1909 г.—149 руб., 1912 г.—156 р., 1913 г.—169 руб.

Заработная плата сельско-хозяйственных рабочих точно так же значительно возросла с 1909 по 1913 год, что видно из следующей таблицы [2]):

Районы.	Годы 1909	1910	1911	1912	1913	Общий прирост в %%.
	в копейках.					
50 губ. Европ. России .	87	91	86	99	112	28,7
Центр. землед.	77	87	83	96	93	20,8
Средневолжье	79	78	63	78	102	29,3
Новороссийский	122	133	116	128	138	13,1
Юго-Западный	63	65	72	83	87	38,1
Украина	92	92	102	112	123	33,1

Минимальный рост, таким образом, составлял за этот период 13,1% (в районе наиболее высокой и без того заработной платы), а максимальный—38,1%. За это же время средний товарный индекс возрос менее, чем на 10%.

Куда же, спрашивается, девались избыточные рабочие силы?

Развитие сельского хозяйства, громадный рост применения сельско-хозяйственных машин [3]), введение трудоемных культур, развитие скотоводства—и все это в сочетании с параллельным

[1]) Ежегодник Центр. Статист. К—а 1914 г., стр. 29. Эти цифры, как и последующие цитированы у Тюмиевой «От революции к революции». Изд «Прибой» 1925 г., стр. 200—229.

[2]) Таблица составлена Тюменем на основании данных, приводимых В. Милютиным: «Сельско-хозяйственные рабочие и война», стр. 8—59.

[3]) По мнению тов. Хрящевой, рост применения с.-х машин обычно сопровождается ростом перенаселения. Легко было бы показать, что в действительности это совершенно не так. Дело обстоит как раз наоборот. Конкретная действительность много сложнее абстрактной теории.

ростом сбытовой, снабженческой, промысловой и кредитной кооперации, могучим образом содействовавшей развитию товарности крестьянского хозяйства,—вот тот путь, который привел даже при гнусном царском режиме к сравнительно благополучному, хотя и медленному изживанию грандиозного кризиса, вызванного столыпинской аграрной политикой.

Нет никакого сомнения—и в этом прав тов. Попов, — что кризис перенаселения будет изжит нами помимо всяких неэкономических или филантропических мероприятий, что он уже изживается даже, под влиянием ряда благоприятствующих этому обстоятельств (под'ем промышленности занимает среди них, конечно, одно из важнейших мест), но сложить руки и дожидаться у моря погоды—было бы политикой совершенно легкомысленной.

Необходимо сознательное форсирование интенсификации сельского хозяйства, облегчение условий применения наемного труда и развитие кустарной промышленности, на ряду, конечно, с той программой, которая указана в приведенной нами выдержке из статьи т. Попова.

Это и будет выполнение решений XIV партконференции.

Е. Косьмин.

К вопросу об обороноспособности СССР.

В характере организации всякой армии лежат прежде всего те социально-политические, экономические и культурные отношения, которые в совокупности своей образуют государственный и общественный строй данной страны. Армия это зеркало последней. И именно из этой предпосылки исходят программные решения нашей партии в области военного строительства, предусматривающие в качестве конечной цели превращение Красной Армии «во всенародную социалистическую милицию».

Но это превращение совершится в полной мере «лишь в связи с уничтожением классов», т.-е. на основе роста и укрепления социалистических отношений внутри страны как в области экономики, так и культуры. «Нынешнему же переходному периоду,—говорит IX С'езд РКП,—который может иметь длительный характер, должна соответствовать такая организация вооруженных сил, при которой трудящиеся получают необходимую военную подготовку с наименьшим отвлечением их от производительного труда. Такой системой может явиться только построенная на территориальных началах Красная рабоче-крестьянская милиция».

Надо, впрочем, отметить, что черты территориальности и милиционности лежат на всей истории нашей Красной Армии. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить тот факт, что первые ее отряды и батальоны чаще всего формировались по инициативе местных советов и профсоюзов непосредственно из рабочих данного завода и фабрики и беднейших крестьян данного села и волости. Однако, только с 1923 г. они получили широкое применение в лице созданных в тот момент первых территориальных дивизий. До этого времени милиционно-территориальная система организации Красной Армии, предусмотренная указанными решениями партии, не могла быть практически широко осуществлена в силу требований, выдвигавшихся гражданской войной и последовавшей затем демобилизацией армии.

Следовательно, рассматривая наши нынешние милиционно-территориальные формирования, составляющие, по общему признанию, основу строительства вооруженных сил страны, с точки зрения осуществления конечной цели, т.-е. создания «всенародной социалистической милиции», необходимо сказать, что в этом смысле они представляют известный переходный этап, предварительное условие, которое в момент созревания отмеченных

выше социалистических отношений в стране позволит безболезненно и без значительной ломки перевести всю Красную Армию на чисто милиционно-социалистическую систему организации.

Но для партии и государства милиционно-территориальные формирования представляют не только тот интерес, что они соответствуют осуществлению этой еще довольно отдаленной конечной цели. Если бы только эта причина лежала в основе мероприятий по переводу значительнейшей части Красной Армии на милиционно-территориальную систему, то делу сегодняшнего укрепления обороноспособности нашей страны, а тем самым и диктатуры пролетариата в ней, был бы нанесен легкомысленный, необдуманный, чреватый крупными отрицательными последствиями удар. Нынешняя милиционно-территориальная система как раз важна и ценна тем, что она больше всего и лучше всего соответствует требованиям, выдвигаемым положением страны, находящейся под постоянной угрозой внешнего вооруженного нападения на нее со стороны окружающих буржуазных государств.

Способствуют ли милиционно-территориальные части сохранению этого «непременного условия» должной высоты обороноспособности Союза, а также «сохраняют ли они в своей организации все черты диктатуры рабочего класса»—вот вопросы, выяснение которых позволит нам определить степень целесообразности применения милиционно-территориальной системы.

Успешное ведение современной войны требует наличия двух условий: 1) высокоразвитой в стране военной техники, 2) миллионных военно-подготовленных масс населения.

Первое условие целиком определяется ростом промышленности и степенью развития производительных сил страны. Второе—системой организации военного обучения и подготовки трудящихся, в данных пределах средств, отпускаемых государством на эту цель (размер военного бюджета).

Учет опыта последних войн дает нам следующую характеристику влияния их на численный состав воюющих армий:

1) в войнах Наполеона участвовало—600 тыс. солдат;
2) во франко-прусской войне 1871 г. участвовало—1.500 т. с;
3) в русско-японской войне участвовало 2 милл. солдат;
4) в последней империал. войне участвовало 65 милл. сол.

Нет никаких оснований полагать, что наступающая война потребует меньшего количества солдат. Наоборот. Такое утверждение находится в полном противоречии как со всем опытом прошлого, так и с учетом тех мероприятий по подготовке к войне, которые проводятся в настоящее время во всех капиталистических государствах мира.

Достаточно указать, что ни одно государство не ограничивается содержанием одной только официально существующей армии. Значительные государственные и общественные средства затрачиваются на содержание и развитие различных военно-спортивных организаций среди самого населения.

Поэтому, помимо необходимости высокой военной технической подготовки, внимание нашего Союза должно быть сосредоточено на вопросах военной подготовки возможно большего количества военнообязанных, создающих необходимый мобилизационный запас для развертывания и комплектования армии в военное время. Если же учесть, что количество призывного молодняка в нашей

стране ежегодно дает 800—900 тысяч годных для военной службы людей, то мы увидим, что подготовка и создание необходимого мобилизационного запаса через систему кадровой армии потребует доведения ее численности до 2 миллионов человек при 2-годичном сроке службы и до 1 миллиона человек при одногодичном. Нынешняя же численность Красной Армии (около 600 тыс.) этой задачи не разрешает. Излишне, однако, доказывать всю гибельность содержания 2-миллионной армии для народного хозяйства страны. Выход из подобного тупика может быть найден только на пути введения милиционно-территориальной системы. Встающий в связи с этим вопрос об обеспечении наших границ от неожиданного нападения и о прикрытии их в первые дни войны для мобилизации и развертывания главных сил решается сохранением небольшого количества кадровых дивизий, доведенных в своей численности до 60—70% военного времени.

Но преимущества милиционно-территориальной системы, как наиболее экономной и целесообразной с точки зрения подготовки и создания всего возможного в стране запаса, не ограничиваются только сказанным. Ее существенным достоинством является создание организационных и иных предпосылок, обеспечивающих военизацию всего трудового населения, привитие ему и культивирование известных навыков военного дела, развитие соответствующей психологии. Возможность достижения положительных результатов в этой области вполне реальна, поскольку территориальные части находятся в постоянном соприкосновении с населением, поддерживают через переменный состав и междусборную работу постоянную связь с ним и, наконец, живут и работают в течение значительного периода времени среди самого населения.

I. Военно-учебная и политическая характеристика территориальных частей.

Военная и военно-политическая подготовка переменного состава терриотриальных частей укладывается в 8 месяцев, разбиваемых в свою очередь на 5 лет. По истечении указанного срока территориальные части должны выпустить в запас вполне подготовленных со стороны требований современного боя солдат и политически воспитанных и развитых граждан. При общей малокультурности населения это, конечно, задача трудная, но тем не менее выполнимая. В самом деле, если принять во внимание, во-первых, то, что помимо 8 месяцев обучения на сборах переменники, в той или другой форме, привлекаются и будут привлекаться к военно-политическому обучению и воспитанию в периоды между сборами, во-вторых, что в кадровых частях время для тактического обучения красноармейцев, за вычетом затрачиваемого на самообслуживание времени, составляет немногим больше одного года, то легко убедиться в том, что нет никаких оснований предполагать, что территориальные части будут менее боеспособны, чем кадровые.

Подтверждение последнему мы находим уже и в той оценке результатов обучения в территориальных частях, которую дает целый ряд авторитетных военных работников, непосредственно руководящих этим делом.

Особенно же благоприятных и положительных отзывов удостаивается молодняк 1902 года, не служивший в кадровых частях и получающий военное обучение только через территориальные. Эти отзывы с убедительностью доказывают несомненную жизнеспособность милиционно-территориальной системы.

Конечно, как и во всяком деле, в системе военного и военно-политического обучения и воспитания переменников есть свои недочеты и недостатки. Но они вытекают не из ее непригодности в целом, а из временного несовершенства ее практической детали. По мере их устранения задача боевой подготовки территориальных частей будет осуществлена полностью и целиком.

К числу таких недочетов относятся прежде всего вопросы, касающиеся работы с переменным составом между сборами. Военно-политическое обучение переменников и допризывников в этот период должно быть организовано таким образом, чтобы обеспечить постоянное воздействие на них со стороны кадрового командно-политического состава, служить естественным продолжением работы, проводимой на самих сборах, способствовать воспитанию в переменнике дисциплинированности, чувства сплоченности и принадлежности к своей части и к Красной Армии.

Основными формами работы между сборами являются военные уголки и кружки военных знаний, организуемые при клубах (рабочих и комсомольских), при каждой сельской и волостной избе-читальне; стрелковые тиры и военные городки со стрелковыми кружками при военно-учебных пунктах и военных уголках.

Встает важный вопрос, кто должен проводить эту работу.

Охватить ее силами одного кадра территориальных частей абсолютно невозможно, ибо последний в течение 10—11 месяцев в году занят: обучением допризывников (3 месяца), обучением новобранцев (3 месяца), проведением общих сборов (1—2 месяца) и обучением красноармейцев кадра.

Участие кадрового командно-политического состава при его выездах в районы комплектования для проведения допризывной подготовки, или путем специального, периодического командирования для этой работы, а также для наблюдения и руководства деятельностью местных организаций, партийцев командиров и политработников, на срок до 1 месяца, может быть плодотворным только лишь в том случае, если они найдут полную поддержку и содействие местных партийных, политико-просветительных и профессиональных организаций. На последние должны быть целиком возложены задачи: ликвидации неграмотности среди переменников и допризывников, оборудования и снабжения всеми необходимыми силами, средствами, материалами и пособиями военных уголков, кружков военных знаний, тиров и т. д.

Практическое совершенствование территориальной системы в настоящее время упирается именно в эти вопросы. Работа между сборами, не являясь основным средством военного и военно-политического обучения и воспитания переменников, является вместе с тем основным условием, обеспечивающим создание боеспособных территориальных частей. Практическое совершенствование территориальной системы должно составить заботу всех местных партийных и советских органов.

Крайне существенным с точки зрения уяснения политических итогов работы территориальных частей является вопрос:

будут ли они политически надежны в момент мобилизации для ведения войны.

Здесь прежде всего нужно отметить, что общая явка переменников на сборы, как правило, достигает 100%, что при комплектовании территориальных частей по штатам военного времени является высоким уровнем. Неявка одного или двух процентов несомненно должна быть отнесена за счет: недостаточно налаженного учета военно-обязанных, плохого и несвоевременного оповещения переменников о сроках явки и других уважительных причин. Можно даже сказать, что такой высокий процент явки призываемых, притом уже отслуживших в массе своей срок действительной военной службы и участвовавших в гражданской войне, мы имеем впервые за все время существования Красной Армии. Для характеристики отношения военнообязанного населения к призывам на сборы показательно также и отсутствие применения в сколько-нибудь значительной мере принудительных способов собирания, массовой отдачи под суд и дезертирства в прямом смысле этого слова.

Некоторое недовольство отрывом от мирного труда и тяготами, связанными с территориальными сборами, проявлялось среди переменного состава старших возрастов (1899—1900). Наглядным отображением этой усталости и недовольства являлись: самовольные отлучки в предпраздничные дни во время сборов, меньшая, чем среди молодых возрастов, дисциплинированность, недостаточно высокая заинтересованность своим военным обучением.

Совершенно иную картину дает другая часть переменников, молодежь призыва 1902 г. Среди них наблюдается значительный интерес к военной учебе и к вопросам военной подготовки страны. Эта часть переменников поддается значительно легче военно-политическому влиянию и воздействию, чем старшие возраста. Среди них на высоком уровне стоит и дисциплина. В дальнейшем, по мере ежегодного ухода старших возрастов в запас и зачисления в переменный состав молодых, прошедших допризывную подготовку,—территориальные части будут включать в себя военнообязанных, которым несвойственны характеризованные выше отрицательные моменты.

Следующей группой переменного состава, характеризующей политическую крепость территориальных частей, является младший командный переменный состав. Эта часть переменников является наиболее важной с точки зрения укрепления боевой мощи территориальных частей. «Младший комсостав, говорит тов. Фрунзе, образует ту основу, на которой зиждется все дело дисциплинирования, боевой спайки и боевой подготовки части»[1]). Интересы качественной подготовки переменного командного состава, внесения устойчивости в его личный состав, установления и закрепления тесной связи между ним и кадром территориальных частей, а также организации и проведения военной работы между сборами требуют подготовки его через территориально-комплектуемые полковые школы младшего командного состава.

Программа подготовки младшего командного состава через систему территориально комплектуемых полковых школ должна заключаться в подготовке вполне политически развитых, надежных и военно-политически образованных, командиров, обеспечивающих правильное политическое влияние на переменников-красноармейцев между сборами и политическую надежность территориальной части в момент мобилизации.

[1]) М. Фрунзе, «На новых путях», изд—во «Военный Вестник», стр. 95.

Отсюда можно сделать следующий вывод: при нынешнем соотношении возрастных контингентов переменников-красноармейцев территориальных частей политическая надежность последних так же велика и устойчива, как и политическая надежность тех частей, которые формировались бы из тех же возрастов в момент мобилизации. Большей политической опасности они не представляют. Дальнейшее омоложение переменного красноармейского состава, на ряду с усовершенствованием всей территориальной системы и общим ростом благоприятных условий, определяющих крепость Советской государственной системы и вызывающих рост симпатий и доверия к ней со стороны крестьянства, дают основание полагать, что территориальные части в момент мобилизации не создадут никаких особых, свойственных только им, политических осложнений и будут вполне морально, политически и военно, боеспособны.

II. Отношение населения к терсистеме.

Можно установить два основных периода в существовании территориальной системы, в течение которых отношение населения к ней выявлялось по разному.

Первый период—осень 1923 г., когда военное ведомство приступило к проведению первых сборов территориальных частей. Этот момент, как известно, совпал с наличием напряженной политической атмосферы, вызванной революционными событиями в Германии. Отношение населения, в особенности крестьянства, характеризуется в этот период наличием известного недоверия к терсистеме. Привлечение больших масс переменников на учебные сборы воспринимается, как прикрытая мобилизация для ведения войны. Созданию такого настроения способствовало, во-первых, то, что агитационная кампания о территориальной системе и о явке на сборы неизменно увязывалась с вопросом оказания нами военной помощи революционной Германии, во-вторых, зачисление в переменный состав и привлечение на сборы, главным образом, старых возрастов военнообязанных, уже отслуживших свой срок в рядах Красной Армии. Конкретно эти настроения выражались: в том, что на всех собраниях проводимых по селам, крестьяне и переменники задавали, главным образом, такие вопросы, как: «почему нам прямо не скажут, что нужно опять воевать», «зачем обманом мобилизуете» и т. п. Эти настроения выражались также и в проводах переменников на пункты сборов их семьями и даже целыми селами, при чем многие провожавшие поселялись возле пунктов до самого окончания сборов, ожидая момента отправки на фронт.

Второй период—период непосредственно после окончания учебных сборов 1923 г. Настроение недоверия к территориальной системе, как таковой, сменилось положительным отношением к ней. На опыте сборов 1923 г. население убедилось, что зачисление в терчасти сопровождается кратковременным отрывом от мирного труда. Все последующие сборы, как в смысле явки переменников, так и отношения их к военной учебе, пока-

зали, что территориальная система воспринята трудящимися, и, в первую очередь, крестьянством, как положительное мероприятие партии и власти, облегчающее тяготы военной службы.

Но в этой общей положительной оценке территориальной системы со стороны населения есть ряд моментов, указывающих на неправильное понимание им ее основного назначения. Так один из Пуокров следующим образом формулирует отношение крестьян-переменников к территориальной системе: «Терармейцы стремятся использовать учебные и воспитательные стороны самих сборов в своих узко-практических, хозяйственных интересах». Проявившиеся с особой силой на прошлогодних сборах, так называемые «крестьянские настроения», являются не только результатом общего роста политической активности деревни, но и следствием привившегося среди крестьянства взгляда на территориальные формирования, как на организации, где и через которые они могут проявлять свою политическую активность. Военно-учебное назначение сборов в глазах переменников-крестьян подменяется сознанием полезности их с чисто культурнической и хозяйственной стороны. Наиболее яркое свое выражение эта тенденция получает: 1) в увлечении на сборах политзанятиями и соответствующими видами внешкольной работы; 2) в попытках перенести организационные формы об'единения переменников на сборах в деревню в междусборный период. Последнее выражалось в стремлении организовать общества переменников с правом защиты интересов своих членов и в использовании для этой же цели таких военно-учебных и воспитательных организаций, как военные уголки и проч. Следует отметить, что указанными настроениями заражены, главным образом, старшие возрасты переменников, уже отслужившие свой срок в кадровых частях. Молодые возрасты такими настроениями заражены в очень слабой степени. Среди них преобладает интерес к военной учебе, как таковой.

Несомненно, что отмеченные выше взгляды на территориальную систему в основном выражал и тогдашнее состояние деревни, характеризуемое несовершенством работы советского и партийного аппарата и поисками на этой почве со стороны политически активной части деревни найти соответствующие формы общественной самодеятельности. Однако, необходимо подчеркнуть, что указанные выше отрицательные явления, т.-е. взгляд на терсистему, как на скрытую мобилизацию, стремление использовать армию исключительно в культурно-политических целях (крестьянские настроения), отнюдь не были характерны только для терчастей. В кадровых частях наблюдались те же или аналогичные явления.

В качестве отрицательных для отдельных групп населения моментов, связанных с территориальной системой, необходимо отметить следующие:

1. Вторичное привлечение к отбыванию военной службы военнообязанных, уже прошедших ее в кадровых частях. Это относится к старшим возрастам, зачисление которых в переменный состав было вызвано необходимостью опереться в первое время создания территориальных частей на подготовленные в военном отношении контингенты. Со стороны этих групп замечается естественное недовольство вторичным отрывом их от своего хозяйства.

2. Отсутствие материального обеспечения бедняцких и батрацких масс деревенской молодежи, привлекаемой к обязательной допризывной подготовке. Эта часть населения деревни выражает недовольство терсистемой и стремится попасть в кадровые части, хотя и со сроком службы в 2 года, но обеспечивающей красноармейцев на весь период учебы. Особенно массовая тяга в этом отношении наблюдается в голодающих районах.

3. Неустановленность твердых сроков сборов и местами неудачный выбор времени для их проведения. Эти отрицательные моменты ведут, во-первых, к тому, что связывают свободу передвижения переменника, особенно в районах, где крестьянство занимается отхожими промыслами, во-вторых, к отрыву от сельско-хозяйственных работ в самый разгар последних. И в том, и в другом случае налицо недовольство.

4. Несоблюдение различными организациями и учреждениями льгот, предоставленных переменникам рабочим и служащим. Так, целый ряд политорганов отмечает, что «городские переменники крайне неохотно являлись на сборы, боясь своим уходом вызвать отрицательное к себе отношение со стороны руководящих работников учреждений и предприятий» или «за уход на сборы переменники сокращаются со службы под тем или иным предлогом».

Следовательно, можно сказать, что население, относясь в массе своей в основном к территориальной системе положительно, под влиянием отдельных недочетов, связанных с временным несовершенством ее отдельных деталей и с недостаточно правильным усвоением ее назначения в своих отдельных группах, склонно к недооценке ее главнейших преимуществ. При дальнейшем улучшении работы в территориальных частях и эти недочеты будут изжиты, что еще больше укрепит в общем уже и сейчас положительное отношение населения к терсистеме.

III. Содействие политическому и культурному росту деревни.

Постановление XIII с'езда партии о том, что «расширение милиционного строительства открывает новые пути для работы партии в деревне и укрепления в ней советского влияния» и что «территориальные формирования, включающие в свой состав исключительно маломощные и середняцкие слои деревни, могут и должны стать одним из основных пунктов об'единения и просвещения этих последних», уже находит свое практическое выражение.

Так в районах, охваченных территориальными формированиями, мы имеем: обогащение сельских местностей значительным количеством квалифицированных партийно-политических и культурных сил в лице кадрового политического и командного состава последних. Они принимают непосредственное и активное участие во всей общественной жизни деревни. Вот, например, как характеризует влияние этой деятельности Воронежский Уполитпросвет: «За весь период работы командно-политического состава (около 3-х месяцев) по Воронежскому уезду следует отметить особый под'ем и оживление политпросветработы вообще... Работа многих изб-читален поднялась настолько интенсивно, что возникает мысль, что раньше эти избы-читальни существовали просто на бумаге... Сделано докладов на собраниях граждан

до 50, вечеров и концертов 25, спектаклей 40, выпущено 12 стенгазет».

Воздействие территориальных частей на настроение переменников характеризует следующий отзыв секретаря Тульского Губкома РКП:

«Хочу сказать несколько слов о нашей территориальной дивизии. В сентябре месяце я был там во время сборов. Настроение красноармейцев было отвратительное. После месяца упорной работы партийная организация в корне изменила настроение красноармейцев. В результате получается то, что красноармеец-переменник в деревне является самым лучшим агитатором за Советскую власть».

Нижегородский Губком также отмечает факт крупных достижений в проведении терсборов 1924 г.: «Подводя итоги проведенных в настоящем году терсборов, необходимо отметить несомненные успехи по сравнению с прошлогодним сбором. Активность красноармейской массы в учебе была достаточно высока. Итог усвоения военных знаний—15 хорошо и 60 удовлетворительно. Таким образом, в военном отношении, призванный состав тсрармейцев элементарно подготовлен к обороне страны».

Наконец, активное участие преобладающей части переменников-красноармейцев во всей местной общественно-советской жизни. Целый ряд характеристик как политорганов, так и местных партийных организаций указывает, что переменники представляют из себя наиболее активную, политически-сознательную и культурную часть деревни. В их лице создаются благоприятные для партии условия образования в деревне крестьянского актива.

Территориальные части обладают целым рядом других благоприятных для политической и культурной работы в деревне возможностей, вытекающих, в первую очередь, из самих сборов (возможность учета настроения деревни, возможность ее правильного ознакомления с мероприятиями местных руководящих органов, возможность инструктирования и подготовки более развитых красноармейцев в той или другой области работы в деревне и т. д.). Но и сказанного достаточно, чтобы уяснить все значение территориальных частей для политического и культурного роста деревни.

IV. Руководство пролетариата и партии.

Обеспечение руководства пролетариата и партии в работе милиционно-территориальных формирований обусловливается, с одной стороны, социально-экономическими условиями районов комплектования, степенью правильного разрешения и своевременного удовлетворения материально-бытовых запросов и нужд населения, и, с другой—рядом организационных мероприятий со стороны партии и органов советской власти. К этим последним относятся: социальный отбор переменного состава терформирований; подбор руководящего командного и партийно-политического состава; насыщение коммунистами и комсомольцами терчастей и теруправлений; поднятие работоспособности партийных организаций; участие и ответственность местных организаций в вопросах обеспечения условий нормальной работы милиционно-территориальных формирований.

Социальный состав территориальных дивизий в крестьянских районах—90% крестьян и 10%—рабочих; в промышленных—процент рабочих достигает 25—30.

Укомплектование милиционно-территориальных формирований партийцами и комсомольцами дает следующую картину: общий процент насыщенности членами партии, кандидатами и комсомольцами в кадре колеблется от 12 до 19. Процент насыщенности членами партии и комсомольцами резко меняется во время сборов, достигая в основном лишь 8.

Всего среди кадра терформирований имеется свыше 6.000 членов партии и около 3.000 кандидатов. Комсомольцев, не состоящих членами РКП, свыше 8.000. Первичных партийных организаций, т.-е. ротных ячеек, в кадре насчитывается около 600. В период сборов количество ротных ячеек достигает 1.200 с общим количеством членов и кандидатов партии кадрового и переменного состава до 14.000. Среди партийцев: вступивших в партию до октября—3,5%, с Октябрьской революции по 20 г.—39,4%, с 1920 по 21 включительно—43,3%.

Из числа партийного командного состава мы имеем рабочих—35,9%, крестьян—54%, прочих—10,1%. Из числа красноармейцев—членов партии—рабочих—56,3%, крестьян—35%.

Работоспособность и устойчивость партийных организаций в значительной мере ослабляется тем, что переменный политический состав не является в нужном количестве на сборы. Так по некоторым территориальным формированиям неявка политсостава достигает 15—35%. Основных причин этому две:

Первая из них та, что переменный политсостав перебрасывается местными организациями из одного района в другой без согласования этих перебросок с соответствующими политорганами и без замены перебрасываемых другими партийцами. Текучесть переменного политсостава и рядовых бойцов членов партии достигает иногда 40 и больше процентов.

Вторая—систематическое освобождение ряда партийцев от участия на сборах в связи с их занятостью партийной, советской и общественной работой.

В общем же парторганизации территориальных частей, несмотря на эти крайне серьезные недочеты в части укомплектования их нужным количеством партийцев, несомненно до сих пор справлялись со своими основными задачами.

Состояние командного состава по партийности дает следующую картину: из общего числа командного состава членов РКП числится 26,4%. По отдельным категориям процент партийности колеблется: старшего комсостава—25,7%, среднего—41,9%, младшего—10,3%. Процент же командного партийного состава в кадровых частях равняется 26,1%. А отдельные категории дают следующие колебания: старшего—26,5%, среднего—38,4%, младшего—13,8%.

Таким образом, соотношение основных социальных и политических групп, определяющих степень обеспечения руководства пролетариата и партии, в территориальных частях не ниже, чем в кадровых.

Главным же моментом, определяющим установление постоянного систематического партийного воздействия и влияния на переменный состав, является соответственно поставленная работа среди него в периоды между сборами.

Как уже отмечено выше, успешное развитие ее непосредственно связывается с вопросом привлечения к ее проведению местных партийных, советских и профессиональных организаций, которые полностью в эту работу еще не вовлечены. Необходимо поэтому скорейшее оформление в законодательном порядке организации советов содействия при Губисполкомах, создание которых решено III С'ездом Советов. Систематическое воздействие советов содействия на все организации и учреждения и их контроль за своевременным проведением необходимых мероприятий по укреплению милиционно-территориальной системы, в частности, работу между сборами, будет во многом способствовать наиболее полному партийно-политическому охвату переменников.

Для наиболее полного обеспечения руководства партии в работе милиционно-территориальных частей необходимо: закрепить определенный процент насыщенности терчастей партийцами, как во время сборов, так и между ними; запретить за определенный до сбора срок всякие переброски переменного политсостава из района комплектования; добиться полной явки на сборы переменного партийного состава; разработать и осуществить ряд мероприятий по усилению политической подготовки кадрового и переменного политсостава; обеспечить укомплектование полковых школ младшего командного состава не менее, чем на 65—70% из членов РКП, комсомольцев и рабочих.

Таким образом, опыт трехгодичного существования милиционно-территориальной системы говорит о том, что последняя целиком и полностью соответствует как тем требованиям, которые пред'являются характером современной войны, так и партийным решениям по этому вопросу. Оснований для ее пересмотра нет никаких. Оценка территориальной системы, данная прошлогодним Пленумом РВС СССР и сводящаяся к тому, что «терсистема в соединении с существующими кадровыми частями безусловно в состоянии гарантировать создание боеспособных частей и обеспечение обороноспособности Союза»—данными последующего опыта вполне подтверждается. Необходимо лишь, чтобы эта оценка была подтверждена всей партией.

П. Китайгородский.

Французские колонии в огне восстаний.

В ряду колониальных империй Франция стоит на втором месте. Ее колонии занимают площадь в 10.241.510 кв. километров с населением в 55,571.184 чел. Эти колонии, рассеянные по Северной и Центральной Африке, Азии, Австралии, Южной Америке и т. д., доставляют Франции от 10 до 12 процентов всего французского импорта и поглощают от 10 до 13% французского экспорта [1]).

Жемчужиной французских колоний является Северная Африка. Эта последняя с 12-миллионным населением почти в 8 раз больше своей метрополии. Но не менее важное значение для французского капитала имеет Сирия. Как Северная Африка, так и Сирия расположены в бассейне Средиземного моря, за гегемонию над которым состязаются Англия, Франция, Италия и целый ряд карликовых империалистических «держав» средиземного побережья. И вот на двух полюсах этого бассейна мы замечаем грандиозные по своему размаху, по упорству сопротивления, небывалые для французских колоний восстания, свидетельствующие о наступлении «начала конца» французского хозяйничанья в этих колониях Средиземного моря.

Горцы Сирии, по примеру горцев Марокко, взялись за оружие, чтоб изгнать ненавистных французских колонизаторов из пределов своей страны. Победоносный Рифф, организационно и политически руководящий восстанием марокканских скотоводов и земледельцев, зажег огнем энтузиазма и сирийских горцев.

Если риффы сумели испортить кровь французскому проконсулу в Марокко генералу Лиотэ, то почему же не могут друзы (горное племя Сирии) точно так же поступить с другим французским проконсулом, генералом Саррайлем? И, действительно, в конце июля и в начале августа восставшие горцы изгнали французские отряды, нанесли им тяжелые потери и захватили огромные военные трофеи; вскоре они обступили главный город Джебель-Друза, Суэйду, и взяли его с боя. Восстание до настоящего времени (22 августа) успешно продолжается.

Каковы же «движущие силы» этого восстания? Чтоб точнее уяснить себе характер этих событий, нам придется хотя бы вкратце остановиться как на истории захвата французами Сирии, так и на экономическом и социально-политическом положении этой страны.

---

[1]) См. Albert Sarraut. La mise en valeur de colonies françaises.

Проникновение французского капитала в Сирию.

Французский торговый капитал утвердился в Сирии еще со времени крестового похода Готфрида Бульонского. В особенности сильно было влияние этого капитала в западной Сирии, в области Ливана, центра сирийской шелковой промышленности.

В конце XIX века французский финансовый капитал приступает к постройке железнодорожных линий, долженствующих соединять главные города и порты Сирии (Еще с глубокой древности порты Сирии служили конечными пунктами великих караванных путей, ведущих в глубины Персии, Индии, Средней Азии и даже Китая). Французы первые провели желдорогу Алеппо—Дамаск—Триполи и Бейрут в общем на протяжении 760 миль (В настоящее время общая сеть сирийских желдорог—1.660 километров).

Лишь впоследствии Германия выбила инициативу из рук Франции и проведением Багдадской ж. д. стала серьезно угрожать французскому капиталу в Сирии.

Почти все шелко-ткацкие фабрики Сирии находились уже перед империалистической войной в руках французов. После войны Лион стал усиленно расширять шелковую культуру в Сирии.

Об этом красноречиво свидетельствует следующая табличка:

В 1920 г. было собрано	800.000	килограм.	коконоа.
„ 1922 г. „ „	1.900.000	„	„
„ 1923 г. „ „	2.000.000	„	„
„ 1924 г. „ „	2.500 000	„	„

Одно только «Акционерное общество развития богатств Сирии» вложило в течение 1924 г. 380 миллионов франков в разные сирийские предприятия [1]). В виду важного значения Сирии, как транзитно-торгового пункта, французский банковский капитал еще до войны развил тут широкую деятельность. Знаменитый «Banque de Paris et des Pays—Bas», имеющий крупные филиалы в Марокко, основал «Сирийский банк», которому принадлежит значительная часть акций, вложенных в сирийскую промышленность и железнодорожное строительство.

Как же Франция политически овладела Сирией? Нас завело бы слишком далеко, если б мы вздумали подробно останавливаться на истории захвата Сирии французами. Напомним только некоторые детали этого захвата.

В 1916 г. состоялось известное соглашение Сайкс-Пико, на основании которого Франция, должна была получить Сирию и Моссул, а вся прочая Аравия (Палестина, Месопотамия и Аравийский полуостров) должна была перейти к Англии. В 1919 г. после победы над Турцией англичане, пользуясь временной оккупацией Сирии английскими войсками, посадили на сирийский престол «короля» Фейсала, сына знаменитого эмира Геджаса Гусейна, ставленника Англии. Однако, в 1920 г. в Сан-Ремо англичане уступили Сирию французам взамен отказа последних от своих прав на Моссул, обещав Франции 25% будущей добычи нефти.

[1]) См. «Revue économique internationale» за июль 1925 г.

Тем временем французский генерал Гуро, матерой колониальный рубака, сподвижник марокканского проконсула Лиотэ, явился с 60-тысячным отрядом французских войск в Сирию и в двух—трех сражениях прогнал Фейсала из Дамаска. Англичане посадили свою креатуру Фейсала на Иракский трон. При помощи второго сына Гусейна—Абдуллаха, которого они посадили на престол в качестве правителя Транс-Иордании, англичане не переставали и до сих пор не перестают вести беспрерывный подкоп против французов в Сирии.

24 июля 1922 г. Совет Лиги Наций выработал проект мандата, предоставленного Франции на Сирию [1]). Окончательно этот мандат вошел в силу в 1923 г. Но еще задолго до вступления мандата в силу ген. Гуро успел покорить Сирию огнем и мечом, подавив там с жестокостью варвара национально-революционное движение. Своими карательными экспедициями, бомбардировками непокорных деревень из аэропланов он временно навел «порядок» в стране, отданной на поток и разграбление этому сатрапу.

Установив кладбищенский покой в этой цветущей стране, французский империализм приступил к политическому устройству Сирии.

Всего жителей в Сирии насчитывается около $2\frac{1}{2}$ миллионов чел., населяющих площадь в 60.000 кв. миль. И вот эту ничтожно малую территорию французы умудрились разделить на 5 «автономных» государств: Алеппо, Дамаск, область Алавитов, Великий Ливан и горную область друзов. Это искусственное раздробление страны на столько карликовых «государств» имело целью установить национально-религиозную чересполосицу и помешать возникновению общеарабского движения, которое могло бы быть направлено против Франции. Такова «национальная» политика французских колонизаторов! Все эти государства наделены «представительными собраниями» с совещательными функциями. В каждом «автономном» государстве находится французский губернатор и французский комиссар, а всеми этими государствами правит верховный комиссар, фактический хозяин страны...

С тех пор, как французы упрочились в Сирии, осадное положение со всеми сопутствующими ему аксессуарами—военно-полевые суды, запрещение организации политических партий, строжайшая цензура, тюрьма, высылки и пр., и пр.—свили себе там прочное гнездо.

Таковы плоды французской «цивилизации», осчастливившей Сирию своим мандатом!..

Социальный строй Сирии.

Основную группу сирийского населения составляет крестьянство (70%). В Сирии преобладает крупное землевладение (60% всей земли принадлежит крупным помещикам), а крестьяне явля-

[1]) Срок этого мандата истекает 29 сентября 1926 года. По окончании этого срока Франция должна выработать «органический статут» для Сирии. В силу этого «статута» сирийцам предоставляется право самоопределения, и французские войска эвакуируют «мандатированную» страну. Само собою разумеется, французское правительство и не думает эвакуировать Сирию.

ются большей частью арендаторами, которые должны уплачивать от $1/_6$ до $1/_2$ урожая. Одна треть крестьянства (приблизительно) ведет собственное хозяйство на государственной земле.

На ряду с арабами—сирийцами, занимающимися земледелием, мы встречаем и значительные кадры бедуинов-кочевников. В одном только «государстве» Дамаске насчитывается около 15.000 палаток. Вообще народонаселение Сирии отличается огромной пестротой своего этнического и религиозно-культурного состава.

Что касается городского населения, то оно значительно дифференцировано. Правда, крупной промышленности здесь не имеется. (В Сирии, между прочим, отсутствуют угольные и железные минералы). За исключением более или менее крупных шелково-ткацких фабрик (в Дамаске занято около 20—25 тысяч работниц на этих фабриках) вся остальная промышленность носит, главным образом, ремесленно-кустарный характер.

Сирийская буржуазия начинает постепенно вовлекаться в промышленный круговорот. Но до сих пор она еще крайне рахитична и притом чрезмерно страдает от существовавшего до последнего времени режима капитуляций, ставившего иностранный капитал в более привилегированное положение, нежели туземную буржуазию. Картинка, типичная для всего Востока!

Французы выкачали из Сирии ее золотой запас в 15 миллионов турецких лир, увеличили таможенные пошлины на все товары, но зато сохранены пониженные ставки за французскими товарами. Все это не может, конечно, содействовать росту туземного капитала. Последний сильно зависит от иностранного, преимущественно, французского капитала. Это кладет печать на национально-революционное движение, которое не имеет ясной отчетливой формы и еще весьма слабо. Политические партии страдают половинчатостью, соглашательством и пресмыкательством перед французской шпагой.

Положение рабочих, которых насчитывается во всей Сирии около 50.000, чрезвычайно тяжелое. Они лишены права коалиций, еще не организованы. Профдвижение находится в утробном состоянии. За малейшую попытку протеста рабочих расстреливают. Так, например, недавно в двадцатых числах июля была расстреляна рабочая манифестация в Бейруте, оставившая на улице 6 убитых и 23 раненых...

Еще до войны из Сирии эмигрировала в значительном количестве рабочая молодежь, главным образом, в Америку. Насколько велико число эмигрантов, можно судить по тому, что ежегодно их родные получают из Америки около 40 миллионов франков.

Сильным революционным фактором в Сирии является крестьянство. Это оно все время питает повстанческое движение. Несмотря на беспощадную расправу французских оккупантов с повстанцами, несмотря на жестокий террор, сжигание целых деревень, обложение их тяжелыми поборами, крестьянство все же время от времени подымается с новой силой против угнетателей. И восстание горного племени друзов, земледельческого и скотоводческого, является наглядным доказательством революционной живучести сирийского крестьянства.

Восстание Джебель-Друза.

«Автономное государство» Джебель-Друз в районе горного массива Хурана насчитывает всего 50.000 друзов. Последние представляют собою древнюю еретическую магометанскую секту, живущую еще в условиях феодально-натурального хозяйства. Друзы издавна считались настоящими горцами, закаленными в борьбе за свою политико-религиозную независимость, которую они в значительной степени сумели сохранить даже под турецким владычеством. В 1848 и в особенности в 1860 г. друзы ворвались в Дамаск и учинили резню христиан-маринитов, что дало повод для вмешательства великим державам, в особенности, Франции, считавшей себя традиционной «покровительницей» маринитов, образующих особую сиро-католическую церковь, имеющую свой устав и литургию. Франция использовала, нападение друзов на «христианский» Дамаск и оккупировала Ливан. По настоянию держав Порта предоставила Ливану широкую автономию. Население Ливана было освобождено от воинской повинности и от целого ряда обременительных податей. Управление Ливана было поручено губернатору-христианину, сносившемуся непосредственно с Константинополем.

Со вступлением французов в Сирию по окончании империалистической войны в качестве «мандаторов», они всячески старались использовать маринитов против друзов. Последние были об'ектом преследований и жестоких репрессий со стороны французов. Французские колонизаторы, несмотря на торжественное заявление сохранить за друзами их вольности, отвоеванные последними у турецких султанов, самым грубым образом нарушили свои обещания. Особенно отличился предшественник генерала Саррайля, палач Вейган, организовавший массовую резню населения друзов.

С приходом к власти левого блока во Франции генерал Вейган был отозван и заменен генералом Саррайлем, нынешним проконсулом Сирии. Сей представитель «левого блока», франк-масон и радикал-социалист, по приезде в Сирию об'явил политическую «весну». Он отменил осадное положение и полевые суды, выпустил из тюрьмы 40 политических заключенных, разрешил выход газет левого националистического направления. Но—увы—эта «весна», как в свое время «весна» Святополка-Мирского в России, быстро промчалась. Под «либеральной» тогой нового верховного комиссара оказалась старая знакомая сирийцам шпага генералов Гуро—Вейгана.

Генерал Саррайль показал, что и он, как его предшественники, не намерен всерьез предоставить сирийцам свободу. На требование левых партий об'единить страну и созвать учредительное собрание он ответил полным отказом.

Он об'единил в январе 1925 г. «государства» Алеппо и Дамаск, наскоро октроировал избирательный закон для «Совещательного Собрания», напоминающего пресловутую «куцую» Булыгинскую Думу. На самих выборах его агенты действовали вовсю, прибегая к подкупам и угрозам, так что вся оппозиция в Дамаске оказалась забаллотированной, и прошли лишь сторонники франкофильской ориентации.

Выборы происходили по религиозным куриям, и вдобавок двухстепенные. В день выборов в Бейруте и Дамаске толпа

напала на избирательные участки, но была разогнана французскими войсками. Одним словом, этот франк-масон устроил комедию выборов почище какого-нибудь солдафона Гуро или Вейгана. В «Представительное Собрание» прошли исключительно креатуры французского капитала.

Рабочих он быстро успокоил с помощью свинца. Появившаяся было в Бейруте газета «Инсаниет» (человечество), орган революционного пролетарского авангарда, через несколько выпусков была закрыта. Аресты, шпионаж, террор цензуры свирепствуют как никогда.

Карательные экспедиции им были направлены во все концы страны для подавления начавшегося повстанческого движения. Но тут-то шпага Саррайля зазубрилась. Сорганизовавшиеся друзы под начальством своего шейха Аль-Атраша дали отпор карательному отряду, быстро приступили к осаде «столицы» Джебель-Друза, Сузйды, и взяли ее приступом. В руки друзов попала огромная военная добыча—танки, пушки и боевые припасы.

Непосредственным поводом к восстанию друзов послужили следующие происшествия. В Джебель-Друз был назначен губернатором полковник Карбайэ, жестоко обращавшийся с населением. Последнее отправило делегацию к ген. Саррайлю, но он ее не принял и распорядился арестовать членов делегации. В то же самое время, по случаю мусульманского праздника «Курбам-Байрам», в Сузйде происходила религиозная манифестация. Французы приняли ее за политическую демонстрацию и подвергли ее обстрелу. Это окончательно переполнило чашу терпения друзов, и они все, как один, поднялись против своих поработителей. (Подробнее об этом см. «Egyption Gazette» от 10 августа).

Весьма возможно, что английские агенты оказали друзам в начале известную помощь. Англичане точат зубы на хребет Хуран, в котором имеются залежи нефти. И французская, и ангорская пресса указывает на интриги соседей Сирии—«короля» Ирака, Фейсала, и брата его, «короля» Транс-Иордании, Абдулы. Что эти агенты Великобритании действуют с благоволения своего патрона можно видеть из того, как английская пресса смаковала потери, понесенные французскими войсками, умышленно преувеличивая число убитых и раненых французских солдат.

Количество восставших друзов оценивается в 15 тысяч человек. Они требуют полной независимости, об'явления амнистии и эвакуации французских войск из территории Джебель-Друза.

Восставие Джебель-Друза напоминает собою восстание Риффа. И те, и другие представляют собою горные племена. И тех, и других очень трудно покорить вследствие безводной и гористой местности этих районов. Как Рифф, так и Джебель-Друз становится во главе восставших. При дальнейшем успешном сопротивлении Джебель-Друз может стать центром восстания всей Сирии, несмотря на сепаратистские лозунги повстанцев[1]). За друзами могут последовать и другие племена. Это вовсе не исключено. Очень может статься, что в скором времени вся Сирия запылает огнем восстания.

[1]) По последним сведениям вождь восставших Ал-Атраш потребовал полной эвакуации Сирии.

Правда, наиболее развитая в торговом отношении Западная Сирия боится восстания и готова сговориться с французским капиталом. Однако, при удачном сопротивлении друзов и дальнейшем распространении восстания, и «передовой» Ливан не останется в стороне и, во всяком случае, постарается использовать восстание в целях нажима на французские власти, дабы сделать их более уступчивыми.

Восстание Джебель-Друза сигнализует «начало конца» французского господства в Сирии. Даже если генералу франкмасону и удастся затопить Джебель-Друз в крови, используя существующие племенные антагонизмы, ему, как и его предшественникам, не удастся, однако, полностью ликвидировать причины, порождающие недовольство сирийцев. Французский империализм чувствует себя в Сирии точно так же, как и в Марокко, как бы на вулкане. Национально-революционное движение в Марокко и в Сирии не идет на убыль, а с каждым годом, с каждым месяцем растет и ширится.

А. Слепков.

Заметки читателя о литературных теоретиках.

Центральный комитет партии подвел первоначальные итоги дискуссии о политике партии в области художественной литературы.

Кто посерьезнее,—продумал вопрос, учел свои ошибки и увлечения, допущенные во время дискуссии.

Кто легкомысленнее и развязнее, своих ошибок не признал, а стал выдавать белое за черное: может быть, дескать, не заметят.

Редакция «На Посту»—выступила на страницах «Большевика» со статьей, носящей громкое название: «Ревизия ленинской теории культурной революции».

В этой статье доказывается, что знамя напостовцев реет над Ц. К. партии и что теории напостовцев являются образцом ортодоксальности и развитием ленинских положений.

Противники напостовцев, между прочим, указывали последним, что им очень не хватает осознания необходимости для пролетарских писателей—учиться и не зазнаваться. Напостовцы уверяли, что все это элементарно, общеизвестно, и удивлялись, что такие мотивы выпираются в дискуссии.

Статья редакции «На посту»—документ весьма любопытный. Степень теоретической грамотности и политической рассудительности, обнаруживающаяся у авторов этого документа, такова, что «учиться и не зазнаваться!» явно становится необходимейшим лозунгом в области литературного воспитания.

Статья написана теоретиками пролетарской литературы.

Само собой разумеется, что мы не имеем никаких оснований и претензий причислять себя к лику литературных «теоретиков». Но теоретическая несостоятельность напостовских миссионеров настолько очевидна, что даже нас, не занимающихся специально вопросами литературы, потянуло на них указать.

Статья направлена против тов. Яковлева. О позиции последнего скажем несколько позже. Сейчас же остановимся на концепции товарищей напостовцев.

Тов. Ленин счел нужным отметить на полях статьи тов. Плетнева, что понятие «идеология» отнюдь не шире понятия «культура». Дело обстоит как раз наоборот.

Товарищи из «На посту», повидимому, решили, что все сие от схоластики, учиться не пожелали и вообще к терминологии склонности не проявили. Культура, идеология, искусство, литература—что к чему?—Аллах ведает. У напостовцев в их статье разграничения этих понятий нет. Они берут в каждом случае такой термин, какой подвертывается под руку.

Их прямо смешит положение тов. Яковлева об отрицательном отношении Владимира Ильича к «пролетарской культуре».

Но что вы понимаете под «пролетарской культурой», товарищи «напостовцы»?

Включаете вы или не включаете в это понятие величайший по своей важности материальный остов культуры, ее технический базис? Должны включить. Но свое культурное строительство пролетариат начинает с буржуазным техническим наследством; техническая база капитализма, вырванная пролетарием от буржуа, является базой строительства социализма для захватившего власть пролетариата.

Капиталистическая техника (в широком смысле этого слова) должна быть присвоена и усвоена пролетариатом. Это же касается и ряда других элементов культуры, в частности, различных наук, особенно, конечно, точных наук.

Таким образом, в культурах буржуазного и социалистического обществ имеются весьма значительные и исключительно важные секторы, принципиально общие, принципиально одинаковые, могущие быть вынесенными за скобки, хотя в первом случае хозяином культуры является буржуазия, а во втором—пролетариат. Это вполне понятно, если учесть, что задача борьбы с природой, культурного обуздания ее—стоит и перед буржуазным, и перед социалистическим обществами. Именно поэтому целесообразнее говорить о культурах соответственных способов производства: о культуре буржуазного общества (буржуазная) и культуре социалистического общества (социалистическая).

Именно поэтому Ильич так редко и неохотно пользовался термином «пролетарская культура» (ставил эти слова в кавычки, как справедливо отмечает редакция «На посту»), предпочитая говорить о культуре социалистической.

Но если даже мы пользуемся этим термином, то надо сказать определенно, вкладываем ли мы в это понятие такое содержание, как идеолог пролеткультизма Богданов, или нет.

Богданов, например, полагает, что существует пролетарская и буржуазная математика, что дважды два не четыре, что даже точные науки у пролетариата имеют принципиально иную

классовую методологию, чем у буржуазии. Совершенно ясно, что из этой теоретической позиции вполне логично вытекает недостаточно внимательное отношение к задаче «обучения» у буржуазии, и, вместо широкого культурного воспитания, намечается путь тепличного «пролеткультизма». Что думают на этот счет товарищи напостовцы?

Тысячу раз прав тов. Яковлев, когда он разоблачает напостовцев за непонимание положительных элементов буржуазного культурного наследства.

Но нам кажется, что он недостаточно дифференцировал культуру общества социалистического. В последней своей статье он очень много говорит о заимствовании пролетариатом буржуазной культуры. Но о простом ли заимствовании идет речь?

Каким путем складывается культура социалистического общества?

Во-первых, путем простого заимствования некоторых элементов буржуазной культуры.

Во-вторых, путем переработки ряда элементов этой культуры.

В-третьих, путем создания впервые и из нового материала новых культурных ценностей, которых не могла создать буржуазия.

В своем ответе тов. Яковлеву редакция «На посту» уверяет, что именно она-то и заботится особенно усердно о «переработке».

Но можно ли всерьез поверить этому утверждению, если тем же пером пишется:

«Итак, «принципиальное единство точек зрения Богданова и Вардина» сказывается в том, что Вардин провозглашает «несовместимость господства пролетариата с господством непролетарской идеологии». Открытие потрясающее! Значит, тов. Яковлев полагает, что диктатура пролетариата в нашей стране, как определенная историческая эпоха, и, допустим, господство анти-дарвиновской реакции в нашем естествознании могут совершенно мирно ужиться друг с другом? Значит, тов. Яковлев, убежден, что диктатура пролетариата вполне допускает полное господство хотя бы немецкой «имманентной философии» в наших высших учебных заведениях? Значит, тов. Яковлев уверен, что господство в нашей науке буржуазной политической экономии может быть вполне совместимо с политическим господством пролетариата»»

Редакция «На посту» твердо «полагает, убеждена, уверена, в «несовместимости господства пролетариата с господством непролетарской идеологии».

Вот где образец вредного фразерства!

В нашей стране более четырех пятых населения составляет мелкобуржуазное крестьянство. Господствовала ли до сих пор и господствует ли сейчас в широких массах этого крестьянства «пролетарская идеология»?

Не нужно быть литературным теоретиком, чтобы ответить: нет. А, ведь, диктатура-то пролетариата существует и крепнет!

Думаем, что это мало смутит «теоретиков», ибо не для них ли выдвинут замечательный лозунг: «главное—не стесняйся»...?

В напостовских прописях сказано, что господство пролетариата несовместимо с «имманентной философией», «буржуазной политической экономией» в высших учебных заведениях. Спору нет, диктатура пролетариата и буржуазная политическая экономия в вузах—кричащее противоречие. А все-таки ряд труднейших лет борьбы с вооруженной контр-революцией протекал в условиях, когда командные идеологические высоты в вузах занимала буржуазная профессура. Ибо жизнь протекает не по напостовским прописям, ибо культурная революция—противоречивый процесс.

Одной из крупнейших политических задач, стоящих перед нами в текущий момент, является ликвидация неграмотности.

Научить читать и писать десятки миллионов—вот что требуется разрешить, вот что необходимо до зарезу.

Массовая безграмотность—это так же далеко от социалистической культуры, как далеко от социализма экономически-отсталое полу-натуральное крестьянское хозяйство.

Передовой культурный капиталист обучал рабочего грамоте, потому что этого требовали его интересы. В грамотности нет ничего специфически—социалистического. Это, впрочем, признает и редакция «На посту», утверждая, что «грамотность—предпосылка всякой культуры». Не предпосылка, а необходимый элемент—сказали бы мы.

Перед нами—серая деревня, неграмотная, отсталая, страдающая от недостатка элементарных культурных знаний, навыков, характерных для развитого буржуазного общества.

Надо помочь деревне прежде всего заимствовать из буржуазного наследства все, что необходимо для массовой «культурной революции», о которой говорят напостовцы, нескромно записавшие в свои прописи этот пламенно-практический лозунг Ильича рядом с мертвыми, постными, нежизненными «афоризмами», вроде «несовместимости господства пролетариата с господством непролетарской идеологии».

Дискуссия недостаточно научила напостовцев, им еще надлежит со всей серьезностью осознать, что буржуазная литература должна быть использована, положительные достижения ее усвоены, сделать из этого практические выводы. Глубоко прав тов. Яковлев, противопоставляющий формалистике напостовцев—

«диалектику культурного развития». И все так же формально неподвижны напостовцы, когда они до сих пор не понимают своих ошибок; все так же смешны их потуги доказать, что именно их точка зрения есть точка зрения ленинская.

* * *

Но, если позиция напостовцев ни с точки зрения теоретической, ни со стороны политической не внушает нам симпатии и даже, наоборот, требует отрицательного отношения, преодоления ее, то в ней есть одно бесспорно правильное, ценное: напостовцы призывают к всемерной поддержке начинающим пролетарским писателям, они ставят во главу угла своей работы, своей деятельности оформление и культивирование творчества подрастающих поколений, художников рабочего класса. Правда, методы их воспитания нельзя признать совершенными, правда, они, в известном смысле, склонны даже развращать это новое поколение (в этом отношении их надо урезывать, с ними надо бороться), но сама по себе ставка на пролетарских писателей, работа над обеспечением условий для развития пролетарских писателей, их инициатива в организации этого дела является бесспорно положительной.

Наоборот, неправильной является позиция т. Троцкого, утверждающего, что «древо пролетарской литературы» совсем не вырастет. Его речь на совещании при ЦК партии, посвященном политике партии в художественной литературе, замечательно ярка, сильна, убедительна в части критической. В этой части сказанное тов. Троцким есть лучшее из сказанного на эту тему. Но его положительные утверждения, его собственная позиция, его перспективы являются глубоко неправильными и политически ошибочными.

«Основной чертой переходного периода, взятого в международном масштабе»—утверждает т. Троцкий—«является напряженная классовая борьба. Те 20—50 лет, о которых мы говорим, являются прежде всего периодом гражданской войны, а гражданская война, подготовляющая величайшую культуру будущего, крайне неблагоприятна для сегодняшней культуры. Давно сказано: когда звенит оружие, молчат музы».

«После зигзагов и потрясений гражданской войны только и начнется настоящее строительство культуры, а, следовательно, и создание новой литературы, но это уже будет культура социалистическая, построенная целиком на постоянном общении художника и культурно выросших масс, связанных узами солидарности». Здесь несколько неправильных положений.

Во-первых, неправильно, что в период гражданской войны и ожесточенных классовых боев лира молчит. Напостовцы правы, когда они в этой связи указывают на кадры рабочих писателей, которые еще перед захватом власти пролетариатом на страницах полулегальных и нелегальных рабочих газет не всегда в совершенно художественной форме, но все же в форме, бесспорно приближающейся к художественной, выражали чувства, настроения и стремления рабочего класса. Лира рабочего поэта не молчит и в период ожесточенных классовых боев, хотя и здесь речь идет о передовиках, а не о массе. После захвата власти пролетариатом развиваются и укрепляются все пополняющиеся шеренги рабочих писателей, начинается бесспорное повышение квалификации художников пролетариата, создаются возможности для литературно-художественного воспитания его.

Недоучет перспектив пролетарской литературы после захвата власти рабочим классом, тенденций расцвета, расширения и углубления пролетарского творчества в области искусства является второй ошибкой т. Троцкого.

Наконец, в тесной связи с этими ошибками стоит его утверждение о том, что в перспективе перед нами вырисовывается искусство социалистическое, а не пролетарское. Это противопоставление неправильно, оно страдает, как и положения напостовцев, недиалектичностью. Тов. Троцкий полагает, что мы уже стоим на пороге социалистической культуры, что в области искусства мы вступаем на путь оформления и художественного воплощения общечеловеческих, а не классовых мотивов. Едва ли кто будет возражать, что конечным продуктом художественного творчества в обществе, исходящего в своем развитии от диктатуры пролетариата, является искусство социалистическое, что по мере врастания в социализм, классовые мотивы будут вытеснены общечеловеческими. Но как это будет происходить? Кто и как будет перевоспитывать общество? Какими методами, какой политикой?

В области экономической и политической перед нами вплотную стала грандиозная задача переделки широких слоев крестьянства.

Однако, каковы условия этого перевоспитания крестьянства? Растворяется ли пролетариат в крестьянской массе, отступает ли он или падает ниц перед «идиотизмом деревенской жизни», вступает ли он в этой области на путь «хвостистского» приспособления?—Отнюдь нет. Ни в какой мере нет. Меньше всего он может достигнуть положительных результатов в работе над перевоспитанием крестьянства методами хвостизма. Тов. Ленин в своих замечаниях о программе Р. С. Д. Р. П. с исключительной настойчивостью подчеркивал, что необходимо *прежде отмежеваться, а потом союзничать*. На всем протяжении борьбы за массы трудящихся партия пролетариата, подчеркивая необходимость овладения массами и борясь с левым **фразерством**

и массобоязнью, вместе с тем не переставала и в теории, и в практике бороться с хвостизмом.

Каким образом большевистская партия революционизировала крестьянство, его передовых представителей?—Она выступала всегда, неизменно, последовательно с открытым революционным забралом, не сходила с позиции революционного пролетариата, имеющего перед собою величайшую историческую задачу свержения капитализма и установления диктатуры пролетариата для перехода к социализму.

Когда в политической схватке большевики боролись за влияние на крестьянство, они своими последовательными, действительно революционными лозунгами, своей классовой пролетарской решительностью, своим размахом, остротою своих лозунгов, точками над и, силою своего напора,—умели преодолевать колебания, нерешительность, непоследовательность мелкобуржуазных настроений: политика взятия на буксир пролетарской партии широких масс трудящихся—вот что характерно для политики нашей партии. Не хвостизм, не растворение в мелкобуржуазном окружении, а вождение массами, последовательная критика с точки зрения пролетариата, преодоление колебаний,—вот большевистские традиции в области политики.

То же самое, конечно, следует сказать и о художественном творчестве пролетариата. Мы ставим перед собой задачу создания социалистической культуры, в частности социалистического искусства. Но это искусство может быть создано только путем борьбы величайшего напряжения, самой широкой, инициативной воспитательной работой, борьбой с влиянием буржуазии, преодолением мелкобуржуазных колебаний в области идеологии, критикою, долженствующей уничтожить эти колебания. В этой области, так же как и в политике, надо раньше отмежеваться, чтобы союзничать. Этот процесс отмежевания имел место в истекший исторический период. Этот процесс будет иметь место еще в ближайшем будущем. Можно сказать, что мы лишь постольку будем иметь успехи на пути к бесклассовому обществу, поскольку в переходный период переделки, перевоспитания трудящихся масс, последовательно и неуклонно будем, и в теории, и в практике развертывать классовые потенции пролетариата. Переработка предполагает идейно-классовое воздействие со стороны рабочего класса.

Однако, обстановка после захвата власти, после ее укрепления, по совершенно справедливому утверждению т. Бухарина, значительно разнится от обстановки до диктатуры пролетариата. Как и прежде, мы не можем быть и не будем «хвостистами» ни в какой области общественного движения и строительства социализма, но преодоление мелкобуржуазных колебаний, завоевание союзников, перевод широких, непролетарских слоев трудящихся на наши позиции в наши дни протекает в иных условиях, чем те, которые имелись до захвата власти.

Наше руководство, наша гегемония в области художественного творчества должны перейти на рельсы более товарищеского, более мягкого, более педагогического воздействия на крестьянских и на других мелкобуржуазных попутчиков. Не политика «жми-дави», а последовательная, систематическая критика, товарищеская работа по подтягиванию к нашим позициям, к нашим взглядам, нашим стремлениям и нашим идеалам, тяготеющих к нам элементов из непролетарской части советского общества. С этой точки зрения, воистину громадное значение приобретает правильная постановка литературной критики, являющейся величайшей важности орудием воспитательной работы пролетариата в области художественного творчества. Музы пролетариата уже не молчат; когда вновь зазвенит оружие,—они не смогут и не будут молчать так, как молчали на самых первых младенческих ступенях рабочего движения.

От редакции.

Последняя внутрипартийная дискуссия о троцкизме породила «богатую» политическую литературу в стане врагов пролетарской революции.

Особенное усердие проявили меньшевики, наплодившие тысячи сплетен, изощряющиеся в клеветнических измышлениях, изображающие высоко-принципиальную дискуссию в виде мелкой склоки и борьбы личных самолюбий.

Конечно, другого подхода ожидать от меньшевиков невозможно.

Потерявши последние связи с рабочими массами, будучи раздавлены на поле широкой политической борьбы,—они сознательно смешивают политическую борьбу со склокой, а анализ исторических явлений—со сплетней.

На этот же путь вступают все ренегаты пролетарской революции, обиженные, ущемленные, выброшенные из рядов партии борющегося пролетариата и перешедшие в ряды контр-революционеров.

Типичным в этом отношении является американский журналист Истмен, выпустивший недавно в свет клеветническую брошюру «После смерти Ленина».

Исключенный из партии, он подготавливает книгу, в которой читателю преподносится пышный букет гнуснейших сплетен и клеветнических поклепов на ленинскую коммунистическую партию.

Истмен видит в партийной массе стадо запуганных, безличных, обманываемых людей, над которыми проделываются всевозможные манипуляции «узурпаторами», «чиновничьей кликой», вождями партии, якобы скрывающими от масс заветы Ленина. Остается только прибавить, что сочинение Истмена, как и следовало ожидать, использовано капиталистической прессой всего мира, что за это «сочинение» ухватились также все исключенные из Коминтерна антибольшевистские элементы, перебежчики и т. д. в особенности группа Монатта-Росмера-Суварина, издавшая книжку Истмена на французском языке и сделавшая Истмена постоянным сотрудником своего журнала.

Эти обычные для контр-революционеров измышления Истмен старается прикрыть именем тов. Троцкого и отчасти тов. Крупской.

В помещенных ниже статьях т.т. Троцкого и Н. К. Крупской дается надлежащая оценка этому гнуснейшему документу шарлатана от контр-революции г. Истмена.

Л. Троцкий.

По поводу книги Истмена „После смерти Ленина“.

Вскоре по возвращении из Сухума в Москву я из телеграфного запроса тов. Джаксона, редактора «Рабочего Воскресника» в Лондоне, узнал о выходе в свет книжки Истмена «После смерти Ленина», которая используется буржуазной печатью для атак на нашу партию и советскую власть. Хотя ответ мой тов. Джаксону был в свое время напечатан в газетах, я считаю все же целесообразным воспроизвести из него здесь первую часть: «Книга Истмена, о которой вы сообщаете, мне неизвестна. Буржуазные газеты, цитирующие книгу, до меня не дошли. Разумеется, я заранее и категорически отвергаю какие бы то ни было комментарии, направленные против Российской Коммунистической Партии». В дальнейшей части телеграммы я отвел нелепые инсинуации насчет моего будто бы поворота к буржуазной демократии и свободе торговли. После того я получил названную выше книжку Истмена («После смерти Ленина») от секретаря Британской Коммунистической Партии тов. Инкпина, который прислал мне письмо, аналогичное телеграмме тов. Джаксона. Я не собирался ни читать, ни тем более реагировать на книжку Истмена, считая, что достаточно моей телеграммы тов. Джаксону, которая тем временем успела уже появиться в английской и вообще иностранной печати. Однако, ближайшие товарищи по партийной работе, успевшие ознакомиться с книжкой, высказались в том смысле, что, в виду заключающихся в книжке ссылок на беседы со мною, мое молчание может оказать косвенную поддержку книжке, полностью направленной против нашей партии. Это побудило меня более внимательно отнестись к книжке Истмена и прежде всего внимательно ознакомиться с ней. Исходя из известных эпизодов нашей внутрипартийной жизни, из дискуссии по поводу методов партийной демократии, государственного регулирования хозяйства и пр., Истмен делает такие выводы, которые полностью и целиком направлены против нашей партии и способны, если брать их на веру, дискредитировать партию и советскую власть.

Мы остановимся прежде всего на одном моменте, имеющем не историческое только, а живейшее и актуальнейшее значение: дело идет о Красной армии. Истмен рисует дело так, как будто бы со сменой личного руководства армия распалась на части, лишилась боеспособности и пр. Откуда Истмен черпает свою не-

лепую информацию, совершенно неизвестно. Но абсурдность его утверждения бьет в глаза. Во всяком случае мы не рекомендовали бы империалистическим правительствам строить свои расчеты на откровениях Истмена. Этот последний, к слову сказать, как будто бы и не замечает того, что своей характеристикой Красной армии он с другого конца питает насквозь гнилую меньшевистскую легенду о бонапартизме, преторианстве и пр., ибо ясно, что армия, способная «распадаться на части» в связи с переменой личного руководства, была бы не коммунистической, не пролетарской, а бонапартистской и преторианской.

Автор цитирует на протяжении своей книжки большое число документов и приводит много эпизодов, нередко из вторых, третьих и четвертых рук. Явно ошибочных и ложных сообщений встречается в этой небольшой книжке не мало. Мы остановимся только на важнейших.

В нескольких местах книжки Истмен говорит о том, что ЦК «скрыл» от партии ряд исключительно важных документов, написанных Лениным в последний период его жизни (дело касается писем по национальному вопросу, так называемого «завещания» и пр.); это нельзя назвать иначе, как клеветой на ЦК нашей партии. Из слов Истмена можно сделать тот вывод, будто Владимир Ильич предназначал эти письма, имевшие характер внутри-организационных советов, для печати. На самом деле это совершенно не верно. Владимир Ильич со времени своей болезни не раз обращался к руководящим учреждениям партии и ее с'езду с предложениями, письмами и пр. Все эти письма и предложения, само собою разумеется, всегда доставлялись по назначению, доводились до сведения делегатов XII и XIII с'ездов партии и всегда, разумеется, оказывали надлежащее влияние на решения партии, и если не все эти письма напечатаны, то потому, что они не предназначались их автором для печати. Никакого «завещания» Владимир Ильич не оставлял, и самый характер его отношения к партии, как и характер самой партии, исключали возможность такого «завещания». Под видом «завещания» в эмигрантской и иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается обычно (в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка. XIII с'езд партии внимательнейшим образом отнесся и к этому письму, как ко всем другим, и сделал из него выводы применительно к условиям и обстоятельствам момента. Всякие разговоры о сокрытом или нарушенном «завещании» представляют собою злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича и интересов созданной им партии.

Не менее ложным является утверждение Истмена, будто ЦК хотел замолчать (т.-е. не напечатать) статью Ленина о Рабкрине. Разногласие, возникшее по этому поводу в ЦК, если здесь вообще можно говорить о «разногласии», имело совершенно второстепенное значение, касаясь лишь вопроса о том, сопровождать ли опубликование статьи Ленина заявлением ЦК относительно того, что нет никаких оснований опасаться раскола; но и этот вопрос был единогласно разрешен в том же заседании, при чем все наличные члены Политбюро и Оргбюро ЦК подписали обращение к партийным организациям, в котором говорится:

«Не вдаваясь в этом чисто информационном письме в обсуждение возможных исторических опасностей, вопрос о которых вполне своевременно поднят тов. Лениным в его статье, члены Политбюро и Оргбюро, во избежание возможных недоразумений, считают необходимым с полным единодушием заявить, что во внутренней работе ЦК *совершенно нет таких обстоятельств, которые давали бы какие бы то ни было основания для опасения «раскола»*. Под этим документом не только имеется, в ряду десяти других, моя подпись, но и самый текст его был написан мною (27 января 1923 года).

Так как под этим письмом, выражавшим единодушное отношение ЦК к предложению Ленина о Рабкрине, имеется и подпись тов. Куйбышева, то тем самым попутно опровергается и другое ложное утверждение Истмена, будто во главе Рабкрина был поставлен тов. Куйбышев, как «противник» организационного плана Ленина.

Ложными и основанными на фантастических слухах являются утверждения Истмена насчет того, будто ЦК конфисковал или задерживал так или иначе мои брошюры или статьи в 1923 или 1924 году или в какое-либо другое время.

Явно неправильным является также и утверждение Истмена, будто Владимир Ильич предлагал мне занять пост председателя Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны. Я об этом впервые узнаю из брошюры Истмена.

При более внимательном чтении брошюры можно было бы указать, несомненно, ряд других неправильностей, ошибок и искажений. Но вряд ли в этом есть нужда. Пользуясь информацией Истмена и цитируя его суждения, буржуазная и особенно меньшевистская пресса всячески выдвигает «близость» его ко мне, как автора моей биографии, его «дружбу» со мной, явно пытаясь таким *косвенным* путем придать его выводам вес, какого они не имеют и иметь не могут сами по себе. Приходится поэтому и на этом остановиться. Характер моих действительных отношений к Истмену, пожалуй, лучше всего виден из делового письма, написанного мною в тот период, когда о книжке его «После смерти Ленина» не было еще и речи.

Во время моего пребывания в Сухуме я получил из Москвы от одного из товарищей, прикосновенного к изданию моих книг, рукопись Истмена под заглавием «Лев Троцкий, портрет юности». В препроводительном письме моего сотрудника сообщалось, что рукопись, присланная автором в Госиздат для русского издания, производит своим сантиментальным тоном странное и для нас непривычное впечатление. Я ответил на это в письме от 3-го апреля 1925 года:

«Даже и не знакомясь с рукописью Истмена, я целиком и полностью согласен с вами, что было бы совершенно неуместно печатать ее. Несмотря на вашу любезную присылку, читать рукопись не могу, нет аппетита. Охотно верю, что она и по существу неаппетитна, особенно на наш русско-коммунистический вкус. Истмен очень долго и настойчиво убеждал меня в том, что американцев очень трудно заинтересовать *коммунизмом*, но можно заинтересовать *коммунистами*. Его доводы были не лишены убедительности. Это и побудило меня оказать ему помощь очень, впрочем, ограниченную: пределы ее

указаны в моем письме к нему[1]). О том, что он собирается выпускать эту книгу в России, я не знал, иначе своевременно, вероятно, посоветовал бы Госиздату не печатать ее. Воспрепятствовать Истмену издать эту книгу за границей я никак не могу. Он «свободный» писатель, жил в России, собирал материалы, в настоящее время находится во Франции, если не в Америке. Просить его, чтобы он не печатал этой книги в виде личной мне услуги?—но для этого я недостаточно близок с ним. Да вообще вряд ли это было бы уместно».

Речь здесь идет, повторяю, о совершенно невинной книжке, касающейся моей юности (до 1902 года), но тон моего письма не оставляет места сомнению насчет того, что мои отношения к Истмену ничем не отличались от моих отношений ко многим другим коммунистам или «сочувствующим» иностранцам, которые обращались ко мне за помощью в деле ознакомления с Октябрьской революцией, нашей партией и советским государством,—не более того.

С пошлой самоуверенностью Истмен иронизирует над моим «донкихотским» отношением к ближайшим товарищам по Центральному Комитету, о которых я, по его словам, отзывался дружественно в момент «ожесточенной дискуссии». Истмен, повидимому, считает себя призванным исправить мою «ошибку» и характеризует руководящий состав нашей партии такими чертами, которые нельзя квалифицировать иначе, как клевета.

Мы видели выше, на каком гнилом фундаменте Истмен пытается возвести свое здание. Он использует отдельные моменты внутрипартийной дискуссии, чтобы с вопиющим нарушением смысла фактов и всех пропорций очернить нашу партию и подорвать к ней доверие. Мне кажется, однако, что сколько-нибудь серьезному и вдумчивому читателю нет даже надобности проверять ссылки Истмена и его «документы»,—это к тому же не всем доступно,—но достаточно просто спросить себя: если бы злостная оценка руководящего состава нашей партии, даваемая Истменом, была хоть частично верна,—каким же образом эта партия прошла через долгие годы подпольной борьбы, совершила величайшую революцию, ведет за собой многомиллионные массы, помогает формированию революционных партий в других странах? Ни один честный рабочий не поверит картине, даваемой Истменом. Она заключает в себе свое внутреннее опровержение. Каковы намерения Истмена—все равно. Книжка его может сослужить службу только злейшим врагам коммунизма и революции, являясь, таким образом, по об'ективному своему смыслу контр-революционным орудием.

1 июля 1925 года

---

[1]) 22-го мая 1923 года я ответил на повторную просьбу Истмена следующими словами: «В направлении добросовестной информации я постараюсь вам оказать содействие, но я не могу согласиться читать вашу рукопись, ибо это сделало бы меня как бы ответственным не только за фактическую сторону, но и за характеристики и оценки. Совершенно очевидно, что это невозможно. Я готов нести ответственность, да и то ограниченную, за те фактические сообщения, которые я дам по вашему требованию. За все остальное ответственность придется нести вам одному». Дальше 1902 года эта работа не пошла.

Н. Крупская.

В редакцию газеты „Sunday Worker".

Уважаемые товарищи!

«Рабочая партия» Англии издала книжку некоего Макса Истмена «С тех пор, как Ленин умер». Эта книжка трактует о положении дел в Р. К. П. (б).

Так как в книжке имеются ссылки на меня, и г. Истмен делает попытку изобразить меня ярой противницей ЦК, безрезультатно пытающейся протестовать против его действий, я вынуждена выступить перед английскими рабочими, читающими книжки Истмена, с выяснением дела.

Я понимаю интерес английских рабочих к Российской Коммунистической Партии (б), на которую история возложила чрезвычайно ответственную и трудную задачу—строить коммунизм в отсталой в экономическом отношении стране в эпоху временной стабилизации капитализма в передовых в экономическом отношении странах.

Но книжка Истмена представляет собой не освещение работы партии, а набор всяких обывательских сплетен, собранных автором во время его пребывания в России. Автор ухитрился не заметить ничего из того, что происходит сейчас на самом деле в России, не заметить громадных хозяйственных успехов, культурного пробуждения широких масс, громадной работы по подведению реальной базы под лозунги Октября. Зато каждая сплетня всесторонне обсуждается автором, смакуется, пропускается сквозь призму его анархо-обывательских взглядов, в корне чуждых духу пролетарской идеологии.

Когда Ленин умер, сотни тысяч рабочих вступили в партию, чтобы довести дело Ленина до конца. Весь рабочий класс тесно сплотился около своей партии, около ЦК. По фабрикам и заводам беспартийная рабочая масса на открытых собраниях обсуждала каждую кандидатуру в члены партии, решала, достоин ли записывающийся в партию носить звание члена партии. Никогда нигде рабочий класс не выражал в такой наглядной форме доверия своей партии. Заветное желание Ленина, чтобы партия не только по своей идеологии, но и по своему составу стала рабочей—осуществилось. Возрос удельный вес партии, удельный вес ЦК.

Самое чудовищное в книжке Истмена это то, что он не понял значения «ленинского призыва» и продолжает толковать об отрыве партии от масс. Приток сотен тысяч рабочих от станка в партию, по мнению М. Истмена, принес только вред партии, так как при данных условиях усиливал позицию «партийной бюрократии». По его мнению, рабочие—пешки, не понимающие ничего, готовые итти за любым вождем, соль земли — интеллигенция. Повидимому,

М. Истмену совершенно чужда классовая точка зрения. Мы, большевики, иначе расцениваем рабочих и считаем, что при всяких условиях, чем больше рабочих в партии, тем лучше. Рабочие знали, что ЦК состоит из товарищей, которые долгие годы шли вместе с Лениным, обсуждали с ним каждый шаг, вместе с ним строили партию и для которых дело Ленина было и остается их собственным, кровным делом. Ради этого дела они сидели в тюрьмах, в ссылке, в эмиграции. Рабочие массы лучше знают своих вождей, чем проезжие литераторы, чуждые партии, вроде Истмена. И они солидаризировались с ЦК в сотнях обращений рабочих организаций, ибо они знают, что ЦК нашей партии является продолжателем дела Ленина и исполнителем его заветов.

Перед лицом доверия, которое выявил своей партии и ее ЦК в трудную минуту рабочий класс, старые большевики вдвойне почувствовали всю ответственность, ложащуюся на них после смерти Ленина. Все почувствовали себя как-то еще больше сплоченными, готовыми до конца довести его дело.

Под влиянием такого настроения я и написала тогда личное письмо Троцкому, которого в это время не было в Москве. Это письмо, однако, никоим образом не может быть истолковано так, как истолковывает его М. Истмен. Владимир Ильич считал тов. Троцкого талантливым работником, преданным делу революции, делу рабочего класса, могущим быть очень полезным для партии. Так оценивал В. И. Троцкого в первые дни встречи в 1902 г., так оценивал он его и в самое последнее время. Такая оценка налагает ответственность. О ней я и думала, когда писала т. Троцкому. Писано письмо было не М. Истмену, а Троцкому. Троцкий не мог, конечно, вывести из него того заключения, что В. И. считал его своим заместителем или думал, что тов. Троцкий наиболее правильно понимает его взгляды. Ничего подобного я не могла писать. Точно так же я не писала, что В. И. всегда во всем был солидарен с тов. Троцким. Всякий член РКП (б) знает, что до 1917 года Троцкий не был большевиком, что у партии и у В. И. были с ним расхождения часто по самым коренным вопросам, что В. И. не раз резко высказывался против Троцкого, что и после того, как Троцкий вошел в ряды партии, у В. И. были с ним расхождения. Тов. Троцкий теперь знает в точности, как к нему относился Ленин при встрече в 1902 г., из письма Ленина о нем к Плеханову, помещенного в III Ленинском сборнике, и о том, как Ленин относился к нему в последнее время, из писем Ленина к партс'езду. Кстати, М. Истмен рассказывает об этих письмах (называя их «завещанием») всякие небылицы. М. Истмен совершенно не понимает духа нашей партии. Для М. Истмена партийный с'езд—с'езд партийных бюрократов. Для нас, большевиков, с'езд—высшая партийная инстанция, перед которой каждый член партии должен высказываться с полной откровенностью, не взирая ни на какие лица. Так смотрел на партс'езды Ленин. Решениям партс'ездов он придавал совершенно исключительное значение, особенно волновался перед ними, особенно тщательно готовился к ним. Его речи на с'ездах всегда отличались особенной содержательностью, обдуманностью. Свои письма о внутрипартийных отношениях («завещание») он писал тоже для партийного с'езда. Знал, что партия поймет мотивы, которые продиктовали это письмо. Такое письмо могло быть обращено лишь к тем, относительно которых не было сомнения, что для них интересы дела выше всего. Письмо содержало, между прочим, характеристики нескольких наиболее ответственных партийных товарищей. Никакого недоверия к этим товарищам, с которыми В. И. связывали долгие годы совместной работы, в письмах нет. Напротив, в письмах есть не мало лестного по их адресу. Об этом Истмен забывает сказать. Письма имели целью помочь остающимся товарищам направить работу по правильному руслу—поэтому наряду с достоинством отмечались и те недостатки этих товарищей, в том числе и Троцкого, которые необходимо учесть, чтобы наилучшим образом организовать работу партийного руководящего коллектива. Все члены с'езда ознакомились, как того хотел В. И., с письмами. Их неправильно называть «завещанием», так как завещанию Ленина в подлинном смысле этого слова неизмеримо шире—оно заключается в последних статьях В. И. и касается основных вопросов партийной и советской работы. Это статьи «О кооперации», «О Рабкрине», «Страничка из дневника» (о просвещении), о нашей революции. В связи с ранее сказанным по этому поводу они освещают на долгое время путь, по которому надо итти. Все они опубликованы. Но М. Истмен не поинтересовался ими.

Враги РКП (б) стараются использовать «завещание» в целях дискредитирования теперешних руководителей партии, в целях дискредитирования самой партии. Усердно хлопочет об этом и М. Истмен, который прямо клевещет на ЦК, крича, будто завещание было скрыто, старается разжечь нездоровое любопытство, извращая истинный смысл письма.

Наконец, о части книги, касающейся Троцкого. Мне кажется, глубоко оскорбительной для Троцкого вся манера воспевания его Истменом. Возьмем, хотя бы такое место: ...«Троцкий гордый человек и он сознает свои достоинства так, как сознают его горделивые люди»... Я не буду распутывать того клубка лжи, который свил М. Истмен около вопроса о разногласиях с Троцким. Это сделают другие. Скажу только, что острота выступлений против Троцкого вызвана была переживаемым моментом. После смерти Ленина партия почувствовала особую важность идейной сплоченности и потому все дело приняло такую острую форму. Лично я не была согласна с позицией Троцкого во время предшествовавшей дискуссии. Дважды выступала по этому вопросу (в районе и на пленуме ЦК).

Не согласна я и с точкой зрения Троцкого, развитой им в «Уроках Октября». Писала подробно об этом в «Правде». В вопросах, обсуждавшихся в связи с «Уроками Октября», я согласна с точкой зрения ЦК. Таким образом и тут Истмен искажает истину, как во всем остальном.

7 июля 1925 года.

В. И. Ленин.

Письмо Потресову*).

Очень рад я был, А. Н., Вашему письму от 27/III, прервавшему наконец Ваше долгое и упорное молчание. Вопросов для разговора действительно накопилось масса, а поговорить подробнее, на темы литературного преимущественно свойства, здесь не удается. А теперь еще журнал [1]): без разговоров с коллегами чувствуешь себя слишком оторванным для писания. Здесь же один Юлий [2]) принимает все это вполне близко и активно к сердцу, но с ним проклятые „большие расстояния“ мешают беседовать достаточно подробно.

Начну с того, что меня теперь наиболее интересует и волнует, со статей Булгакова в 1—2 и 3 книжке „Начала“ [3]). Прочитав Ваш отзыв о нем, я несказанно обрадовался, что встретил сочувствие в самом существенном,—тем более обрадовался, что со стороны редакции, видимо, не очень-то доводится рассчитывать на сочувствие... Если на Вас статья Б[улгако]ва произвела „отталкивающее“ впечатление и „жалкое“, то меня она привела прямо-таки в исступление. До сих пор, сколько я ни читал и перечитывал Б[улгако]ва, я решительно не могу понять, как мог он написать такую сплошь вздорную и до невозможности неприличную по тону статью и как редакция сочла возможным не оградить себя хоть единым замечанием от солидарности с таким „разносом“ Каутского. Я так же, как и Вы, „уверен, что публика совершенно (именно!) сбита с толку и недоумевает“. Да и как же ей не недоумевать, в самом деле, когда ей об'является—от лица „современной науки“ (№ 3, с. 34[3a]) ,ч[то] у К[аутск]ого все неверно, произвольно, социальное чудо, „одинаково мало настоящей агрономии и настоящей экономии“ (№ 1—2) и пр., при чем К[аутск]ий не излагается, а прямо извращается, а собственных воззрений Б[улгако]ва, как сколько-н[и]б[у]д[ь] связной системы, совершенно не видно. Будь у человека сколько-н[и]б[у]дь чувства партийности, сознание ответственности перед всеми Genossen [4]) и перед всей их программой и практической деятельностью,—он бы не решился так наезднически „наскакивать“ (по верному Вашему выражению), ничего сам не давая, а лишь обещая... ученый труд об „Остэльбии“!! Он чувствует себя, очевидно, свободным от всяких товарищеских обязанностей и ответственности, „свободным“ и индивидуальным представителем профессорской науки. Я не забываю, конечно, что при российских условиях нельзя требовать от журнала допущения одних Genossen [4]) и

---

*) Письма Ленина Потресову написаны из села Шушь, где В. И. отбывал ссылку. Относятся к периоду 98—99 г. Данное письмо помечено 27/IV 1899 г. Письмо предоставлено редакции и подготовлено к печати Институтом Ленина.

исключения остальных,—но ведь такой журнал, как „Нач[ало]“ все же не альманах, допускающий марксизм собственно из моды (à la „М[ир] Божий“, „Н[аучное] Об[озрение“] и пр. [5]), а орган направления, поэтому для такого журнала обязательно бы налагать нек[ото]рую узду на ученых наездников и на всех „посторонних“ вообще. Только тем и об'ясняется громадный успех „Н[ового] Слова“, [6]) ч[то] редакция вела его именно как орган направления, а не как альманах.

Я прочитал книгу К[аутск]ого еще до появления статьи Б[улгако]ва [3]) и не нашел у последнего ни одного сколько н[и]б[у]д[ь] осмысленного возражения против К[аутского], а извращений мыслей и тезисов К[аутск]ого—массу. Напр[имер], что за вздор утверждения Б[улгако]ва, будто К[аутск]ий смешивает технику и экономику, будто он доказывает „гибель земледелия“ (№ 3, с. 31 К[аутск]ий прямо говорит обратное: С. 289[6a]), будто он отрицает за земледелием тенденцию развития (№ 3, с. 34) и т. п.!

Я уже написал и недели 2 тому назад отправил в редакцию первую статью „Капитализм в с[ельском] хозяйстве“ (о книге К[аутск]ого и о статье г. Б[улгако]ва) и теперь берусь за вторую по поводу окончания статьи Б[улгако]ва [7]). Сильно побаиваюсь, что ПБ[Струве] отвергнет ее, ссылаясь либо на большой об'ем (она выходит больше статьи Б[улгако]ва, п[отому] ч[то] мне надо во 1-х, мотивированно опровергать такие голословные и небрежно брошенные вердикты, к[ак], напр[имер], заявление, ч[то] Маркс ошибался, уча об уменьшении отношения $\frac{v}{c}$ в земледелии; во 2-х, п[отому] ч[то] необходимо излагать К[аутск]ого), либо на нежелательность полемики (я, конечно, не употребил в статье ни одного ругательного выражения в роде тех, какие есть выше и вообще постарался о том, чтобы личного против Б[улгако]ва ничего не было. Вообще тон нисколько не резче, чем в статье моей против Т[уган] Б[арановского] о теории рынков [8]). Очень рад бы был слышать Ваше мнение, когда Вы прочтете книгу К[аутск]ого и дочитаете Б[улгако]ва: что именно находите вы у Б[улгако]ва „верным?“ и полагаете ли Вы, чтобы возможно было оставить статью Б[улгако]ва в журнале без ответа?

Вообще вся эта „новая критическая струя“ в марксизме, которой увлекаются Струве и Булгаков (ПБ[Струве] наверное за Б[улгако]ва), мне кажется крайне подозрительной: громкие фразы о „критике“ против „догмы“ и пр.—и ровно никаких положительных результатов критики [9]). Впрочем, для составления статьи à la Булгаковская требовалась кроме „критицизма“ и симпатий к профессорской „современной науке“ еще бестактность до nec plus ultra [10]).

На статью Струве о рынках [11]) я послал ему ответ. Сестра [А. И. Елизарова] пишет мне, что ответ этот будет помещен в „Н[аучном] Об[озрении]“ и что там же П. Б. [Струве] собирается ответить. Я не могу согласиться с Вами, ч[то] „центр тяжести вопроса заключается в конкретной невозможности абстрактно мыслимого положения“ и главное мое возражение П. Б. [Струве] состоит именно в том, ч[то] он смешивает абстрактно-теоретические и конкретно-исторические вопросы.

„Конкретно невозможна“ не только представленная Марксом реализация, но и представленная им поземельная рента и представленная им средняя прибыль и равенство заработной платы, стоимости рабочей силы и мн. др. Но невозможность осуществления в чистом виде вовсе не есть возражение[11a]). Противоречия между своими утверждениями в „Этюдах“ и в „Н[аучном] Об[озрении]“ я никак не могу усмотреть, а равно и „буржуазного апостолизма“, которым так напугал читателей Струве[12]). Что особенно мне не понравилось в его статье, это неуместное припутывание крит[ической] ф[илосо]фии и замечания в роде того, что Марксово учение о стоимости и прибыли „бесспорно страдает противоречивостью“. Ведь П. Б. прекрасно знает, ч[то] это спорно,—к чему же сеять туман в голове публики, не получающей пока ни от одного из представителей „новой критической струи“ систематического доказательства этой противоречивости и исправления ее?

А выходка Б[улгако]ва (№ 3, с. 34, прим.) против теории Zusammenbruch'a! [13])—без всякого упоминания о Бернштейне и с безапелляционностью „ученого“ декрета! О выходе новой книги Бернштейна я знаю, и выписал ее, но вряд ли вышлют [14]). Из статьи о ней в „Frankfurter Zeitung“ [15]) и в „Жизни“ [16]) (недурной журнал! Беллетристика прямо хороша и даже лучше всех!) я вполне убедился в том, ч[то] я понимал отрывочные статьи Бернштейна неверно и что он заврался действительно до невозможности, до того, что его приходится именно begraben [17]), к[ак] выразился автор „Beiträge zur Gesch[ichte] des Mat[erialismus]“ [18]), в открытом письме к Каутскому. Новые для меня возражения Бернштейна против материалистического понимания истории *) и пр. (по „Жизни“) поражают своей слабостью. Если П. Б. [Струве] такой горячий защитник Бернштейна, что чуть не „ругается“ из-за него, то это очень и очень печально, ибо его „теория“ против Zusammenbruch'a [13])—непомерно узкая для З[ападной] Европы—и вовсе негодна и опасна для России. Знаете ли Вы, ч[то] ее уже утилизируют наши „молодые“ (ультра-экономисты), которые в одном издании так изложили Штутгартские прения, что у них Бернштейн, Пеус и др. явились защитниками „экономики, а не политики“. Что думает П. Б. о подобных „союзниках“? Если под успехами ультра-экономистов Вы разумеете выход Волгина и его ближайших товарищей, то я знаю об нем; меня это крайне тяжело поразило, и я теперь недоумеваю, как там обстоит дело, и чем чревато будущее. Страшно вредно, по моему, что этот спор с ультра-экономистами не попал вполне и целиком в печать: это было бы единственное серьезное средство для выяснения дела и установления известных точных принципиальных положений. А то теперь хаос полный! [20]).

Книжка моя вышла, и я просил послать ее Вам (сам еще не получил). Слышал, что P. S. в предисловии опоздал, попал

*) Кстати. Помните, как один наш общий знакомый в „прекрасном далеке“ зло высмеивал и разносил в пух и прах меня за то, что я назвал матер(иалистическое) понимание истории—„методом“? А вот оказывается, и Каутский повинен в столь же тяжком грехе, употребляя то же слово: „метод“ („Жизнь“, янв., II, стр. 53). Имеете ли вести об этом знакомом? Лучше ли его здоровье? Есть ли надежда, что он будет писать? [19]).

в предварительную цензуру и „пострадал“, кажется. Буду ждать с интересом Ваших замечаний [21]).

Карелина книжку выписал и прочел раньше, чем получил от Вас. Понравилась мне она очень; чертовски досадно, ч[то] ее обкарнали. Не напишите ли об ней рецензию? [22]).

Один знакомый прислал мне и „Журнальные заметки“ А. П. (о „наследстве“ и „наследниках“ [23]). Интересно: в продолжении предполагалась ли дальнейшая полемика со мной или нет? Статья А. П. мне чрезвычайно понравилась; от вырезки ее номер сильно потерял. Разногласия между нами я, признаться, не вижу: Вы берете иной вопрос—не о том, как относятся ученики к русскому демократизму вообще, отказываются ли они от него (я исключительно об этом писал), а о том, каковы были отношения между разного вида демократами в доброе старое время. Я интересовался только той ошибкой Мих[айлов]ского, будто мы отказываемся от демократизма вообще,—а Вы берете—другую его ошибку, „смазывание“ существенно важных различий в „наследстве“. Видел примечание Маслова в № 3 „Научного Обозрения“ [24]), направленное против меня, но оно меня признаться, не заинтересовало. Да кстати: вырезка статьи А. П. подтвердила мое мнение, что брать наследодателя более яркого, чем Скалдин[24a]), „неудобно“ (печальное подтверждение!!). Вообще же, по моему, тон журнала—„предсмертный“. Ежели так, то конец и смерть лишь вопрос времени. Ведь это просто спекуляция на Rathlosigkeit [25]) и волокиту в том ведомстве, которое и т. д. Можно бы и попридержать язык за зубами без вреда и не без пользы для дела. Право, сравнительно с современным тоном наши „Материалы“ [26]) могли бы быть образцом „умеренности“ и „солидности“...

Жму руку В. У. Пишите почаще, коли не лень, а то мне совсем не от кого узнавать журнальные новости.

Посылаю зак[азной] банд[еролью] „Histor[ische] Berecht[igung]“ [27]). Не думайте, пожалуйста, ч[то] я неаккуратен в возвращении книг: Вы ведь не писали о сроке, и я не отказывал поэтому товарищам в просьбе дать на прочтение. Очень благодарен буду за конец Карелина.

Не имеете ли каких немецких отзывов о Каутском? Я читал только в „Fr[an]kf[urter] Z[ei]t[un]g“ — сердито и пусто à la Булгаков [28]). Книги журнала в общем и целом мне очень нравятся. Редактируются они прекрасно. Читали ли книгу Гвоздева и что думаете об ней? [29]).

Примечания к письму т. Ленина.

1. Речь идет о журнале «Начало». Появившийся в начале 1899 г., этот орган легального марксизма, редакторами которого фактически были Струве, П. Б. и Туган-Барановский, просуществовал всего лишь до июня того же 1899 г., когда был прикрыт цензурой. За это время успело выйти всего 4 книжки журнала. В нем сотрудничал Ленин, поместив ряд рецензий и одну статью—главу из «Развития капитализма в России».

2. Юлий—Мартов, Ю. О., тогда отбывавший ссылку в Туруханске.

3. Имеются в виду статьи Булгакова «К вопросу о капиталистической

эволюции земледелия» («Начало» 1899 г., №№ 1—2, 3), написанные по поводу книги Каутского, К. «Agrarfrage» (Аграрный вопрос).

3а. Это и следующие указания №№ и страниц означают №№ и страницы журнала «Начало».

4. Товарищами.

5. Журналы того времени, где наряду с авторами различных направлений печатались и марксисты.

6. Журнал «Новое Слово» был первым боевым легальным марксистским органом. Всего успело выйти в 1897 г. восемь книжек. В том же году журнал был запрещен цензурой. В нем принимал участие и Ленин, поместив, между прочим, свои статьи «К характеристике экономического романтизма».

6а. Здесь Лениным указана стр. по I-му нем. изд. Соответствующее место по русскому изданию 1899 г. находится на стр. 340.

7. Данная фраза письма дает возможность установить время написания этих статей: оно падает на апрель—май 1899 г. Посланные в «Начало» эти статьи не успели появиться в нем, в виду его прекращения в июне 1899 г., и с опозданием на несколько месяцев были напечатаны в журнале «Жизнь», №№ 1 и 2 за 1900 г. (они помещены в IX т. собр. соч., изд. 1-е).

8. «Заметка к вопросу о теории рынков», написана в конце 1898 г. и напечатана в «Научном Обозрении», № 1, за 1894 г. Помещена во II т. собр. соч., I изд.

9. Ленин имеет в виду вполне определившийся уклон представителей легального марксизма, в особенности Булгакова и Струве, к критической философии Канта.

10. До крайней степени, до предела.

11. Имеется в виду статья Струве, П. «К вопросу о рынках при капиталистическом производстве (По поводу книги Булгакова и статьи Ильина)», помещенная в «Научном Обозрении» за 1899 г. № 1. Вл. Ильич ответил на нее статьей: «Еще раз к вопросу о теории реализации», написанной, как выясняется из данного письма, не позже апреля 1899 г.; напечатана же она была лишь в августовской книжке того же журнала. Помещена во II томе собр. соч., I изд.

11а. Ленин имеет в виду одно из положений статьи Струве, так формулированное в выводах самим автором:

«Самодовлеющего, окончательно развитого капиталистического общества существовать не может, и даже более того, такое общество непредставимо, так как в нем прибавочная ценность перестанет капитализироваться или, другими словами, расширенное воспроизводство будет невозможно. Стационарное, т.-е. основанное на простом воспроизводстве капиталистическое общество, противоречит идее капитализма, движущим началом которого служит не непосредственное потребление, а самовозрастание капитала. Представление о самодовлеющем капиталистическом обществе (или системе), и схематическое изображение по Марксу реализации продукта в этой системе для понимания реального процесса развития капитала не дает ничего сверх того, что дается элементарной истиной: продукты в процессе реализации или общественного обмена веществ всегда обмениваются на продукты. При выяснении исторических вопросов развития капитализма представление о самодовлеющем капиталистическом обществе оказывается не только бесплодным, но и прямо сбивающим с толку, поскольку оно абстрактную и нереальную схему ставит на место сложного реального процесса». («Научн. Обозр.», № 1, 1899 г., стр. 63).

12. Ленин имеет в виду следующие места из статьи Струве:

«...Констатирую лишь, что совершенно справедливое рассуждение Ильина с весьма выразительными цитатами из Маркса... совершенно выбрасывает за борт ту теорию реализации, столь красноречивым и энергичным защитником которой в прочих случаях является сам Ильин». («Н. О.» I, 1899 г., стр. 52).

«...Булгаков (а также Ильин) апологетически-буржуазную теорию Сэя-Рикардо приписали Марксу...» (Там же, стр. 52).

«Туган-Барановский, Булгаков и Ильин излагают буржуазно-апологетическую теорию... (Там же, стр. 57).

В своей ответной статье «Еще раз к вопросу о теории реализации» Ленин следующим образом возражает Струве:

«Струве говорит, что я приписал Марксу апологетически-буржуазную теорию Сэя-Рикардо (52),—теорию гармонии между производством и потреблением (51),—теорию, стоявшую в кричащем противоречии с учением Маркса об эволюции и конечном исчезновении капитализма (51—2); что поэтому мое «совершенно справедливое рассуждение» о том, что Маркс и во II и в III томе подчеркивал присущее капитализму противоречие между безграничным расширением производства и ограниченным потреблением народных масс, «совершенно выбрасывает за борт ту теорию реализации,... защитником которой в прочих случаях» являюсь я.

И это утверждение Струве точно так же неверно и точно так же основано на вышеуказанном недоразумении, в которое он впал.

Откуда взял Струве, что я понимаю под теорией реализации не анализ процесса воспроизводства и обращения всего общественного капитала, а теорию, говорящую лишь, что продукты обмениваются на продукты, теорию, учащую о гармонии между производством и потреблением? Струве не мог бы показать разбором моих статей, что я понимал теорию реализации во втором смысле, ибо я прямо и определенно говорил, что понимаю теорию реализации именно в первом смысле. В статье: «К характеристике экономического романтизма», в том параграфе, который посвящен выяснению ошибки Смита и Сисмонди, говорится: «Вопрос именно в том, **как** происходит реализация, **то-есть** возмещение частей общественного продукта. Поэтому исходным пунктом в рассуждении об общественном капитале и доходе—или, что то же, о реализации продукта в капиталистическом обществе—должно быть

разделение... средств производства и предметов потребления» (Этюды, 17). «Вопрос о реализации в том и состоит, чтобы анализировать возмещение всех частей общественного продукта по стоимости и по материальной форме» (Ib., 26). Не повторяет ли Струве то же самое, говоря — как будто бы против меня—что интересующая нас теория «показывает механизм реализации..., поскольку такая реализация осуществляется» («Н. Об.», 62)? Противоречу ли я той теории реализации, которую я защищаю, когда я говорю, что реализация происходит «лишь среди затруднений, среди постоянных колебаний, которые становятся все сильнее по мере роста капитализма, среди бешеной конкуренции и пр.» (Этюды, 27)?—когда я говорю, что народническая теория, «не только показывает непонимание реализации, но еще содержит в себе к тому же, крайне поверхностное понимание противоречий, свойственных этой реализации» (26—27)?—когда я говорю, что реализация продукта, происходящая не столько на счет предметов потребления, сколько за счет средств производства, «есть, конечно, противоречие, но именно такое противоречие, которое имеет место в действительности, которое вытекает из самой сущности капитализма» (24), которое «вполне соответствует исторической миссии капитализма и его специфической социальной структуре: первая» (т.-е. миссия) «состоит именно в развитии производительных сил общества (производство для производства); вторая» (т.-е. социальная структура капитализма) «исключает утилизацию их массой населения» (20)? («Н. О.» 1899 г., № 8, стр. 1571). Перепечатано во II т. собр. соч., I изд.

13. Социалистической революции.

14. Речь идет о книге: Bernstein, E., Die «Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemocratie» (Бернштейн, Э. «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии»), вышедший первым изданием в Берлине в январе 1899 г.

15. «Франкфуртская газета». Не имея возможности следить за рабочим движением Германии по с.-д. органам, не допускавшимся в Россию, Вл. Ильич должен был довольствоваться материалами о нем, даваемыми названной большой буржуазно-демократической газетой, которую он, видимо, выписывал.

16. «Жизнь»—журнал того времени, печатавший марксистов. В его отделе беллетристики печатались Горький, Гусев-Оренбургский, Вересаев, Чириков. За период январь—апрель 1899 г. там были, между прочим, помещены: «О чорте», «Кирилка» и «Фома Гордеев»—Горького; «Конец Андрея Ивановича»—Вересаева и «Чужестранцы»—Чирикова. Здесь печатались и легальные марксисты, печатался и Ленин. Из западных марксистов печатались, между прочим, К. Каутский и Э. Бернштейн. Статья из «Жизни», о которой идет речь, принадлежит С. Штейнбергу. Она под названием: «Новая книга об историческом материализме» помещена в мартовском номере журнала за 1899 г. («Жизнь», т. III, 1899 г., март, стр. 358—371). Что касается статей самого Бернштейна, то с ними В. И. мог познакомиться из немецкой «Neue Zeit».

17. «Похоронить», «угробить». Это выражение: «мы должны похоронить Бернштейна» употребил Плеханов, Г. В. в своем «Открытом письме» Каутскому, опубликованном в «Sächsische Arbeiter Zeitung» («Саксонская рабочая газета») за 1898 г., № 253—255, под заглавием: «За что нам его благодарить?» (Соч. Плеханова, т. XI). На это письмо и ссылается Ленин, получив сведения о нем, очевидно, из той же «Франкфуртской Газеты».

18. «Очерки по истории материализма». Автор «Очерков»—Плеханов, не назван по фамилии, видимо, по цензурным соображениям.

19. К кому относятся эти слова, установить трудно. Быть может, к Плеханову, а, может быть, к Аксельроду. Ссылка Ленина относится к статье К. Каутского «Материалистическое понимание и психологический фактор», в переводе помещенной в «Жизни» за 1899 г., кн. II (январь). Перепечатана в сборнике «Исторический материализм», под ред. Семковского.

20. Место это относится к расколу в заграничном «Союзе русских социал-демократов» и имеет в виду отказ Плеханова («Волгин»), и всей группы «Освобождение Труда» от редактирования изданий Союза. Это имело место в ноябре 1898 г. на с'езде Союза.

21. Речь идет о книге Ленина (В. Ильина): «Развитие капитализма в России». «P. S. в предисловии»—две страницы, приписанные Лениным к предисловию этой книги и посвященные сжатому изложению и заявлению о солидаризации со взглядами, развитыми Каутским в его «Аграрном вопросе». Этот post-scriptum был, видимо, написан и послан в печать Лениным уже после сдачи в печать всей книги. Насколько он пострадал от цензуры—в виду отсутствия рукописи—судить невозможно.

22. Н. Карелин. «Жан-Жак Руссо». Опыт характеристики его общественных идей. Изд. Струве. Автором книги была В. И. Засулич. Рецензия на нее была написана М. Туган-Барановским («Начало», май 1899 г.).

23. «Журнальные заметки» А. П.—статья А. Н. Потресова, носившая подзаголовок: «О наследстве и наследниках», напечатанная в апрельской книжке «Начала», но вырезанная из нее цензурой. Видимо, вырезанные страницы были пересланы Ленину. Статья Потресова соприкасалась по содержанию со статьей Ленина «Отказываемся ли мы от наследства?» (см. II том собр. сочинений). Полемики с Лениным она не содержала,—в ней имеется лишь упоминание о статье Ленина: «Вл. Ильин в своей недавно вышедшей весьма интересной и ценной книжке «Экономические этюды и статьи» одну из статей посвятил вышеназванному вопросу, а именно—статью «От какого наследства мы отказываемся?». Во многом соглашаясь с ее автором, мы считаем полезным подойти к той же теме, так сказать, с другого конца и наметить—только наметить—некоторые вопросы, могущие, по нашему мнению, пролить свет на состояние нашей современной журналистики» (Цитировано по «Этюдам о русской интеллигенции», изд. 1906 г., стр. 76),—но, не-

сомнению, была вызвана разногласиями автора с Лениным, получившими отражение в предшествующем письме. (См. IV Ленинский сборник).

24. Статья П. Маслова: «Идеализация народного хозяйства» в № 3 «Научного Обозрения» за 1899 г. Примечание гласило: «Представительство интересов производителей, как таковых, унаследовали идеологи бесхозяйственного производителя, развивши основные идеи Чернышевского и давши им научное обоснование. Поэтому никак нельзя согласиться с Влад. Ильиным («Экономические этюды и статьи»), который идеологию бесхозяйных считает «наследством» от либералов просветителей 60-х годов. От буржуазных «просветителей» получили и могли получить наследство буржуазные же «просветители». Может быть, это и большая честь, —числиться наследником достойных всякого почтения просветителей,—но что же делать, когда общим между буржуазными и небуржуазными просветителями является только то, что те и другие—прогрессисты и смотрят в одну сторону—на запад?!» («Н. О.» 1899, III, 632 стр.).

24а. Скалдин—псевдоним Р. Еленева, к 90-м гг. перекинувшегося из лагеря либералов в лагерь крайней реакции и являвшегося членом главного цензурного комитета.

25. Беспомощность.

26. «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития»—сборник статей Ленина, Плеханова, Струве, Потресова, П. Скворцова и др., вышедший в мае 1895 г., но уничтоженный цензурой. В. И. Ленин поместил здесь под псевдонимом К. Тулин свою статью «Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве» (см. II том собр. соч.).

27. Т.-е. книжку журнала «Neue Zeit» со статьей П. Аксельрода, изданной потом по-русски под названием «Взаимное отношение либеральной и социалистической демократии».

28. На манер Булгакова.

29. Р. Гвоздев (Циммерман). «Кулачество—ростовщичество. Его общественно-экономическое значение». Изд. Гарина, СПБ. 1898 г. Ленин дал отзыв на эту книгу в журнале «Начало», № 3, март 1899 г. Перепечатана в I томе собр. сочинений 1-го изд.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

П. Сапожников.

Новая победа диалектического материализма.

I.

Философия, т.-е. методология марксизма может праздновать ныне свою новую, очередную победу: опубликованы заметки и наброски Энгельса о диалектике природы [1]). Поистине величайшей заслугой тов. Рязанова и института Маркса и Энгельса перед памятью одного из основоположников марксизма, перед делом пролетарской борьбы и перед наукой является отыскание, разработка и издание указанных фрагментов Энгельса.

Перед памятью последнего—потому, что чрезвычайно важные для мировоззрения марксизма рукописи Энгельса о диалектике и естествознании еще долго, вероятно, оставались бы в пыли архивов немецкой социал-демократии (Э. Бернштейн, будучи ярым врагом диалектического метода, в течение более 30 лет, видимо, замалчивал эти рукописи), если бы знание, зоркий глаз и настойчивость тов. Рязанова не извлекли их на свет и если бы институт, как научная организация, не взялся бы за их издание.

Перед делом пролетарской борьбы—потому, что эти наброски Энгельса, как нельзя лучше, способствуют обоснованию и верному пониманию метода и мировоззрения диалектического материализма—теоретического оружия пролетариата в борьбе за ниспровержение старого мира, с его основания до самых высших идеологических надстроек.

Перед наукой—ибо в целом ряде огромных областей научного знания, особенно в естествознании, еще нет понимания и сознательно-продуманного пользования единственно научной, стройной и последовательной методологией—методологией (философией) диалектического материализма. Стихийно—как это отметил в свое время В. И. Ленин—естествознание идет зигзагами, с провалами, шатаясь, но неизбежно идет «к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания»—к философии диалектического материализма. Однако, оно еще не восприяло, не усвоило, не поняло эту философию, как свою живую «душу», как стержень, как фунда-

[1]) См. „Архив К. Маркса и Ф. Энгельса“ под ред. Д. Рязанова, книга вторая. ГИЗ. 1925 г., стр. 504 + XXXII. Цена 6 руб., тираж 5.000 экз.

Весь второй том «Архива» посвящен «Диалектике природы» Ф. Энгельса. Ей предпослано прекрасное предисловие Д. Рязанова, рисующее историю заметок Энгельса о диалектике и естествознании. Кроме того, опубликованная работа снабжена хорошо выполненным научным аппаратом: списком цитат, приведенных у Энгельса, указателем цитируемых им произведений и имен. В конце тома приложена составленная т. Э. Цобель и П. Гайду, очень ценная библиография иностранной литературы о Марксе, Энгельсе и марксизме, вышедшей с начала войны 1914 г. по настоящее время.

мент своих исследований. Методология диалектического материализма не вошла еще в плоть и кровь теории современного научного естествознания, и это весьма вредит глубине, верности и силе ее выводов. Опубликованные работы Энгельса, несомненно, окажут большую помощь воспитанию научного естествознания в духе диалектического материализма. В особенности они будут полезны тем передовым естественникам, которые связали себя с пролетарской борьбой, со строительством нового мира и которые искреиностремятся понять философию марксизма. Надо думать, что «Диалектика природы» Энгельса, ценная именно своей методологической стороной, поможет этим нашим естественникам отделаться от остатков того одностороннего, метафизического, «ползучего» эмпиризма, который еще до сих пор тяготеет, как призрак, над естественными науками, то и дело увлекая их в сторону реакции, мешая даже нашим естественникам окончательно перейти на путь сознательного диалектического мышления.

Но когда в начале статьи мы писали, что энгельсовская «Диалектика природы» является новой победой философии марксизма, мы имели в виду не только указанные выше стороны вопроса. Мы подразумевали то особое боевое значение, которое сейчас приобретает эта работа для нас, революционных марксистов-ленинцев.

Наблюдающийся в настоящее время процесс проникновения марксистской методологии в новые области знания, рост интереса к этой методологии, в частности среди естественников (особенно молодых) сопровождается—как и все в жизни—диалектическим противоречием. Мы говорим не о внешнем противодействии со стороны прямых врагов марксизма—идеализма, поповщины, методологического черносотенства, à la Бердяев; мы говорим о том имманентном, внутреннем противоречии, которое неизбежно, в силу некоторой инерции самого явления, сопровождает процесс продвижения марксистской методологии в «новые земли». Если брать, напр., естествознание, то тот односторонний эмпиризм, который был неизбежен на первых порах развития наук о природе и который затем внедрился в сердцевину их, стал, так сказать, их «душой» (прекрасно, однако, уживаясь с самыми метафизическими учениями и даже с мистицизмом), этот эмпиризм мстит за себя, когда материалистическая диалектика пытается вытеснить его с позиций и овладеть естествознанием. Мертвый дух одностороннего эмпиризма хватает живое. Естественники, поколениями впитывавшие в плоть и кровь свою презрение к философии и в эмансипированном от теории эмпиризме видевшие единственный «метод» познания, эти естественники теперь, даже при всем своем добром желании, не могут сразу освободиться от одностороннего эмпиризма и перейти сознательно, последовательно, целиком на точку зрения диалектического материализма, восприняв его философию, как общий метод естественнонаучного познания. Мало того, процесс перехода их на методологические позиции диалектического материализма—процесс долгий и трудный—неизбежно сопровождается и своеобразной теоретической болезнью роста: обломки одностороннего эмпиризма в их мышлении оказывают (чаще всего, вероятно, это протекает бессознательно) противодействие проникновению в глубины сознания диалектического метода и, что важнее всего, восстают против теории диалектического материализма.

Внимательное, терпеливое изучение методологии марксизма в ее логической структуре и историческом развитии могло бы, конечно, оказать существенную помощь при усвоении естественниками точки зрения диалектического материализма. Но в том то и дело,

что упомянутая выше болезнь роста—своеобразное сопротивление, оказываемое философии марксизма со стороны отжившего духа «ползучего» эмпиризма,—нередко вызывает у естественников-марксистов (или становящихся на почву марксизма) отказ заниматься «философским хламом»: историей философии вообще, изучением исторических и логических корней философии марксизма в частности. Особенно этот отказ относится к диалектике, которая при этом зачисляется по ведомству схоластики (заслуживающей, конечно, всяческого порицания) и т. д. Но, таким образом, проявляя себя, умирающий дух эмпирической беспринципности, у многих естественников-марксистов (благодаря тому, что философское мышление не очень-то давно стало их «новой землей», или даже вовсе еще ею не является), вместе с тем через этих же естественников оказывает отрицательное влияние и на область марксистской философии. Некоторые из наших товарищей, занимающихся вообще теорией марксизма, склонны очень доверчиво относиться к перерождению мышления современного естествознания и естественников на диалектическо-материалистический лад. Видя первые шаги в направлении этого перерождения, они слишком поспешно бросают марксисткую методологию в некритический союз с естествознанием, больше того—чуть не ставят знак тождества между первой и выводами последнего. В результате такие товарищи не только не ведут естественников за философией марксизма, не только не поднимают естествознание до уровня нашей методологии (единственно верной, единственно научной, единственно революционной методологии в настоящее время), но, напротив, сами подчиняются остаткам до-марксистского естественно-научного мышления, сами плетутся в хвосте у пережитков и предрассудков одностороннего естественно-научного эмпиризма, договариваясь, вслед за некоторыми естественниками, а иногда и прежде их, даже до упразднения в марксизме науки философии и уж во всяком случае до презрения к диалектической «схоластике», абстрактной теории и т. д. Развивая такой своеобразный «хвостизм» в методологических вопросах, товарищи эти, очевидно, совершенно забывают, так сказать, философское завещание Ильича в № 3 журнала «Под Знаменем Марксизма».

Говоря о союзе воинствующего диалектического материализма с представителями современного естествознания, Ленин, однако, подчеркивает, что «без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естественник,—продолжает Ленин,—должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т. е. должен быть диалектическим материалистом». Чтобы достигнуть этой цели, нужно «организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения... Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически» и т. п. Далее Ленин пишет: «Группа редакторов и сотрудников журнала «Под Знаменем Марксизма» должна быть, на мой взгляд, своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики». Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд отве-

тов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании... Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающим, сколько сраженным. Без этого крупные естествоиспытатели так же часто, как до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях, ибо естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае»[1]) (курсив в отрывке везде наш. П. С.).

Так писал Ленин, как бы предвидя те болезни роста естествознания, о которых мы упоминали выше. Но наши естественники в своем большинстве и кое-кто из товарищей, занимающихся теорией марксизма, тем не менее мало обращали внимания на необходимость философских прививок современному естествознанию, и сами поддавались поэтому инертной тяге его прежних навыков мышления. В результате мы имели со стороны таких товарищей ряд выступлений, направленных то против отдельных сторон методологии марксизма, то против философии диалектического материализма в целом, особенно против ее станового хребта—диалектического метода. Нужно ли говорить, что при этом Гегель третировался, как устарелый хлам, а попытки разрабатывать и материалистически изучать диалектику изывались бесплодным схоластическим занятием.

Все это не только вредило росту и воспитанию естественников в духе диалектического материализма, но, в той или иной мере, грозило ликвидацией философии, сиречь методологии, марксизма.

Совершенно очевидно, что революционные марксисты-ленинцы, которые не поддавались влиянию указанных выше противоречий, должны были со всей беспощадностью и резкостью критики выступить против попыток ликвидации философии, отрицания необходимости изучения диалектики и т. д. Ибо только борясь за философию марксизма, за материалистическую диалектику, только разоблачая ошибки и вредность упразднительства и упростительства философии при применении ее к естествознанию, можно вести естественников за методологией Маркса—Энгельса—Ленина, поднимать их до последней, учить их проникаться ее духом и уметь сознательно применять наш метод, как основу всякого познания. Само собой разумеется, что и для воспитания широких кадров партии и класса в духе марксистской методологии, такая борьба была крайне необходима.

Завязался, конечно, жаркий бой и в печати и в устных дискуссиях. В этой борьбе противоположный—«естественно-научный»—лагерь обычно аргументировал против той точки зрения, которая защищалась «философами», ссылкой на слова Энгельса о «конце» «самостоятельной» философии. Правда, на это защитниками философии марксизма совершенно резонно указывалось, что слова Энгельса относятся к «философским системам», независимым от науки, а отнюдь не к философии, понимаемой как методология, как диалектическая логика наук.

Так или иначе, старик Энгельс был введен в бой, при чем противники философии стремились представить его своим шефом. Насколько они имели на это право, насколько этим мог бы быть доволен сам Энгельс, мы увидим ниже. Но Энгельс—этот кипучий боец и в теории и в практике пролетарского дела—мог во всяком случае радоваться—его мысли были на клинике в самой острой теоретической схватке.

---

[1]) «Под Знаменем Марксизма» 1922 г., № 3, стр. 9—11.

Уже это показывает, насколько идеи Энгельса свежи и насколько важны они для вопросов нашей сегодняшней теории. Выход же «Диалектики природы» Энгельса сейчас особенно, как нельзя более кстати. Ибо работа эта исчерпывающе отчетливо отвечает как раз на центральные проблемы, сражения. Она является, естественно, решающим ударом в борьбе, ударом, который—как мы сейчас увидим—целиком доставляет победу лагерю сторонников философии диалектического материализма.

Перейдем теперь к рассмотрению данной работы Энгельса в связи с вопросами, выдвинутыми в упомянутой выше борьбе.

II.

Центральными вопросами борьбы являлись: вопрос о возможности бытия марксистской философии и о ее задачах, вопрос об отношениях между философией и естествознанием и, наконец, вопрос о характере и природе естествознания, которое может быть включено в мировоззрение диалектического материализма.

Именно эти вопросы, как мы уже указали, и являются основными вопросами, которые разрабатывает Энгельс в своих, к сожалению, неоконченных набросках и фрагментах о диалектике природы. Точка зрения на философию, развиваемая сторонниками естественно-научного «блока», сводилась к замене философии, как самостоятельной науки, «последними и наиболее общими выводами современного знания». По сути дела это означало отказ от единого методологического мышления, упразднение философии как «логики» наук и переход на дорожку позитивизма и эмпиризма [1]). Особенно нападкам и упразднению подвергся основой пункт философии марксизма—диалектический метод.

Посмотрим, однако, какой ответ на вопрос о философии диалектического материализма дает нам «Диалектика природы» Энгельса.

---

[1]) Конечно, ни о какой философии, независимой от наук, речь ни для кого из другого стана не шла; не защищал в нем также никто философию, как натурфилософскую систему. Это все полемические фантазии—ни больше, ни меньше. А вот если вскрыть суть, приведенной выше, достаточно противоречивой цитаты, то и выходит: упразднение не только схоластической и проч., но и марксистской философии. Сказать—«последние выводы современной науки»—это ведь значит поставить знак равенства, тождества между, напр., материализмом Маркса—Энгельса—Ленина и современной естественно-научной (электронной) теорией материи и т. д.; завтра ей на смену придет другая теория—принимай ее вместо прежней, как единственно верную. Или, вместо нашего философского учения о суб'екте-об'екте, о психическом и физическом—поставить учения Павлова, Бехтерева, Фрейда и т. д.? Ведь их выводы—последние и наиболее общие выводы современной науки в данной области. Или еще, к примеру,—головокружительными выводами Эйнштейновского релятивизма заменить учение марксистской философии об условности и относительности всяких граней в природе и обществе. Отождествлять последние выводы наук с методологией марксизма, это значит упразднять марксистскую методологию. Рассуждать так—это по существу значит отказаться от всякой методологии, от всякой философии и скатиться в конце-концов к голому позитивизму и эмпиризму. Чем по существу, в самом деле, отличается вышеприведенная точка зрения от той, которая высказана уже явным упразднителем философии—Боричевским: «наука сама себе философия». Ничем, ровно ничем. Правда от Боричевского, надо сказать, в лагере «естественно-научном» открещиваются. Открещиваются потому, что он уж очень обнаженно и рельефно высказывает то, что другие скрывают от себя и от других под различными фиговыми листочками. Но надо же ведь додумывать до конца свои мысли, товарищи!

«Над всем нашим теоретическим мышлением,—пишет Энгельс,—господствует с абсолютной силой тот факт, что наше суб'ективное мышление и об'ективный мир подчинены между собой одним и тем же законам, и что поэтому оба они не могут противоречить друг другу в своих конечных результатах, а должны согласоваться между собой. Факт этот является бессознательной и безусловной предпосылкой нашего теоретического мышления». Без этого не были бы возможны ни теория, ни практика, ни их единство. «Материализм XVIII столетия,—продолжает Энгельс,—будучи по существу метафизического характера, исследовал эту предпосылку *только с точки зрения ее содержания* (курсив здесь наш. П. С.). Он ограничился доказательством того, что содержание *всякого* мышления и знания должно происходить из чувственного опыта, и восстановил старое положение: nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu [1]). Только современная идеалистическая, но вместе с тем и диалектическая философия,—подчеркивает Энгельс,—в особенности Гегель, исследовали эту предпосылку также с точки зрения *формы* (курсив здесь Энгельса. П. С.). Несмотря на бесчисленные произвольные и фантастические построения этой философии, несмотря на идеалистическую, на голову поставленную, форму ее конечного результата—единства мышления и бытия, нельзя отрицать того, что *она доказала* на множестве примеров, взятых из самых разнообразных отраслей знания, *аналогию между процессами мышления и процессами в области природы и истории, и обратно, и господство одинаковых законов для всех этих процессов*» [2]).

Значит, заслугой немецкой идеалистической философии, особенно гегелевской, Энгельс считает ее взгляд, что и в мышлении и в бытии господствует единая общая закономерность, единые законы движения, которые до нее рассматривались оторванными друг от друга. Но классическая немецкая философия (Гегель в частности) облекла это открытие в идеалистические хламиды и тем перевернула вопрос на голову: вместо того, чтобы отыскивать реальную диалектику бытия и ею об'яснять и обосновывать диалектику мышления, она в самом мышлении искала *основы* диалектики бытия. Между тем основанием всего является «об'ективная диалектика», царящая в природе и в обществе, «а так называемая суб'ективная диалектика, диалектическое мышление есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обусловливают жизнь природы своими постоянными противоречиями и своим конечным переходом друг в друга, либо в высшие формы» [3]). Но раз это было понято и обосновано Марксом и Энгельсом, то гегелевская диалектика была «снята», т.-е. превзойдена и сохранена в переработанном на материалистическом основании виде. Отныне диалектические законы не должны строиться на идеалистическом основании, из головы, ибо это будет извращением не только диалектики *бытия*, но и диалектики *мышления*. Диалектические законы мышления должны лишь отражать диалектическую закономерность бытия.

Но если мы твердо примем за отправной пункт, что «диалектика головы—только отражение формы движения реального мира: как природы, так и истории» [1]), то мы можем тогда «правильно познать» *самые общие законы* мышления и законы природы в их единстве, согласованности и нужном, реальном соотношении. Оформление этих законов в понятиях, в категориях теоретического мышления и будет—поскольку закономерность эта понята верно, а это проверяется практикой—являться «аналогом» и, значит, методом об'яснения» происходящих во всей реальной жизни процессов движения и развития» [2]). Если практика доказывает его общую верность, т.-е. аналогичность основным законам движения и изменения реального бытия, если мы убеждены в этом, то мы должны тогда пропитать им свое мышление, сделать его стержнем всякого познания, каждой науки, любого эмпирического исследования. Такой общий метод познания должен проникать *все* науки, увязывать их *вместе* в единое *целостное* мировоззрение, должен служить предпосылкой всякого знания, всякого действия, должен помогать критически осмысливать, усвоять и *развивать* результаты теории и практики.

«Мы все согласны с тем,—писал Энгельс,—что в любой научной области—безразлично в естествознании или истории—надо исходить из данных *фактов*» [3]). Но ведь нужно уметь эти факты извлекать, увязывать, критически обобщать. «Результаты, в которых обобщаются данные опыта, суть понятия; искусство же оперировать понятиями не врожденно и не заключается в обыденном здравом смысле, но требует действительного мышления» [4]). Далее. Раз исследование переходит в теоретическую область, то «здесь методы эмпиризма оказываются бессильными, здесь может оказать помощь только теоретическое мышление» [5]). Затем,—поскольку необходимо об'единение отдельных взглядов в одно гармоничное целое, без которого,—пишет Энгельс,—в наше время не сделает шага вперед даже самый беззаботный по части теории эмпирик, нам приходится очень часто оперировать с не вполне известными величинами *и логика, последовательность мысли должны были всегда заполнять такие неизбежные провалы познания*» [6]).

Словом, для науки, если она не желает застрять на степени простого собирания и поверхностного описания фактов, если она хочет к самым фактам подходить осмысленно и уметь их теоретически обобщать, развивать и т. д., необходимо методологическое мышление. Единый метод мышления, представляющий собою лишь *аналог*, теоретическое оформление наиболее общих законов и ритма бытия, взятого, говоря языком Гегеля, «в становлении», и должен составлять такой стержень, живой осмысливающий «дух» всякого опыта, любого знания. Иначе говоря, опытное знание должно быть методологически осмыслено и развито.

Философия и была всегда не чем иным, как выражением, попытками оформления этого теоретического мышления. Еще греческие философы, как указывал Энгельс, верно подошли к проблеме формулировки общих законов движения, стоя, конечно, на высоте современного им опытного знания. Но неразвитость тогдашнего опытного знания не дала им пойти в области философии дальше гениальных догадок. Мало того, эта неразвитость толкнула их на неверный путь натурфилософских выдумок,

---

[1]) Ничего нет в разуме, чего не было бы в чувствах. Положение это, как известно, высказано впервые еще Аристотелем.

[2]) «Архив», кн. II, стр. 135. «Примечание к Анти-Дюрингу».

Обращаем на это место особое внимание тех, кто отрицает необходимость для марксистов изучать гегелевскую диалектику. Это место из Энгельса говорит прямо против них.

[3]) «Архив», т. II, стр. 61, «Диалектика и естествознание».

[1]) «Архив», т. II, стр. 5, «Диалектика и естествознание».

[2]) «Архив», т. II, стр. 127, «Старое предисловие к «Анти-Дюрингу».

[3]) «Архив», т. II, стр. 131, «Старое предисловие к «Анти-Дюрингу».

[4]) «Архив», т. II, стр. 375, «Диалектика в современном естествознании».

[5]) «Архив», т. II, стр. 125, «Старое предисловие к «Анти-Дюрингу».

[6]) «Архив», т. II, стр. 173, «Старое введение к диалектике природы».

хотя и в самых этих выдумках греки дали, правда, в наивной форме, зерна истины.

Именно недостаток вообще эмпирического знания с одной стороны и ряд других (в том числе и социальных) условий заставили философское мышление и в новых веках или блуждать в лабиринтах натурфилософских систем, или одеваться в идеалистическую оболочку, как сказал Маркс, становиться «на голову». Однако и в идеалистических хламидах философия скрывала нередко чрезвычайно ценные достижения. Примером тому—гегелевская философия, развившая диалектический метод, хотя и на неверном основании. И только накопление огромного богатства опытного знания с одной стороны, высокое развитие теоретической мысли в лице немецкой классической философии, особенно Гегеля, с другой, и, наконец, развитие пролетарского движения—с третьей стороны, дали возможность Марксу и Энгельсу синтезировать весь социальный и теоретический опыт прошлого (отвергнув при этом идеалистическую и схоластическую шелуху его и взяв его «рациональное основание») и развить опирающуюся на все достижения науки и вместе с тем служащую им всем основой, осью, методом,—философию, именно философию диалектического материализма.

Этот метод материалистической диалектики и есть,—подчеркивает Энгельс,—«единственный пригодный на высшей ступени развития (т.-е. на ступени современного знания. П. С.) метод мышления»[1], он есть неизбежный, нужный для марксизма философский подход к проблемам всякой теории и всякой практики. Учение о нем и есть философия диалектического материализма (=марксизм). Кто этого не понимает, тот ничего не понимает в марксизме.

Совершенно очевидно, что философия марксизма отнюдь не тождественна с «последними и наиболее общими выводами современной науки». Не тождественна и не будет тождественна (хотя и должна быть согласуема с ними, критически их проверяя) именно потому, что т. н. «современная» наука всегда будет в своих последних и общих выводах нуждаться в теоретической проверке и увязке законов различных областей жизни и мышления, в осмысливании их в свете единого метода всех наук,[2] всегда будет требовать единой предпосылки, единого теоретического основания всякого познания. Философия марксизма должна быть таким основанием именно потому, что она сама есть концентрированная теоретическая формулировка всего прошлого опыта человеческой истории, заполняющая вместе с тем неизбежные пробелы познания, ибо диалектика развития знания такова, что мы всегда познаем все глубже и шире связь и отношения мира и никогда их не познаем до конца. Поэтому у наук будут всегда разрывы и провалы, устранять которые, увязывая все знание воедино, должно теоретическое мышление — философия в ее единственно верной, современной форме — в форме методологии диалектического материализма. Именно так понимал Энгельс философию марксизма, ее значение и ее место среди других наук.

Но теоретическое мышление является прирожденным только в виде способности. Чтобы эта способность превратилась в философское, методологическое мышление, надо ее развить. Как же?—спросит читатель. И Энгельс на это дает точный и исчерпывающий ответ: через изучение

1) «Архив», т. II, стр. 61, «Диалектика и естествознание».

2) Нужно ли подчеркивать, что такой общий метод познания (т.-е. философия) должен быть на уровне современного эмпирического и проч. знания, ибо это будет обогащать его, укреплять, подтверждать и вместе с тем неизбежно видоизменять в отдельных его сторонах и деталях.

философии, не только в ее современной форме, но и на всех этапах ее исторического следования. «Никакого иного средства и пути,—подчеркивает Энгельс,—для разработки теоретического мышления до сих пор не существует». Изучайте философию марксизма в ее историческом становлении. Ибо ведь философия, которую развивал Маркс и Энгельс, а затем Ленин, не появилась как deus ex machina, как волшебник: она, как и всякая наука, имеет свою историю, она,—говорит Энгельс,—«есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления»[1].

Поэтому, чтобы понять и усвоить нашу философию, надо изучать не только ее как данную, но и изучать ее историю, т.-е. историю философии. Конечно, это изучение истории философии должно протекать в связи с историей других наук, в связи со всеми данными современного научного знания и оцениваться с точки зрения диалектического материализма. Но такое изучение необходимо. Особенно Энгельс подчеркивает необходимость изучать Гегеля и даже греческую философию.

Нам думается, что все выше развитое показывает, насколько неправы те наши марксисты и естественники, которые, поддавшись влиянию современного стихийного естественно-научного материализма, стали говорить о вреде философствования, о совпадении философии с последними выводами наук, издевались над изучением диалектики в ее историческом развитии и презрительно кивали головой в сторону занятия Гегелем. Надо прямо сказать: сторонникам философии диалектического материализма, как общей методологии наук, взятой в ее историческом развитии, выход энгельсовской «Диалектики природы» доставил истинную победу. Впрочем, мы не сомневаемся, что даже эту работу Энгельса «противники» философии попытаются приспособить для защиты своих позиций. Вряд ли, однако, они будут в данной операции дружить с истиной!

III.

Решение второго вопроса о взаимоотношении философии и естествознания, собственно, целиком определяется разобранным выше решением первого вопроса—о необходимости и задачах философии. Однако, так как этот вопрос вызывает сейчас сугубый интерес и так как он составлял центральную проблему в вышеупомянутой дискуссии, то мы остановимся на нем особо, тем более, что в книге Энгельса ему отведено много места, а ответы на него представляют огромный интерес и имеют практически-боевое значение.

Посмотрим же, как отвечали на него товарищи из так называемого естественно-научного лагеря и как отвечал на него Энгельс.

В сборнике «Механистическое естествознание и диалектический материализм», посвященном дискуссии на эту тему в заседании Государственного Тимирязевского Института 8 февраля 1925 г., редакция сборника прямо говорит, что одной частью марксизма является исторический материализм, другой же частью—механистическое (современное) естествознание[2]. Что это значит? Если отбросить некое, имеющееся здесь робкое и стыдливое замалчивание сути, то получится, что диалектический материализм (=марксизм), как мировоззрение, состоит из двух

1) «Архив», т. II, стр. 125, «Старое предисловие к «Анти-Дюрингу».

2) «Механистическое естествознание и диалектический материализм». Дискуссионный сборник, стр. 28. Государственный Тимирязевский Институт Издательство «Северный Печатник» Вологда, 1925 г.

частей (вот уж действительно «механистическая» постановочка вопроса) — исторического материализма и современного механистического» естествознания. Философии же марксизма, тем более диалектике, при таком решении вопроса в составе мировоззрения места не находится. Очевидно, что она растворяется в «последних выводах естествознания» и т. д. Недаром один из редакторов этого сборника в другом месте прямо заявил, что «материалистическое миропонимание неизбежно должно быть физическим», ибо физика-де «наиболее точная наука». Другой же товарищ, солидарный с ним, подчеркнул, что «научно-положительную часть» диалектическому материализму сообщают физика и химия (строение материи, свойства ее, переходы состояния) и что (слушайте, слушайте!) для диалектического материализма гибелен спор о философии, как таковой [1]).

Значит, философии места нет, ее заменяет механистическое естествознание, заявляющее, что оно, мол, может и без философии, пожалуй, обойтись. Но то, что здесь выражено туманно и не без видимого смущения, то у более решительного, ретивого и последовательного товарища—небезызвестного Боричевского—сказано более откровенно: «современное механистическое естествознание должно всемерно освободить себя от всякой «философии», которая (особенно это относится к диалектике) «совершенно не нужна ни положительной науке, ни научному материализму». Здесь уже отчетливо налицо реакционнейший позитивизм. Конечно, первая точка зрения отличается от второй, но между ними, однако, протягиваются родственные нити, ибо первая, так или иначе, вопрос о философии (особенно о диалектике) и ее роли для естественно-научного мышления определенно замазывает и искажает в угоду все тем же... обломкам дряхлого, одностороннего эмпиризма и позитивизма [2]).

Точка зрения Энгельса на вопрос о взаимоотношении философии марксизма (учения о диалектике в частности) и естествознания в корне противоположна точке зрения редакции сборничка.

Его замечания бьют наших эмансипаторов естествознания от философии не в бровь, а прямо в глаз. «Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические определения, а эти определения (слушайте, слушайте!! П. С.) они неосторожно заимствуют либо из ходячего теоретического достояния так называемых образованных людей, над которыми господствуют остатки давно прошедших философских систем, либо из крох обязательных университетских курсов по философии (что приводит не только к отрывочности взглядов, но и к мешанине из воззрений людей, принадлежащих к самым различным и по большей части самым скверным школам), либо из некритического и несистематического чтения всякого рода философских произведений,— то в итоге они все-таки оказываются в плену у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной; и вот люди, особенно усердно бранящие философию, становятся рабами самых скверных вульгаризированных остатков самых скверных философских систем» [1]).

Читая эти строки Энгельса, мы должны сказать редакции сборника: «de te fabula narratur»—о тебе это рассказывается.

Ниже мы покажем, как попадает на дорожку неверной теории цитированный выше редактор сборника. Теперь же посмотрим на Боричевского. Отказавшись от всякой философии и обругав Гегеля и Плеханова, он тут же обнаруживает, что находится в плену у отсталой, отжившей философии, ибо он не только превозносит паче меры французский материализм XVIII века, но и вульгарный материализм Молешота, Фохта, Бюхнера, тот самый, на который справедливо обрушивались Маркс, Энгельс и Ленин.

Следовательно, тот, кто так или иначе эмансипируется от истинной философии, попадает в об'ятия ложной, отжившей, реакционной. Ибо без философии (верной или неверной) научное мышление вообще невозможно. «Как бы ни упирались естествоиспытатели, но ими управляют философы (курсив наш П. С.). Вопрос лишь о том, желают ли они, чтобы ими управлял какой-нибудь скверный модный философ, или же они желают руководствоваться разновидностью теоретического мышления, основывающейся на знакомстве с историей мышления и его завоеваний. Физика берегись метафизики! Это совершенно верно, но в другом смысле» [2]). Именно в том, что естествознание должно избегать не философии вообще, а дурной, метафизической философии.

Особенно часто приходится теперь встречать в различных формах нападки на диалектику со стороны тех, кто увлекается естественно-научным позитивизмом. Но «презрение к диалектике,—подчеркивает Энгельс,—не остается безнаказанным». Такое пренебрежение знаменует «неверное мышление» и, будучи доведено «до конца», «приводит неизбежно, по давно известному диалектическому закону, к противоречию со своим исходным пунктом» [3]), именно делает этих людей жертвой предрассудков и самых диких воззрений.

Чтобы физика могла избежать дурной философии, естествознание должно взять себе в руководители единственно верную философию—учение о материалистической диалектике. Естествознание должно поставить себе задачу пропитаться насквозь духом этой методологии, сделать ее осью своих опытов и исследований. Путь к этому для естествознания лежит через изучение философии марксизма и ее исторических корней, т.-е. изучение не только материализма и диалектики Маркса и Энгельса, но и основных этапов всей до-марксовской философии.

Энгельс прямо рекомендует естественникам (!) — изучение истории философии [4]). «Именно тем, что естествознание усвоит себе результаты, достигнутые развитием философии в течение двух с половиной тысяч лет, оно, с одной стороны, освободится от всякой обособленной, вне и над ним стоящей натурфилософии, а с другой стороны— также и от своего собственного, унаследованного от английского эмпиризма ограниченного метода мышления» [5]).

Среди этапов развития философии до Маркса, Энгельс больше всего обращает внимание естественников на... греческую философию и Гегеля!!

---

1) См. указанный сборник, стр. 59 и 69.

2) Впрочем, такое замазывание философии, диалектики в частности, мы можем наблюдать и у других товарищей, не принимавших, правда, непосредственного участия в данной дискуссии, но стоящих на позициях, родственных взглядам редакции сборничка. Они замалчивают философию, умаляют значение современной диалектики, третируют ее предшественников. Примером таких товарищей может служить хотя бы т. Семковский. См. его предисловие и послесловие к кн. «Этюды по философии марксизма», затем рецензии в Харьковской газ. «Коммунист» и др. работы.

1) «Архив», т. II, стр. 37, «Диалектика и естествознание».

2) «Архив», т. II, стр. 191, «Заметки».

3) «Архив», т. II, стр. 121, «Естествознание в мире духов».

4) См. «Архив», т. II, стр. 125, «Старое предисловие к «Анти-Дюрингу».

5) «Архив», т. II, стр. 375, «Диалектика в современном естествознании».

«Если теоретизирующие естествоиспытатели захотят познакомиться основательнее с диалектической философией в ее исторически данных формах», то среди этих прежних форм «особенно плодотворными для современного естествознания могут стать две. Первая—это греческая философия... Второй же формой является классическая немецкая философия от Канта до Гегеля» [1]), особенно рекомендует Энгельс, конечно, изучение Гегеля.

Мы представляем себе, какое впечатление произведут эти слова Энгельса на тех, позитивистски настроенных товарищей-естественников и неестественников, которые так любят издеваться над изучением Гегеля. Но что делать—Энгельс явно не на их стороне.

Чтобы естественники не очень-то удивлялись рекомендации обратиться для развития у них теоретического мышления к истории философии, к Гегелю, к грекам, Энгельс подчеркивает, что даже прежняя философия, несмотря на всю свою метафизичность, идеализм и проч. именно благодаря силе теоретического мышления оказывалась нередко в своих общих выводах впереди современного ей и даже позднейшего естествознания, предвосхищая его достижения.

Энгельс ссылается на воззрения об атомах Левкиппа, Эпикура, Демокрита, на открытия Декарта в области математики, на его формулировку закона сохранения энергии и неуничтожимости движения—формулировку, которая опередила естествознание на двести лет; он указывает затем на «Лейбница—основателя математики бесконечного, перед которым индуктивный осел Ньютон является плагиатором и вредителем», на Канта, открывшего космогоническую теорию до Лапласа, Окена—«первого выдвинувшего в Германии теорию развития», наконец, на Гегеля,—который своим синтезом и рациональной группировкой естествознания сделал большее дело, чем все материалистические болваны, вместе взятые» (и который, напр., в вопросе о вещи в себе является «гораздо более решительным материалистом, чем современные естествоиспытатели») [2]). Подчеркнув, что именно Гегель развил обширную энциклопедию диалектики (хотя и из совершенно ложной исходной точки), которой естествознание должно учиться, Энгельс иронически добавляет: теперь, «может быть, станет возможным заговорить перед естествоиспытателями еще раз о Гегеле, не вызывая у господина Дюринга (мы чуть было не назвали другие имена! П. С.) пляски святого Витта, в которой он так неподражаемо забавен». Тем же, которые не перестают злословить по поводу нелепых априорных спекуляций немецкой натурфилософии», можно было бы порекомендовать чтение произведений физиков эмпирической немецкой школы, современных работам натурфилософов или даже более поздних» [3]). Тогда бы эти товарищи убедились, как отстали тогдашние естественники от их современников философов.

Указанные выше примеры из истории знания еще больше заставляют Энгельса настоятельно требовать от естественников изучения истории философии.

Но и сама диалектическая философия не должна чваниться перед естествознанием и держаться от него вдалеке. Ведя его за собой, она должна именно поэтому сама изучать естественные науки, обогащаясь их результатами. Без этого философия не сможет управлять естествознанием.

---

1) «Архив», т. II, стр. 129—131, «Старое предисловие к «Анти-Дюрингу».
2) «Архив», т. II, стр. 7, 13, 21, 127, 161, 231, 255 и др.
3) «Архив», т. II, стр. 131, «Старое предисловие к «Анти-Дюрингу».

Но вопрос о взаимоотношении философии и естествознания имеет еще и другую сторону. Это проблема о пределах естественно-научных законов, понятий и методов.

Мы бы, собственно, не останавливались вообще здесь на этом достаточно выясненном вопросе, если бы естественники во главе с зачинателем той дракн, о которой все время шла речь, не подняли его вновь. В полном соответствии с их тенденцией подменить философию диалектического материализма — учение о материалистической диалектике—последними выводами наук, естествознания особенно, они выставили следующее положение: об'яснение человеческого хозяйства и самого человека принципом сохранения энергии, сведение «теоретически, в конечном счете, социальных явлений к количественному физико-химическо-биологическому анализу», «подведение» под «социологию», «количественно-диалектико-механистического фундамента» [1]).

Этих выводов (о стиле их выражений и их путанности мы уж не говорим!), конечно, надо было ожидать, зная отправные точки авторов. Но, да простят мне эти товарищи, такая затея будет почище павловских мечтаний: об'яснить и даже перестроить все общество методами условных рефлексов. Мало того—и Енчмен с его 15-ю анализаторами бледнеет перед подобной постановкой вопроса.

Но, шутки в сторону. Если эта затея у товарищей серьезна, а не представляет просто, так сказать, результат полемического увлечения, то она тогда, несомненно, вредна и должна встретить самый решительный отпор. Мало того, что она хочет потопить в общих естественных законах качественное своеобразие и специфичность законов общественной жизни, она хочет еще обосновать (!?) социологию биологией, растворить методологию исторического материализма в методологии пресловутого «механистического» естествознания, вдобавок еще эмансипированного от диалектической философии. На все это давно дан исчерпывающий ответ в марксистской литературе. Поэтому из «Диалектики природы» Энгельса мы приведем только одну справку: говоря о попытках борьбой за существование об'яснить общественную жизнь Энгельс подчеркивает: «совершенное ребячество подводить все многообразие исторического развития и усложнения жизни под одностороннюю и тощую формулу борьбы за существование. Это значит ничего не сказать или и того меньше» [2]).

Формула,—«сохранение энергии» и попытки свести общественные явления к количественному физико-химическому анализу вряд ли толще (если не тощее) осмеянных Энгельсом выше поползновений распространительно толковать формулу борьбы за существование.

IV.

Мы переходим теперь к последнему интересующему нас здесь вопросу—к вопросу о том, каким должно быть естествознание, если оно хочет отвечать духу материалистической диалектики.

На этот вопрос наши естественники и их «теоретический» вождь дают следующий ответ: оно должно быть «механистическим». Если это значит, что оно должно быть материалистическим, что из него должен быть изгнан витализм, то тут, конечно, спорить не о чем—это бесспорно.

---

1) Указанный выше сборник «Механистическое естествознание и диалектический материализм», стр. 15, 63, 64.
2) «Архив», т. II, стр. 63, «Диалектика и естествознание».

Но это половина ответа. Важно установить, *какой материализм* должен лежать в основе естествознания, увязанного в мировоззрение диалектического материализма—механический или диалектический.

Частичка «сти», которую ввели в слово «механический», только затуманивает, замазывает вопрос. А вопрос стоит так: стало ли современное естествознание *по существу своему сознательно* (а не стихийно!) диалектическим, восприяло ли оно диалектический метод в плоть и кровь свою, сделало ли оно его стержнем своего мышления, научилось ли оно применять правильно, полноценно все богатство диалектических категорий (о подтверждении которых в опыте говорят сами же естественники)?

И тут нечего себя и других обманывать—это ведь только мешает делу: современное естествознание еще не оплодотворилось пониманием и *сознательным* пользованием диалектического метода. *Стихийно*, естественники все больше начинают давать подтверждение диалектической точке зрения, но сознательно они (даже близкие к нам) все еще чураются диалектики, все еще не впитали ее в себя. Редакция цитировавшегося нами сборничка прямо возражает против попыток построить взамен «механистического» естествознания диалектическое, называя их схоластическими и непродуманными. По существу же это есть сопротивление старой эмпирической стихийщины стремлению диалектики *стать сознательно-имманентным мышлению естествоиспытателей*. Чем иным является, напр., утверждение, что материалистическо-диалектический метод уже конкретизировался в области наук о природе в современном «механистическом» естествознании? [1]) Если метод материалистической диалектики в области наук об обществе конкретизировался, как *историко*-материалистический метод, то это ведь является продуктом *сознательной*, планомерной грандиозной перестройки Марксом—Энгельсом и их учениками общественных дисциплин. А разве естествознание подвергалось такой планомерной *сознательной* проверке и развитию с точки зрения материалистической диалектики? Конечно, нет! Одна попытка (неудачная и по существу неверная, ибо была построена на идеалистическом базисе) оплодотворить естествознание диалектическим методом предпринималась Гегелем. В набросках и фрагментах Энгельса о диалектике природы мы имеем вторую такую попытку (уже с точки зрения *материалистической* диалектики), к сожалению, только начатую, намеченную, но не проведенную, не законченную даже вчерне. И пока больше мы ничего не имеем. Стихийно естествознание растет в сторону диалектического материализма, давая порой гениальные достижения, но ведь оно еще не доросло, еще не стало сознательно диалектическим, еще не развернуло в этом направлении конкретизации метода материалистической диалектики. Зачем же, поддавшись стихийщине, обманывать себя и других?

Прав был один товарищ, когда он подчеркнул, что подменять этот вопрос вопросом о смычке с естествознанием, стихийно растущим в сторону диалектики, нельзя. Тут нужно не простое механическое соединение разнородных еще величин. И спор у нас идет не просто о словах, спор идет по существу: *вести ли* современное естествознание за собой, поднимая его до уровня нашей философии, воспитывая его в духе сознательной перестройки на основе метода материалистической диалектики, или самим *снижаться* до стихийщины, плестись в хвосте у слепого еще, в отношении диалектической философии, естествознания?

1) Сборник «Диалектический материализм и механистическое естествознание», стр. 16.

Если отказаться от первого решения и принять второе, тогда у нас у самих неизбежно будут провалы вроде того, что мы будем, по существу, опускаться на *чисто* количественную точку зрения, не уметь пользоваться единством качественно-количественного анализа, не знать *качественных границ* различных явлений.

Немудрено, что мы придем (как выше и видели) к нелепейшему и вреднейшему выводу о подведении количественного физико-химическо-биологического фундамента под об'яснение социальных явлений. Что это все, как не преклонение перед механическим, именно, естествознанием?

«Диалектика природы» Энгельса являет нам образец попытки (неоконченной даже вчерне вследствие своей грандиозности) иного, единственно верного с нашей общей точки зрения решения вопроса. Задача всех этих набросков Энгельса о диалектике в естествознании—сделать попытку перевода естествознания на рельсы сознательно-диалектического мышления, попытку построения *диалектического естествознания*. Именно поэтому Энгельс говорил о необходимости для естествознания управляться диалектическо-материалистической философией, именно для этой задачи Энгельс требовал от естественников изучения истории философии; наконец, ради этого Энгельс разрабатывал сам с точки зрения сознательной диалектики отдельные проблемы естествознания, одну за другой.

Даже для профана в естествознании видно, какое колоссальное значение именно для методологии естественно-научного мышления, переходящего на рельсы диалектические, имеет его работа о двух мерах движения, об основных формах движения и др.

Естественно, что Энгельс со всей резкостью обрушивался на механическое естествознание и на чисто-количественный метод, царящий в нем. «По моему мнению,—писал Энгельс,—безусловное сведение даже химических процессов к чисто механическим сужает неподобающим образом поле химии. И, однако, оно стало столь модным, что, напр., у Геккеля слова «механический» и «монистический» постоянно повторяются как равнозначащие и что, по его мнению, «современная физиология» дает в своей области место только физическим, химическим или *в широком смысле слова* механическим силам». Но, продолжает Энгельс,—«механика—в более широком или узком смысле слова—знает только количество»... Говорят о количественном сведении явлений в физике и химии. «Можно охотно согласиться, что современная наука движется в этом направлении, но это вовсе не доказывает, что это направление единственно-правильное, что идя этим путем, мы *исчерпаем* до конца физику и химию. Всякое движение заключает в себе механическое движение и перемещение больших или мельчайших частиц материи; познать эти механические движения является первой задачей науки, однако лишь первой. Само же это механическое движение вовсе не исчерпывает движения вообще. Движение вовсе не есть простое перемещение, простое изменение места, в надмеханических областях оно является также и изменением качества. Мышление есть тоже движение» [1]), но совершенно очевидно, что «механизм в применении к жизни беспомощная категория». «Мы несомненно «сведем» когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным движениям в мозгу; но исчерпывается ли этим сущность мышления?» [2]). «Открытие, что теплота представляет собой молекулярное движение, составило эпоху

1) «Архив», т. II, стр. 143—145, «Примечания к «Анти-Дюрингу».
2) «Архив», т. II, стр. 29, «Диалектика и естествознание».

в науке. Но если, я не имею ничего другого сказать о теплоте, кроме того, что она представляет собою известное перемещение молекул, то лучше мне замолчать». То же относится к химии. «Между тем механическая концепция сводится именно к этому; она об'ясняет всякие изменения из изменений места, все качественные различия из количественных и не замечает, что отношение между качеством и количеством взаимно, что качество так же переходит в количество, как количество в качество, что здесь имеется взаимодействие [1]). «Вся путаница происходит от смешения качества и количества. Негели [2]), стоя на господствующей механической точке зрения, считает об'ясненными все качественные явления лишь тогда, когда они могут быть сведены к количественным различиям. Для него качество и количество являются абсолютно различными категориями. Метафизика» [3]). «Только незнакомство естествоиспытателей с иной философией, кроме той вульгарной философии, которая процветает ныне в немецких университетах, позволяет им оперировать, таким образом, выражениями вроде «механический», при чем они не отдают себе отчета и даже не догадываются, какие из этого вытекают последствия» [4]). «Как доказал уже Гегель (Enz. I, стр. 199), это воззрение, эта «односторонняя математическая точка зрения», согласно которой материя определима только количественным образом, является «именно точкой зрения» французского материализма XVIII столетия. Она является даже возвратом к Пифагору, который рассматривал число, количественную определенность, как сущность вещей» [5]).

Вопрос идет не о том, чтобы перевести все в число. «Применение математики» ограничено: «в механике твердых тел абсолютное, в механике газов приближенное, в механике жидкостей уже труднее; в физике в виде попыток и относительно, в химии простые уравнения... в биологии=0» [6]). Вопрос идет о том, чтобы уметь находить, как совершается переход одной формы материи и движения в другую, что нового происходит при этом и чем отличается одна форма движения и бытия от другой. Словом, уметь находить в природе и тождество и различия внутри тождеств.

Конечно, естествознание со времени Энгельса далеко шагнуло вперед и некоторые его естественно-научные воззрения устарели. Но суть его методологической точки зрения, его стремление сделать естествознание сознательно-диалектичным, его борьба против философского безглавья в области наук о природе, его критика анти-диалектических позиций механическо-количественно-математического метода, до сих пор имеют настолько актуальное значение, точно Энгельс писал это вчера и сегодня.

Мы видим, что и вопрос о том, какое естествознание может вполне, целиком соответствовать мировоззрению диалектического материализма, решается Энгельсом отнюдь не в духе сторонников точки зрения, высказанной в сборнике «Механистическое естествознание и диалектический материализм». Совсем даже напротив!

Читателю, конечно, ясно теперь какое огромное значение имеет в наших условиях выход энгельсовской «Диалектики природы». Он означает сейчас подлинно новую победу диалектического материализма. Он является поэтому истинным праздником на улице марксистской философии.

Эта книжка, богатство которой мы не исчерпали и в малой мере, будет служить знаменем в борьбе за ортодоксальную чистоту марксистско-ленинских философских позиций нашей партии, на ней будут расти и воспитываться поколения; она окажется ценнейшим оружием перевоспитания стихийно к нам идущих естественников в духе сознательного усвоения диалектического материализма.

[1]) «Архив», т. II, стр. 143—145, «Примечания к «Анти-Дюрингу».
[2]) Один из тогдашних естественников, с которым Энгельс полемизировал.
[3]) «Архив», т. II, стр. 149, «Примечания к «Анти-Дюрингу».
[4]) Там же, стр. 145.
[5]) «Архив», т. II, стр. 147, «Примечания к «Анти-Дюрингу».
[6]) «Архив», т. II, стр. 201, «Заметки».

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО. Ежемесячный журнал под редакцией Л. Б. Каменева и Г. М. Кржижановского, издание Госплана, №№ 1—7 за 1925 г.

Допущение рынка и рыночных отношений, этих категорий капиталистического хозяйства, не только не устраняет необходимость плана, а, наоборот, всячески усиливает эту необходимость. Это неоднократно подчеркивал Ленин и особенно ярко выразил в письме Г. М. Кржижановскому по поводу его книги «Хозяйственные проблемы РСФСР», где трактовались плановые вопросы уже после новой экономической политики. Прочитавши конспект этой книги, Ленин дал такие указания: «Почти в каждую главу можно (и должно, по-моему) добавить страницу, другую о том, что новая экономическая политика не меняет единого государственного плана, не выходит из его рамок, а меняет подход к его осуществлению» [1]). И действительно, если бы мы отказались от планового руководства, то при рыночных условиях наше хозяйство неизбежно катилось бы к капитализму. Но мы поставили задачу, и у нас есть все условия для того, чтобы построить социалистическое хозяйство. Нужно только сознательное воздействие государства на рынок, на стихийные процессы, совершающиеся в народном хозяйстве на базе этого рынка. Мы это можем делать: в наших руках находятся мощные экономические рычаги, благодаря которым само государство является крупнейшим суб'ектом рынка. Такое сознательное воздействие на рынок мы можем оказывать только на основе плана, на основе предвидения всех процессов, совершающихся в народном хозяйстве, и заранее намеченной системой экономических мероприятий направлять и руководить этими процессами. Намечать хозяйственный план—это намечать пути, которыми мы будем итти к социализму.

Вот почему вопросы плана имеют для нас огромное значение. Но плановая работа в условиях рынка и распыленного хозяйства представляет необычайную трудность. Мелко-буржуазная стихия, имеющая корни в нашей отсталой экономике, напирает и всячески старается тянуть в сторону капитализма. Стихийное стремление подхватывают буржуазные и мелко-буржуазные теоретики и дают ему «научное» обоснование. Этой стихийной бессознательности и сознательной стихийности буржуазной и мелко-буржуазной мысли должна противостоять наша ясная классовая линия, направляющая нас в сторону социализма, а не в хайло капитализма.

Эту задачу борьбы «с идейной бесхребетностью, экономическим ликвидаторством и буржуазно-реставрационными и мелко-буржуазными уклонами в экономике» поставил журнал «Плановое Хозяйство», издаваемый Госпланом.

Редакция его, приступая к продолжению издания журнала в 1925 г., «ставит своей целью издание ежемесячного политико-экономического

[1]) Г. М. Кржижановский, «Товарооборот и плановая работа 1924 г.», с. 17.

органа, который не только с достаточной яркостью и полнотой отражал бы текущую социально-экономическую жизнь страны, но журнала, который был бы руководящим и направляющим эту жизнь в обстановке борьбы планового социалистического плана со стихией рынка».

Неправильное понимание и извращение задач плана мы имеем не только со стороны людей, не стоящих прямо на платформе классовой борьбы и необходимости построения социалистического хозяйства, но и среди людей, находящихся в рядах нашей партии. Поэтому журнал, «стоя на позиции, закрепленной в решениях наших партс'ездов, ставит своей задачей бороться как против недооценки планового начала в нашем народном хозяйстве, так и против бюрократических извращений идей планирования».

Мы уже в течение пяти лет существования рыночных условий боролись за построение планового хозяйства, достигли в этом значительных результатов, и в наших руках накопился огромный практический опыт. Поэтому «освещение хозяйственной жизни страны и обобщение опыта местных и центральных экономических органов с марксистско-большевистской точки зрения» тоже является одной из задач журнала.

Журнал предназначается не только для узких кругов квалифицированных экономистов, «но и для всего партийного и советского актива, борющегося на передовых позициях нашего хозяйственного фронта».

Таковы задачи, которые ставит себе журнал в обращении от редакции в № 1 за 1925 г. Эти задачи охватывают все вопросы строительства социалистического хозяйства. К настоящему моменту уже вышло 7 номеров за 1925 г., и мы можем дать оценку, насколько журнал выполнил поставленные им задачи.

Программа каждого номера журнала состоит из 6 отделов: 1. Экономика и экономическая политика. 2. Экономика и техника. 3. За советским рубежом. 4. По районам. 5. Критика и библиография. 6. Хроника и информация.

Наиболее богато представлен, как и следует ожидать, отдел экономики и экономической политики, занимающий не меньше $^1/_3$ журнала.

Из этого отдела останавливают на себе внимание статьи Г. М. Кржижановского: «Плановые вопросы» (Журн. № 1), «Перспективы электрификации» (Журн. № 2), «К теории и практике планового хозяйства» (Журн. № 3). Все они имеют между собою тесную связь и освещают один и тот же вопрос теории и практики планового хозяйства как в капиталистическом обществе, так и в СССР.

В этих статьях тов. Кржижановский обращает внимание на необходимость работы теоретической мысли в области плана. Мы сейчас вступили в полосу хозяйственного под'ема. Наше хозяйство, политическая и партийная работа приняли такие размеры, что нам приходится уметь считать «миллионами» и обращаться «к поколениям». «Отсюда необходимость целого ряда специальных теоретических работ. Одной из важнейших отраслей этих необходимых теоретических экскурсов будет область планового хозяйства» (Журн. № 3, стр. 9).

Вопросы плана и планового хозяйства поставлены не только в нашем хозяйстве, но ставились и ставятся и в капиталистическом. «Чрезвычайно характерно, — говорит тов. Кржижановский, — что попытки перехода к плановому хозяйству совпадают с резким нарушением соотношения борющихся сил». Уже во время войны в момент обострения экономической и социальной борьбы мы имели попытку ввести плановое начало в капиталистическое хозяйство. Эта попытка потерпела крах как только кончилась война. Момент обострения хозяйственного и социального кризисов после войны, особенно в Германии, опять возродил в ней идею построения планового хозяйства. Появилась обширная литература, посвященная вопросу построения планового хозяйства капиталистического общества. В статьях тов. Кржижановского, особенно в журнале № 3, мы находим подробный обзор этой литературы. Характерно отметить, что в годы «бури и натиска», когда буржуазное хозяйство расползалось, мы находим в рядах защитников планового начала в народном хозяйстве виднейших практиков и организаторов капиталистического хозяйства, как: Ратенау, державшего в руках бразды правления мирового треста Всеобщей Электрической Компании, а после министра иностранных дел; министра государственного хозяйства Висселя, инженера Гартена. Однако, кроме общих фраз и разговоров, дело планирования капиталистического хозяйства, как мы знаем, дальше не двинулось.

Еще в больший тупик приходит техническая мысль. Цитируя целый ряд крупнейших представителей технической мысли, пишущих на страницах реакционных журналов о необходимости обобществления народного хозяйства, тов. Кржижановский говорит: «Нам кажется, что более красноречивой защиты неизбежности национализации промышленности, с точки зрения рационализации всего ее технического аппарата и всей народно-хозяйственной экономики, нечего искать. И такие строки мы читаем во всемирно известном, но политически крайне реакционно настроенном органе германских электротехников. Это ли не тупик экономической политики современной Германии?» — спрашивает тов. Кржижановский.

Но социалистическое общество родится из капиталистического, и оно перенимает то техническое наследие, которое оставляет ему капитализм. Здесь тов. Кржижановский обращает внимание на мысли Маркса, брошенные им в примечании к Готской программе, где «Маркс рисует социалистическое строительство, как процесс последовательных трансформаций той экономики, которую мы получаем в наследство от капиталистического строя. Маркс подчеркивает, что эта экономика будет долго еще носить на себе «материнские пятна» предшествующего строя. Он предвидел, что на значительный период не придется освободиться от института заработной платы и всего аппарата денежного хозяйства. Отказываясь от глубокой детализации будущего социалистического строя, Маркс тем не менее находит необходимым отметить, что одной из первых забот этого общества будет создание таких страховых фондов, которые обеспечивали бы воспроизводство» (Журнал № 1, стр. 29).

Практика нашего хозяйства целиком подтвердила прогноз Маркса, мы сохраняем институт заработной платы, уже в самом начале революции мы вынуждены образовать специальные страховые и семенные фонды. «Однако операция образования всякого рода страховых фондов и самые операции страховки являются, по сути дела, лишь звеньями единого кредитно-банковского аппарата» (стр. 30). Отсюда огромная роль, которую придает тов. Кржижановский банкам в нашем хозяйственном строе.

Но в основу построения планового хозяйства мы должны положить энергетику. Тов. Кржижановский подробно останавливается на доказательстве этого положения, приводя целый ряд примеров из современного хозяйства капиталистических стран. Вот почему пролетарское хозяйство уже с первых дней существования его в основу построения плана положило принцип энергетики в известном плане электрификации.

В статье «Перспектива электрификации» (Журнал № 2) тов. Кржижановский дает чрезвычайно интересную историческую справку по поводу возникновения плана электрификации. Оказывается, не только мысль создать план электрификации, но и первая программа этого плана была дана Владимиром Ильичем Лениным.

Статьи тов. Кржижановского дают оценку роли плана электрификации и ссылкой на целый ряд фактов из развития послевоенного капиталистического хозяйства подтверждают правильный принцип, положенный в основу построения плана народного хозяйства, принцип энергетического подхода. Они дают ответ на вопросы плановой работы сегодняшнего дня и условия, в которых протекает эта работа.

Статья тов. Каменева (в журнале № 1) дает итог тех достижений, которые мы имели в области планирования народного хозяйства, а И. Т. Смилга в том же номере на основе итогов и опыта работы предшествующих лет дает перспективу и задачи плановой работы на 1925 г. Уже из анализа темпа развития нашего хозяйства за 1925 г. было ясно, что мы в 1925/26 г. заканчиваем так называемый «восстановительный период» в развитии нашего хозяйства, за которым последует процесс реконструкции или нового строительства на новой технической основе. Эти задания по подготовке нового строительства уже были отмечены в ст. И. Т. Смилги в начале 1925 г. Но развернутую программу этих работ мы имеем в содержательной статье Г. М. Кржижановского «К пересмотру плана электрификации» (Журн. № 7).

Давая обзор нашего хозяйственного развития и опыта, который мы приобрели за последние 5 лет, тов. Кржижановский делает вывод, что мы вступили в такую полосу, когда хозяйственный план, данный в плане электрификации, подлежит пересмотру. Основные положения, выдвинутые планом электрификации, в основе остаются верными, поэтому «перед нами работа не новых изысканий в точном смысле этого слова, а перед нами работа уточнения». Однако задачи, которые ставятся при пересмотре хозяйственного плана, вносят столько новых моментов, что это будет по существу коренной пересмотр плана электрификации, принятого VIII С'ездом.

Исключительный интерес представляют статьи С. Г. Струмилина «К проблеме капиталов СССР» (Журнал №№ 2 и 4).

Тов. Струмилин поставил своей задачей исследовать темп накопления капиталов в промышленности почти за 30 лет: с 1885 по 1913 г. Эти исследования показали, что среднее ежегодное накопление капиталов в промышленности в вещной форме составляет 7,2% в год. Насколько быстр этот темп? Тов. Струмилин приводит сравнение с американским темпом накопления примерно за тот же период (1899—1914), где средний годовой темп накопления составлял 6,5%. Таким образом, неоднократно приводившиеся данные о сверх'американском росте нашей промышленности по росту ее продукции теперь подтверждаются исследованиями тов. Струмилина «о росте капиталов».

Правильно замечает тов. Струмилин, что далеко не вся извлекаемая прибавочная ценность капитализировалась. Если ежегодная прибыль была 16,2%, то капитализации ее подвергалось только 7,2%. «Как видим,—замечает тов. Струмилин,—даже без прилива капиталов из-за границы русская промышленность могла бы умножить свои промышленные фонды не на 7,2%, а даже по полуторной или вдвое более высокой норме». В фонд промышленного накопления из каждой сотни руб. заработной платы поступало только 23 рубля. Из этого исследования тов. Струмилин делает практические выводы, что и у нас норма накопления должна быть не меньше.

Однако, норму прибавочной ценности мы можем брать с рабочего несравненно меньшую, так как у нас нет непроизводительных расходов буржуазии. Установлением этой нормы мы должны сознательно регулировать темп социалистического накопления. Тов. Струмилин предлагает устанавливать эту норму в виде прибыли, не на общую сумму издержек производства и не на основной капитал, а на зарплату.

Мотивирует это тов. Струмилин тем, что в капиталистическом обществе тенденция к равенству нормы прибыли «поставлена лишь как наиболее общая тенденция, т.-е. весьма несовершенно». И совершенно нерационально стремиться достичь ее в наших хозяйственных условиях, когда капитал обобществлен, и мы имеем другие формы переброски его «помимо стихийно выявляющихся цен и соответствующих им норм прибыли».

«Другое дело,—говорит тов. Струмилин,—тенденция к выравниванию уровня зарплаты рабочих равной квалификации и соответствующих норм прибавочной ценности. Выявить эту тенденцию, обнажив ее от всех фетишистических оболочек уже в процессе планового подхода—это не только технически приемлемая, но и принципиально благодарная позиция» (Журнал № 2, стр. 65).

И дальше: «Каждый рабочий имеет право и должен отчетливо знать, какую долю своей продукции он сберегает по воле своего класса для усиления производственных фондов республики труда, а если он будет знать, что тягота этого самоограничения ложится и распределяется равномерно на всех его товарищей по труду, то тем сознательнее и радостнее будет участвовать в общей работе и общем стремлении к социалистическому будущему». (Стр. 63).

Соглашаясь с тов. Струмилиным, что это принципиально благодарная позиция, мы решительно с ним не согласны в возможности ее практического применения в данных условиях. Если даже предположить, что мы установим равномерную заработную плату для рабочих одинаковой квалификации во всех отраслях промышленности, то это будет далеко не одинаковое участие этих рабочих в социалистическом накоплении, ибо производительность, интенсивность труда в разных отраслях не одинакова. Но это поравнение заработной платы для рабочих одной и той же квалификации в разных отраслях мы практически провести не можем, так как это устраняло бы момент производительности труда, рентабельности этой отрасли и, наконец, важности ее в данный момент. А учесть все эти факторы мы можем только через рыночные цены, которые и диктуют определенный размер заработной платы в каждой отрасли.

В следующей статье (Журнал № 4) тов. Струмилин прослеживает накопление или вернее растрачивание основного капитала в нашей промышленности за годы войны и революции до конца 1923 г. Из анализа движения промышленных фондов и получаемых прибылей за 1922—23 г. тов. Струмилин приходит к выводу, что наша промышленность уже вступила в полосу нормального погашения своих основных фондов. Прибыль, полученная промышленностью, исчисляется в 111 миллионов рублей, однако, если учесть 360 миллионов руб., списанные с промышленной прибыли НКФ'ином через повышение оценки основного капитала, то общая сумма прибыли выразится в 471 миллион, из коих 360 миллионов рублей, списанные НКФ'ином, тов. Струмилин относит за счет высоты кон'юнктурных цен эпохи «ножниц» и 111 миллионов рублей за счет прибавочной ценности, извлекаемой из рабочего класса, что составит 41% по отношению к сумме заработной платы.

К сожалению, тов. Струмилин не приводит метода своего расчета, почему он все 360 миллионов рублей относит за счет высоты кон'юнктурных цен и только 111 миллионов рублей за счет прибавочной ценности, создаваемой рабочим классом. Без этого расчета цифры тов. Струмилина теряют свою ценность. Если принять безоговорочно все расчеты тов. Струмилина, то можно с ним согласиться, что «жаловаться на особо низкую рентабельность советской промышленности пока нет никаких оснований».

Не меньший интерес представляют статьи Струмилина «Наши эмиссионные возможности» (Журнал № 5) и «Бюджет времени рабочего в 1923—24 г.» (Журнал № 7).

Статьи В. Г. Громана «О некоторых закономерностях, обнаруживаемых в народном хозяйстве» (Журнал №№ 1 и 2), являются попыткой создать теорию так называемого «восстановительного процесса», сущность которой Громан ярче всего формулировал в другой статье: «Восстановительный процесс (если отвлечься от социально-политических форм и моментов реконструкции) заключается в тенденции к восстановлению довоенных размеров пропорции и экономических связей (курсив наш) между отдельными элементами народного хозяйства» (Журнал № 7, стр. 104).

Разберем экономическое и политическое содержание этой формулировки. Прежде всего термин «восстановительный процесс» сам по себе неудачен. Это уже было отмечено А. Мендельсоном («Правда» № 64 за 1925 г.). Если мы употребляем этот термин, то вкладываем в него понятие, что приводим в действие, восстанавливаем работу на старых фабриках и заводах, оставленных нам в наследство от старого строя и бездействующих за время революции. Но уже в это время, не перестраиваясь технически, они начинают работать в новых экономических и социальных условиях.

Отдельные предприятия, принадлежавшие десяткам и сотням владельцев, как бакинские нефтяные промыслы, донецкие угольные копи, об'единены в один хозяйственный организм, который имеет совершенно иные экономические связи не только внутри себя, но и с другими отраслями хозяйства. Таким образом, здесь можно говорить о восстановлении и восстановительном процессе, но только в том смысле, что мы взяли старые здания и старые машины и восстановили на них прекратившееся производство. Но это восстановленное производство уже не то, что было прежде. Здесь мы имеем другой тип экономической связи как между отдельными предприятиями, так и между целыми отраслями народного хозяйства, и совершенно другие производственные отношения людей.

И нельзя рассматривать просто восстановление производства вне экономических связей между отраслями производства и вне новых производственных отношений. Громан же, как видите, отвлекается от этого главного. Отвлекшись от этого, он идет дальше и усматривает в этом восстановлении старые пропорции и экономические связи.

Насчет старых пропорций тут прежде всего никаких особых законов нет. Поскольку мы оперируем со старыми производительными силами как всего народного хозяйства, так и его отдельных отраслей, то здесь и законов не нужно открывать, чтобы понять, что если мы привели в действие старое техническое оборудование и засеяли старые посевные площади, то получится некоторое похожее отношение как количественное, так и ценностное между продукцией сельского хозяйства и промышленности, что Громан называет «восстановлением довоенных пропорций». И то это будет верно грубо. Если же мы возьмем отдельные отрасли промышленности или сельского хозяйства, то такое категорическое утверждение восстановления между ними довоенных пропорций будет еще больше неверным.

Еще в большей мере тенденция к восстановлению довоенных экономических связей между отдельными отраслями будет неверной. Изменилась экономическая структура всей промышленности, а отчасти и сельского хозяйства (возьмем хотя бы кооперирование крестьянства), и утверждение, что между ними устанавливается довоенная форма связи, надо признать безусловно реакционным.

До сих пор против этой реставрационной теории никто на страницах журнала не выступил. Только И. Г. Смилга в Журнале № 6 вскользь коснулся идеологии восстановительного процесса: «Все попытки создать нечто вроде теории восстановительного процесса оказались неудачными. Слишком короток хозяйственный период и слишком велики изменения всей экономической структуры (курсив наш) Союза, чтобы можно было уже сейчас создать удовлетворительную теорию. Теория восстановительного процесса будет создана тогда, когда сам восстановительный процесс будет принадлежать истории» (стр. 9—10).

По-нашему, к тому времени и сама теория будет принадлежать истории. Но поскольку сегодня ее пытаются все-таки создать, надо не просто констатировать, что эти «попытки неудачны», а вскрыть их социальное значение.

Богато представлен в журнале обзор кон'юнктуры народного хозяйства, а также обзор отдельных отраслей народного хозяйства. Отметим по промышленности статьи Гинзбурга «Об очередных задач нашей промышленной политики» (Журнал № 5), Гордона «Состояние капитала нашей промышленности в 1923—24 г. и перспективы на 1925—26 г.» (Журнал № 3), Александрова «Новая фаза в развитии металлургии в связи с реконструкцией» (Журнал № 4), статьи по транспорту: Рудзутака «Очередные задачи транспорта» (Журнал № 5), Янушевского «Перспективы транспорта на 15 лет» (Журнал № 3) и другие; статьи по вопросам производительности труда Халатова, Гухмана и др.

Значительно слабее представлен отдел сельского хозяйства. Кроме статей Огановского «Сельское хозяйство и его экспортные рессурсы» (Журнал № 2) и «Результаты аграрной революции и современное расслоение деревни» (Журнал № 5) и статьи Гурова «О землеустройстве» (там же), больше ничего почти нет. Статьи Н. П. Огановского, особенно «О результатах аграрной революции» и т. д., ничего ценного не представляют. Автор взял данные налоговых списков за 1924—25 г. и по этим данным дает расслоение деревни. Данными НКФ'ина, собираемыми с фискальными целями, вообще можно пользоваться чрезвычайно осторожно. Огановский эти цифровые данные еще расположил в такой комбинации, что у него получилось по некоторым районам, как правильно отмечает редакция журнала, «чуть ли не 50% кулаков» (см. Журнал № 5, стр. 55).

В журнале «Плановое Хозяйство», больше чем где бы то ни было, должен быть освещен вопрос об экономическом воздействии государства в плановом порядке на крестьянское хозяйство или вернее на различные социальные слои этого хозяйства с целью организации и вовлечения в общее русло социалистического строительства. Этому вопросу журнал как раз не посвятил ни одной статьи.

Нет в журнале и данных о выполнении наших планов по различным отраслям народного хозяйства. Госплан проделывает огромную работу по составлению как перспективных планов, так и ежегодных

операционных по всем отраслям хозяйства. Насколько они жизнью оправдываются, делаем ли мы ошибки, и где эти ошибки—все это должно найти свое отражение в журнале, издаваемом Госпланом. В свое время Ленин писал, что для того, чтобы увязать план с практической жизнью, «надо, чтобы наши экономисты, статистики и литераторы детально изучали выполнение наших планов, наши ошибки в этом практическом деле и способы исправления этих ошибок» [1]). В специальном письме по этому вопросу к Г. М. Кржижановскому Ленин писал: «Предлагаю обсудить такой план (считаю его архиважным): обязать несколько членов общеплановой комиссии систематически представлять отчеты и статьи о выполнении разными ведомствами (и по разным губерниям, уездам, кустам и предприятиям и т. д.) текущих хозяйственных планов и о сравнении этого выполнения за разные годы и для печатания в «Экономической Жизни» [2]).

Отчет о выполнении плана мы имеем только один в статье проф. Макарова (Журнал № 6) по сельскому хозяйству, а они должны даваться по всем отраслям народного хозяйства.

Из других отделов журнала обращает на себя особое внимание отдел экономики и техники. В № 1 журнала помещена чрезвычайно содержательная статья С. А. Кукеля, представляющая обзор мировой конференции по энергетике, состоявшейся в Лондоне в 1924 г., на которой присутствовали делегаты СССР. В том же номере помещен доклад проф. Рамзина на той же конференции об энергетических ресурсах СССР. Эта статья представляет собою капитальнейшее и единственное исследование о наших энергетических богатствах. Целый ряд статей в последующих номерах журнала посвящен вопросам достижений техники за границей и у нас. Из них отметим статью В. И. Золотарева «Электрификация—база будущего» (Журнал № 3).

В отделе «За Советским рубежом» мы имеем обширные обзоры мирового хозяйства в целом и по отдельным странам. Из статей, помещенных в выпущенных 7 номерах, отметим статьи Фалькнера «Экономические основы плана Дауэса» (Журнал № 1), «Рост народного имущества в Соединенных Штатах» (Журнал №№ 4 и 5); статьи товарищей Варги и Троцкого «О стабилизации капитализма» (Журнал № 6), тов. Спектатора «Государственная организация хозяйства во время войны» (Журнал № 3) и ряд других.

Отдел «По районам» дает районные обзоры народного хозяйства, а также освещает целый ряд крупных строительств (постройка Волго-Донского канала, защита Ленинграда от наводнения и т. д.).

Хорошо поставлен отдел «Критики и Библиографии».

И, наконец, последний отдел—«Хроника и информация», освещающий, главным образом, работу президиума Госплана и его многочисленных секций. Иногда почему-то в этот отдел попадают и специальные исследования, как, например, в № 7 статья С. Г. Струмилина «К учету народного богатства СССР» и статья Агибалова «Опыт исчисления товарооборота СССР в 1923—24 г.». Мы обращаем внимание читателя на помещаемые в этом отделе каждого номера «Бюллетени динамики народного хозяйства СССР» под редакцией С. Г. Струмилина и «Бюллетени динамики мирового хозяйства» под редакцией С. А. Фалькнера. Эти бюллетени, дающие цифровой материал по всем отраслям народного хозяйства с диаграммами, представляют богатейший, всегда свежий и суммированный источник сведений о всех динамических процессах союзного и мирового хозяйства.

1) В. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 86.
2) Г. М. Кржижановский. «Товарообмен и плановая работа», с. 7.

Журнал привлек к сотрудничеству лучшие экономические и технические силы нашего Союза, а также ряд экономистов крупнейших стран.

Таков облик «Планового Хозяйства», как он выявился в вышедших семи номерах. Мы, конечно, дали обзор очень незначительной части всего того богатого и содержательного материала, который помещен в вышедших номерах журнала. Однако, этого достаточно, чтобы сделать вывод, что «Плановое Хозяйство» является лучшим экономическим журналом нашего Союза.

На какого читателя он рассчитан? Задача, поставленная редакцией, чтобы журнал предназначался «не только для квалифицированных экономистов, но и для всего партийного и советского актива, борющегося на передовых позициях хозяйственного фронта»—не достигнута.

Конечно, здесь дело в понимании, где кончаются эти «передовые позиции». Если они кончаются пределами ВСНХ, НКВнуторга и им подобных, тогда да, журнал борцов этих передовых позиций удовлетворит. Но мы думаем, что понятие этих передовых позиций должно быть значительно расширено, во-первых, а, во-вторых, вопросами плана или вопросами строительства социалистического хозяйства интересуются не только борцы «передовых позиций», но и глубокого тыла.

Идею плана и планового хозяйства, нашу работу и наши достижения в этой области мы должны распространять среди сотен, тысяч и миллионов. Намечать план—это значит намечать конкретно путь строительства социалистического хозяйства. В этом строительстве участвуют миллионы, и они должны иметь ясное представление о конкретных путях этого строительства.

Не даром Владимир Ильич так настаивал на широчайшем распространении плана электрификации. По его предложению VIII С'езд принял постановление о преподавании этого плана в школах; по его настоянию, т. Степанов засел писать популярную книгу об электрификации, которую Ленин снабдил известным предисловием. Мы и десятой доли не делаем того, что нужно для распространения сведений о плановой работе в настоящий момент.

Может ли выполнить эту задачу журнал «Плановое Хозяйство». Безусловно нет. И по своему об'ему и по содержанию он предназначен для квалифицированного экономиста, и если партийный советский актив, хотя бы «борющийся на передовых позициях», не имеет теоретической подготовки, журнал будет для него труден.

Надо ли поэтому изменять характер журнала? Ни в коем случае. Журнал должен остаться в том же виде, как он есть, тем же органом теоретической и практической плановой мысли.

Для освещения вопросов плана среди широких масс участвующих не только на хозяйственном фронте, но и во всех областях социалистического строительства, надо создать второй—популярный журнал.

У нас сейчас существуют два журнала, однородных по своему характеру: «Плановое Хозяйство» и «Социалистическое Хозяйство». Их можно с большим успехом об'единить в один журнал, а второй создать популярный.

Надеемся, что Госплан возьмется за это дело и выполнит его.

А пока мы горячо рекомендуем вниманию партийного, советского и хозяйственного актива прекрасный журнал «Плановое Хозяйство».

М. Голендо.

О „ХОЗЯЙСТВЕННОЙ“ ДЕМОКРАТИИ.

„Так это и бывало: в лучшем случае получалась немецкая свобода, профессорская свобода, и не успеешь оглянуться, как на верхушке этого просвещенного гражданского творения снова сидели король и церковь, дворянство, денежные тузы и военные“.

Вальтер Ратенау, „Новое государство“.

Идея политической демократии в результате проверки ее на опыте войны и революции оказалась окончательно дискредитированной в глазах пролетариата. Идея надклассовой демократии становится все более и более недействительным оружием в руках буржуазии, и на смену ей выплывает новая идея, более тонкая, которую буржуазия думает использовать в целях притупления классовой борьбы—идея «хозяйственной демократии».

Эпоха «военного хозяйства», особенно в Германии и Англии, послужила как бы гигантским экспериментом, оправдывавшим право «хозяйственной демократии» на существование. «Бургфриден», гражданский мир был той духовной средой, которая, казалось, способствовала претворению этой идеи в жизнь.

Когда правительство Гогенцоллерна издавало в марте 1915 г. закон о регулировании трудового посредничества, оно декларировало известные элементы «хозяйственной демократии». Закон гласил, что организованное в каждом городе «бюро труда» составляется в равных частях из представителей рабочих и предпринимателей на основе пропорциональных выборов. В функции этого бюро входило, кроме трудового посредничества, также рассмотрение и утверждение тарифных договоров [1].

Необходимо особенно остановиться на законе «об отечественной вспомогательной службе», принятом 5 декабря 1916 г. § 11 этого закона предписывал организовать во всех предприятиях, работающих на оборону, с числом рабочих не менее 50—«постоянные рабочие комитеты». § 12 определял таким образом функции этих комитетов: «На рабочих комитетах лежит обязанность содействовать доброму согласию среди самих рабочих предприятия, равно и между рабочими и работодателями. Они должны доводить до сведения предпринимателя обо всех пожеланиях и жалобах рабочих, которые касаются устройства предприятия, заработной платы и прочих условий работы предприятия и его благоустройства».

Таким образом первые шаги в области законодательного проведения принципов «хозяйственной демократии» принадлежат правительству Гогенцоллерна. Стремление сделать рабочих ответственными за деятельность предприятия, работающего на оборону, стремление сделать их классово-безопасными руководило в те поры германским правительством.

Правительство встречало сильную поддержку со стороны социал-демократии и профсоюзов. Именно это обстоятельство обеспечило ему, по крайней мере на первых порах, успех. Как свидетельствует в своей книжке оппозиционно настроенный работник немецкого союза металлистов, выдвинутый затем революцией на высокие посты Рихар Мюллер [1]), проект закона об отечественной вспомогательной службе «был 8, 13 и 18 ноября согласован с представителями генеральной комиссии».

[1]) Arthur Dix. «Kriegswirtschaft und Wirtschaftskrieg».

Тронутый столь приличным поведением профсоюзов и социал-демократии министр военного снабжения, генерал Гренер, мог с полным основанием заявить в прусском ландтаге следующее: «Я смею думать, что мы и впоследствии встретимся, питая полнейшее доверие друг к другу, и что, когда через месяц после заключения мира указанный закон потеряет свою силу, мы пожмем друг другу руки и сможем сказать друг другу: мы поступили очень разумно».

Солидному генералу отвечал захлебываясь от восторга социал-демократ Гирш, заявивший, что «работа профсоюзов по проведению закона занесена в книгу истории золотыми письменами» [2]).

Интересно привести еще один документ, свидетельствующий о том, что именно реформистские профсоюзы сеяли среди пролетариата иллюзии «хозяйственной демократии». Генеральная комиссия профсоюзов писала 25 ноября 1915 г. союзу германских работодателей следующее: «За последнее время хозяйственное положение в значительной степени улучшилось. Многочисленные предприятия снова открыты, и производство возобновилось... Это благоприятное развитие в значительной степени обязаю разумному об'единению организаций работодателей и рабочих для совместной работы. В разнообразных отраслях ремесел и промышленности представители работодателей и рабочих об'единились для совместной работы с целью устранения затруднений, грозивших открытию предприятий и возобновлению производства» [3]). Далее, Генеральная Комиссия восхваляет, как образцовый пример, «трудовое содружество работодателей и рабочих строительной промышленности» и просит германский союз работодателей побудить входящие в его состав организации предпринимателей поступать так же, как и предприниматели строительной промышленности.

Аналогичные явления имели место и в Англии. Вожди тред-юнионов действовали таким же образом, как и их немецкие коллеги. Очень ярко выразил реформистскую идеологию тред-юнионов в эпоху минувшей войны председатель Бирмингэмского конгресса, состоявшегося в 1916 г., Гарри Гослинг, заявивший, что «промышленная демократия является единственным средством социального мира» [4]).

Так говорил лидер английских рабочих. А что говорила буржуазия?

Устами своего тогдашнего кумира—Ллойд-Джорджа—она взывала к «гражданскому чувству» рабочих. В своей речи, сказанной в палате общин в 1915 г., он говорил: «Мы подходим к опасности остановки работ через стачки и локауты. Я бы хотел, чтобы эти орудия борьбы были уничтожены во всех отраслях промышленности в течение войны, и я не отчаиваюсь получить согласие тех, которые обычно возражают против обязательного третейского суда при нормальных условиях жизни. Рабочие и хозяева, которые участвуют в изготовлении снарядов и военного оборудования, уже дали свое согласие... Попробуем же, по мере возможности, договориться: руководители тред-юнионов идут с нами рука об руку [5]).

[1]) Рих. Мюллер, «Мировая война и Германская революция».
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) М. Беер, «История социализма в Англии», т. II.
[5]) Всер. земск. и городские союзы. „Изв. гл. комитета по снабж. армии“, № 2—3, 1915 г.

Приводимые выдержки имеют целью показать, что идея «хозяйственной демократии» усиленно пропагандировалась именно буржуазией во время прошлой войны.

Смешанные комитеты в уголовной промышленности, так называемые суды по вооружению—в Англии, рабочие комитеты, ориентация профсоюзов при проведении закона о вспомогательной отечественной службе—в Германии и пр. и пр. ясно говорят за то, что идея «хозяйственной демократии», идея хозяйственного содружества рабочих и предпринимателей не осталась пустым звуком, а была использована буржуазией, как средство для притупления классовой борьбы и подчинения пролетариата.

В годы войны идея «хозяйственной демократии» была окрашена в специфический цвет шовинизма, и под прикрытием ее буржуазия низвела пролетариат до крепостничества.

Идея «хозяйственной демократии» была враждебна идее рабочего контроля, и их никак нельзя смешивать.

В последовавшие за войной годы революции, ознаменовавшиеся резким обострением классовой борьбы, идея «хозяйственной демократии», по крайней мере в Германии, казалась окончательно похороненной. Вместо лозунга содружества пролетариата и буржуазии выдвигались лозунги классовой борьбы, захвата власти и т. п.

В Англии обостренность классовой борьбы за последние годы не достигла той степени, как в Германии. Это обстоятельство, как и известная идеологическая консервативность английского пролетариата, а также влияние французского синдикализма, обусловили тот факт, что реформистские иллюзии «хозяйственной демократии» стали играть известную роль в головах тред-юнионистских вождей. Мы говорим о так называемом «гильдейском социализме».

В Германии, теперь, в период «стабилизации», идея «хозяйственной демократии» снова появляется на свет божий с тем, чтобы сыграть свою служебную для буржуазии роль. Идеологов «хозяйственной демократии» немецкая буржуазия нашла в лице двух виднейших профессоров экономистов: проф. Лифмана и проф. Беккерата.

Надо сказать, что идеологическая атмосфера Германии характеризуется вообще бешеным наступлением на пролетариат. Столь крупный экономист, как Вернер Зомбарт, читал в декабре прошлого года в «Союзе социальной политики» доклад о классовой борьбе, пропитанный идеей гармонии интересов между пролетариатом и буржуазией. По Зомбарту тем цементом, который должен спаять пролетариат с буржуазией, является вера в бога [1]). Проф. Мизес специально занялся марксистоедством, взывая к национальному сознанию для борьбы с классовым [2]).

По стопам Мизеса шествует профессор Отмар Шпанн, воспевая доблести и добродетели и капитала [3]).

А также буржуазные знатоки промышленности, как Лифман и Беккерат, фактически проповедуют идею «хозяйственной демократии», т.-е. классового мира на заводе, на фабрике.

По мнению профессора Беккерата, довоенные отношения между работодателями и рабочими складывались следующим образом: «Дух авторитета, с одной стороны, и порядка, с другой, а также боязнь влияния дисциплинированных рабочих масс сказывались... во враждебных отношениях между государством, рабочими и работодателями. Особенно заметно это было в тяжелой индустрии. Предприниматель представлялся рабочим как полноправный хозяин, который отвергал участие рабочих в руководстве делами предприятия и даже отвергал паритетное регулирование зарплаты и условий труда. На стороне предпринимателей видно было большое умение в управлении предприятиями, а на стороне рабочих были видны относительная пассивность и отсутствие интереса к общим индустриально-хозяйственным вопросам и к специальным вопросам собственного предприятия, поскольку эти вопросы непосредственно не затрагивали условий труда; эта пассивность обусловливалась политическим радикализмом и поддерживалась некоторыми партийными вождями» [1]).

[1]) „Weltwirtschaftliches Archiw“, 1925, вып. I.
[2]) Там же.
[3]) Othmar Spann, «Die Überwindung des Marxismus».

Таким образом, были виноваты и рабочие и предприниматели. Первые слишком поддавались влиянию «политического радикализма», а вторые были чересчур об'яты духом «авторитета и порядка».

Отношения государства к рабочему, по мнению проф. Беккерата, также не отличались добропорядочностью: «Рабочий должен был благодаря заботе о его благосостоянии становиться скорей об'ектом и машиной, чем суб'ектом и соучастником государственной политики».

Но так долго продолжаться не могло, т. к. «хозяйственная демократия» заложена в самом развитии крупной индустрии и, вероятно, появилась бы в Германии раньше или позже и без войны», хотя сам профессор признает, что родилась она во время войны.

Но далеко еще «нерешенный вопрос, возьмет ли верх сознание общности интересов рабочих и предпринимателей в индустриальном предприятии над старыми авторитетными понятиями и над партийными и классово-политическими антагонизмами, и неизвестно (вот именно—неизвестно! *Д. В.*), удастся ли установить необходимую индустриальную дисциплину на основе доверчивых отношений между руководителями и руководимыми, вместо старых отношений подчинения.

Но что же нужно сделать, чтобы достигнуть, наконец, гармонии интересов? Работодателям и рабочим надо соответственным образом «воспитаться». Но особенно следует поработать над своим воспитанием рабочим. «Особенно важной будет позабытая задача политических и хозяйственных организаций рабочих об'яснить своим членам, что демократия и свобода в политической и хозяйственной жизни не есть замена подчинения своеволием и отсутствием дисциплины, и что вместо подчинения приказаниям должна быть ответственность перед самой работой, установленной предприятием, индустрией, народом. Без высочайшей самодисциплины и без гражданского сознания всех не может быть ни политической, ни хозяйственной демократии». Вот вам и программа воспитания рабочего класса!

Идея «хозяйственной демократии» должна быть осуществлена, т. к. «народ и государство будут расти в политическом и хозяйственном отношениях лишь тогда, когда по существу необходимое хозяйственное противоречие между предпринимателями и рабочими будет регулироваться чувством совместной ответственности перед народом и государством, чувством общей заинтересованности в росте индустрии и чувством бдительности перед внешним врагом». Программа проф. Беккерата рассчитана на долгий срок, т. к. социализма профессор не жаждет, и даже наоборот. «Капиталистическое хозяйство,—по его мнению,—само по себе

[1]) «Kräfte, Ziele und Gestaltungen in der deutschen Industriewirtschaft» von Dr. Herbert von Beckerath, 1924 г.

никоим образом не «анархично», но его порядок настолько потрясен войной и долголетним нарушением мировых хозяйственных связей и денежного обращения, что он (т.-е. порядок. *Д. В.*) восстанавливается с трудом».

Но нужно ли капиталистам следовать вашим рецептам, г-н профессор? Нужно, т. к. «рабочие переживают теперь время разочарования», и со стороны предпринимателей было бы крайне неумно, если бы они жали рабочих, тем более, что этот нажим не совсем безопасен.

А опасность таится вот где: «...если у рабочих будет развиваться сознание зависимости и эксплоатации их, то растет опасность, что при каком-либо поводе последует вспышка гнева,... которая разрушит искусное здание индустриального хозяйства».

Здесь-то и кроется истинная причина профессорской мудрости. Профессор боится нежелательных «вспышек» и проповедует именно поэтому «хозяйственную демократию».

Как же мыслит проф. Беккерат осуществление этой идеи?

Заключение колдоговоров с профсоюзами—вот и все. А в остальном «хозяйственная демократия» сводится к дисциплине и к уменьшению зарплаты, ибо «возможности народного хозяйства ограничены».

Другой экономист, проф. Лифман, не отличается откровенностью своего коллеги, хотя мыслит таким же образом.

В своей работе «Картели и тресты» [1]) он пишет: «Рабочих до самого последнего времени обучали ложной экономической теории, что будто бы стремление к прибыли проявляется только со стороны предпринимателей и что их «прибыль» покоится на эксплоатации рабочих, у которых предприниматели удерживают производимую ими прибавочную стоимость». В своем труде «Основы учения о народном хозяйстве» Лифман подвергает критике учение о противоположности интересов пролетариата и буржуазии. По его мнению, действенно противоположны интересы не рабочих и капиталистов, а производителей и потребителей. Рабочие же и капиталисты прежде всего—производители. Поэтому их интересы вполне примиримы. В этих насквозь неверных взглядах проф. Лифмана кроется «теоретическое» обоснование «промышленной демократии».

В своей работе «Картели и тресты» Лифман пишет: «В рамках данного исследования уместно лишь заметить, что сдвиги как хозяйственной, так и политической мощи обеих сторон (т.-е. рабочих и капиталистов. *Д. В.*) показывают, что они не могут обойтись одна без другой. Поэтому уже очень скоро оставили мысль о полном уничтожении частых предпринимателей почти во всех областях хозяйственной жизни, а пришли к признанию желательности общих организаций, т.-е. необходимости большего привлечения рабочих к хозяйственной, а не только технической стороне предпринимательской деятельности. Участие это проявляется по большей части внутри отдельных предприятий, в производствах, в виде производственных советов, где на переднем плане для рабочих стоит техническая сторона, изменение их внешних условий работы. Желательно, однако, привлечение представителей от рабочих также и к обсуждению хозяйственных вопросов, которые возникают уже в союзах, за пределами отдельных производств. Я всегда требовал нечто подобное в отношении картельных комиссий (Kartell-komissionen). Вполне возможно, конечно, представить себе рабочий совет в самом картеле, или делегацию представителей от рабочих, которые принимали бы участие в обсуждении с совещательным голосом. Можно надеяться, что когда германская хозяйственная жизнь примет опять более спокойный характер,

[1]) Р. Лифман, „Картели и тресты". Изд. «Экон. Жизнь», 1925.

слишком обостренные теперь противоречия между рабочими и работодателями примут также более мягкие формы. И этому должны способствовать именно новые организации, которые имеют целью большее привлечение рабочих к управлению предприятиями».

Как видно, профессор Лифман понимает «хозяйственную демократию» шире, чем проф. Беккерат. Лифман считает нужным привлечь рабочих к обсуждению вопросов, стоящих за пределами данного завода. Рабочие, по его мнению, должны заседать в карательных комиссиях, профсоюзы должны работать в содружестве с союзами капиталистов и т. д.

И Лифман и Беккерат обобщили с точки зрения буржуазии опыт предпринимателей за годы войны и революции. И тот и другой отображают настроения наиболее дальновидных слоев буржуазии.

Иллюзия «хозяйственной демократии» чрезвычайно опасна для рабочего класса. Она создает атмосферу известного, правда, временного содружества отдельных групп рабочих с предпринимателями. Она заслоняет основные задачи пролетариата, как класса, заменяя их заводским патриотизмом. Наконец, эта идея является прямым орудием борьбы с рабочим классом, так как диктует понижение зарплаты якобы в интересах промышленности и всего народного хозяйства.

* * *

Выше вкратце отмечалось, что реформистские профсоюзы и социал-демократия скатываются фактически к лозунгу хозяйственной, промышленной демократии. Теоретический орган немецкой социал-демократии, «Die Gesellschaft» призывает профсоюзных бюрократов готовиться к хозяйственной деятельности, при чем не оговаривает, в каких же условиях будет протекать «хозработа» этих вождей: в условиях ли господства буржуазии или господства пролетариата. Как-будто осуществление идеи «хозяйственной демократии» возможно в рамках господства буржуазии [1]).

Но если «Die Gesellschaft» сознательно затушевывает условия, в которых будет протекать хозработа профсоюзных бюрократов, то руководящий орган ревизионизма «Socialistische Monatshefte» [2]) ставит точки над и. В августовском номере этого журнала напечатан ряд статей, посвященных проблеме «хозяйственной демократии». Один из «теоретиков» ревизионизма, Пауль Кампфмейер в передовице, приуроченной к конгрессу реформистских профсоюзов Германии, открывшемуся 31 августа трактует о том, что профсоюзам необходимо заняться повышением производительности труда. Он ссылается на пример союза деревообделочников, которые думают «все производство построить демократически» и хлопочут об организации на сей предмет паритетных органов из представителей рабочих и предпринимателей. «Этого повышения производительности труда пыталось достигнуть путем применения мер насилия так называемое Советское правительство в России». В Германии повышение производительности труда будет—по мнению Кампфмейера—проводиться без всяких мер насилия, если, понятно, не считать черных списков, арестов и избиений. Не менее видный «теоретик» Макс Шиппель проповедует ту же хозяйственную демократию, при чем говорит, что рабочим нечего становиться в революционную позу, а надо практически работать в области восстановления хозяйства Германии, ибо, по выражению Щедрина, «маленькая вобла лучше большого та-

[1]) „Die Gesellschaft", Oktober 1924 г., статья „Wirtschaftpolitischer Ausbau der Gewerkschaften".

[2]) «Socialistische Monatshefte», August 1925 г.

ракана». Он доходит до такого цинизма, что выступает апологетом пресловутых договоров (Mikumverträge) между немецкой и французской тяжелой индустрией, которые ничего хорошего германским рабочим не сулят.

Юлиус Калиский занимается глубокомысленными рассуждениями, что рядом с «формально-механической демократией» должна существовать хозяйственная демократия, должны быть созданы демократические органы управления промышленностью. И такую «двухпалатную систему» рабочие, по мнению автора, должны приветствовать, ибо «социализация означает работу на службе и под контролем нации», а так как в составе нации есть и капиталисты, то почему бы г-ну Юлиусу Калискому, и иже с ними, не послужить верою и правдой капиталистам?

Мы остановимся на одном течении в социалистической мысли, которое теперь не видит всех опасностей иллюзий «хозяйственной демократии», а, наоборот, апеллирует к этой идее. Мы обратимся к так называемому гильдейскому социализму, который имеет довольно много сторонников в Англии. Рассмотрение этого учения в интересующей нас области покажет, что гильдейский социализм есть разновидность реформизма и что он так же, как реформизм, пропагандируя идею «хозяйственной демократии» в условиях капиталистического строя, затуманивает классовое сознание пролетариата.

В своей книге «Самоуправление в индустрии»[1]) виднейший теоретик гильдейского социализма, Коль, представляется с виду весьма радикальным писателем. Он пишет: «Демократическое управление фабриками занятыми в них рабочими было бы явственным признаком переворота в индустрии. Но таким путем система наемного труда не была бы еще разрушенной. Предприниматель мог бы предоставить управление фабрикой своим рабочим... Капиталист мог бы оплачивать (вот именно! *Д. В.*) профсоюзы, так же, как он оплачивает своего директора и, несмотря на это, он мог бы остаться капиталистом... они (т.-е. рабочие. *Д. В.*) тем самым не достигли бы ни упразднения системы наемного труда, ни социализации».

Здесь вопрос поставлен совершенно верно. Демократия на фабрике в условиях капиталистического строя ни в малейшей мере не угрожает капиталисту. Но выводы из этого верного положения делаются неверные. Мы читаем, что «сторонники гильдейского социализма уже часто указывали, как должна разрешаться эта задача (т.-е. задача переустройства индустрии на социалистических началах. *Д. В.*). Она должна разрешиться путем усиления роли профорганизаций в предприятиях, путем все усиливающейся связи между ними и путем постепенного перехода к профсоюзам прав капиталистов назначать административных лиц в предприятии. Стремление все сильнее проникнуть в капиталистическую автократию предприятий, фабрик и горных предприятий давно уже занимало первое место в программе гильдейцев».

Сие «первое место» не отличается ясностью. Как же это вы, значит, будете потихоньку проникать в святое святых капиталиста, а он вам без боя сдастся?

Ведь сам Коль весьма революционно заявляет, что «от рабочих нельзя ожидать, чтобы они приняли ответственность за дальнейшее руководство предприятием при неизменном существовании системы наемного труда. В борьбе с капитализмом рабочие наступают, и их целью является полное уничтожение капитализма».

[1]) Мы пользуемся немецким изданием 1921 г.

По мнению Коля, «Совместный контроль (рабочих и предпринимателей. *Д. В.*) в собственном смысле этого слова не осуществим».

Значит совместный контроль невозможен; ответственности на себя рабочие в деле руководства предприятием не возьмут никакой, а между тем капиталист, сложа ручки, будет смотреть, как рабочие «постепенно» забирают его предприятие. Как-то неправдоподобно выходит! Между тем Коль, очевидно, именно так думает.

Он предлагает читателю сравнить борьбу рабочего класса с борьбой Индии против Великобритании. Разве индусы на том основании, что они угнетены англичанами, отказываются от участия в правительственных органах? Нет, они все больше и больше завладевают ими. Так же следует поступать и рабочим. «Я думаю,—пишет Коль,—что в развитии индустриального самоуправления должна быть аналогичная стадия, когда рабочие пройдут через этап совместного с капиталистами контроля, прежде чем достигнуть самостоятельного контроля над промышленностью».

Страницей же раньше Коль писал, что «совместно» никак не выйдет. А самое забавное, что рабочие при этом должны будут остаться от капиталистов «независимыми».

Капиталист будет постепенно лишен «своей доминирующей роли в руководстве производственным процессом, и благодаря атрофии двух важнейших функций капиталиста (руководства и контроля. *Д. В.*) изменится соотношение сил, и система наемного труда будет ослаблена».

Далее Коль подробно развивает практический план постепенного завладения индустрией, на котором мы останавливаться не будем.

Мы видим, что гильдейцы являются сторонниками «хозяйственной демократии», и с этой стороны учение гильдейцев реакционно.

Иллюзии «хозяйственной демократии» становятся тем опаснее, что передовые идеологи буржуазии не прочь будут сомкнуться, да и фактически «смыкаются» в этом вопросе с реформистами.

Идея «хозяйственной демократии» становится все более и более модной. Она входит необходимой частью в учение так назыв. конструктивных социалистов, или, по просту говоря, реформистов; идея «хозяйственной демократии» занимает известное место в писаниях буржуазных экономистов, связываясь всегда с антимарксизмом.

Идея «хозяйственной демократии» в условиях капитализма глубоко враждебна пролетариату и служит оружием борьбы для буржуазии и ее агентов с рабочим революционным движением.

Требование совместного с капиталистом ведения дел на предприятии не может стать программным требованием пролетариата, какой бы революционной фразой это ни прикрывалось. Приведенными в эпиграфе словами одного из умнейших буржуа XX века можно будет подвести итог практике «хозяйственной демократии», если эта практика вообще когда-либо будет иметь место.

СОДЕРЖАНИЕ:

БОЛЬШЕВИК

№ 17—18 № 17—18

30 СЕНТЯБРЯ

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“